

Саамские сказки

Чахкли

Охотился охотник в лесу и встретил Чахкли. Чахкли был маленький, как ребенок, и совсем без одежды - голый. Хотел охотник убить его. "Не убивай меня, - сказал Чахкли, - я тебе дам что хочешь: и золота, и серебра, и денег. Пусть саамы во время нужды приходят к Чахкли-пахте, спускают в ущелье веревку, и я им тогда всего дам: и золота, и серебра, и денег. Но когда саамы увидят, что я им посылаю на веревке деревянные ложки, то это значит, что у меня больше ничего нет".

Повел Чахкли охотника к Чахкли-пахте и показал место, где он живет. Чахкли был не один, у него была жена, маленькие дети - все тоже голые. Чахкли - добрые, они долго помогали саамам. Опустят, бывало, саамы с пахты веревку в щель, привяжут узел - и Чахкли им посылали все, что было нужно. Долго так получали саамы от Чахкли поддержку в жизни; но когда они стали на веревке поднимать деревянные ложки, то перестали обращаться к Чахкли.

Чахкли живут под землей. Чахкли-пахта находится близ Нотозера, недалеко от финской деревни Нивенкюля.

Рассказала А. Герасимова, 1929 г. Записал и перевел В.К. Алымов, Рестикент.

Содержание: О том, как чахкли помогали саамам до тех пор, пока сами не обеднели.

Чаклинги

Приехали однажды саамы на кережках к берегу моря. Они хотели переправиться через салму на остров и там поохотиться на зверей.

На матером берегу у них вежа и находился карбас.

Отвязали они от кережек оленей, отпустили их пастись, а сами на карбасе переправились через салму на остров.

Привязали карбас у берега и пошли по острову. Ходили, охотились.

Старший у них был колдун-сновидец. Он увидел во сне, что неладное что-то случилось. "Не отвязали ли чаклинги наш карбас? - сказал он товарищам. - Пойдемте к берегу".

Пришли к берегу, видят - на самом деле, карбаса нет. Говорит тогда старший: "Ложитесь все на берег, головой к морю и лежите тихо, молчите".

Лежали саамы тихо, спокойно. Спали долго ли, коротко ли, не знают. Вдруг почувствовали, будто земля задрожала или море заволновалось: шум поднялся, как будто много рыбы хвостами забила по воде. Смотрят, огромная стая сайды, как плот стоит под ними. Потом показалось им, что в воду провалились. Глядят - а они уже у матерого берега. Это сайда их перенесла на материк.

Вышли саамы на берег. Пришли в вежу, чтобы обсушиться. Развели огонь. Вскипятили в котле воду. Вдруг кто-то застучал в дверь вежи. "Это чаклинг к нам пришел, - сказал старший. - Вы сидите смиренно, пусть он войдет, а я его кипятком оболью".

Открыли дверь. Стал входить в вежу чаклинг, голый как все чаклинги, а старший в это время и плеснул в него кипятком. Плеснул и закричал: "Сам себя обжег!" "Сам себя обжег! - закричал и чаклинг и убежал.

Саамы стали опасаться, чтобы чаклинг не вернулся к ним. Быстро собрались уехать. Запрягли в керезки оленей и поехали в тундру.

В это время был мороз и метель. Ехали-ехали саамы, вдруг сквозь метель слышат - за ними чаклинги бегут. Стали погонять оленей. Чаклинги бежали-бежали за ними, но так и не догнали, отстали. А так как чаклинги были голые - то все и замерзли в тундре.

Рассказал С.П. Дмитриев, 1936 г. Записал и перевел В.К. Алымов, с. Воронинский погост.

Содержание: В сказке переплелись сюжеты о чаккли и о чудесном переезде с острова на берег.

Мальчик из Талого Щелья

Жили старик саам с женою и не имели вовсе детей. Ходил он часто по лесу, промышлял значит. Раз он вышел на Падун и видит талое щелье - удивился: везде больше сажени снегу, а здесь нет ничего - голая земля. Смотрит он, а сам думает: должно быть, здесь живет кто. Стал ждать. Вдруг из земли выходят маленькие дети и давай играть. Маленькие такие человечки играют, что белки - бесенята ли какие, лесовки ли, господь их знает. Задумался старик. Пошел к жене и говорит: "Сшей мне большую, большую каньгу". Взял он каньгу и веревку и пошел на талое щелье. Привязал к веревке каньгу, бросил туда и ждет. Вечерело, и, как солнышке, только в последний разок осветило талое щелье, выбежали из земли дети. Один увидел каньгу и, играя, запихал туда обе ноги да, вдобавок, шутя связал себя веревкой. Старик как увидел это, крикнул страшным голосом. Дети разбежались, остался один связанный. Старик взял его, принес домой и говорит жене: "Не было у нас сына, вот тебе и сын". Стали они его растить. Вырос паренек. Только каждую весну нужно было за ним смотреть, чтобы не убежал куда. Скоро старик, старуха и парень перебрались в подземный городок и зажили там. Раз весной они не доглядели за парнем, тот и убежал от них далеко-далеко. По горам бежал, по лесу бежал, пока не наткнулся на чудь. Чудь схватила паренька: "Где живешь?" Он молчит. "Где живешь?" - спрашивают. "Где живешь?" - отвечает. "Кто ты такой?" - спрашивают. "Кто ты такой?" - отвечает. "Как тебя звать?" - спрашивают. "Как тебя звать?" - отвечает.

И так дальше. Как его спрашивают - теми же словами и отвечает. Озлобилась чудь. "Выбросить его в реку!" - порешили. Схватили парня, бросили. Вдруг видят, что вместо саама своего швырнули. Повторили еще - то же самое. "Убить его мечом!" - приказывает атаман. Зарубили его - смотрят, своих трех зарубили, а паренек все цел. Ну, тут чудь испугалась. Все же заставила повести его на место, где жили старики. Хотела чудь убить их, да паренек сказал, что если они дотронутся до отца и матери, так ни один жив не дойдет до Колы. Взяли они его в проводники. "Веди в Колу", - говорят. Вел он их четыре или пять дней и довел до острова на Туломе, что повыше Немецкого.

"Тут, - говорит, - ночевать нужно, потому в Колу ночью нельзя войти". Приплыли на остров в карбасах и заснули. Паренек взял все карбасы, перевязал их вместе, и сам уплыл с ними. Утром чудь просыпается - ни карбасов, ни парня.

Так они все там и погибли. Дольше всех жил атаман, он их и схоронил и вместе с ними положил деньги, много денег. Навалил каменьев и зарок сделал: кто здесь убьет своего сына и положит его в эту могилу, тому и достанется клад. С тем и умер.

"Тоже это место чудливое: нужно ехать мимо тихо, не кричать, а то достанется - плохо будет!" - прибавляют саамы.

Рассказчик неизвестен. Записал В. Немирович-Данченко в 1873 г. О маленьких человечках чахкли, которые помогают справиться с пришедшей чюдью. В. Немирович-Данченко называет чахкли бесенятами, или лесовками.

О чахлине

У старика и старухи жил один чахлин. Любили и ласкали его они как сына. Пришли к погосту шведы. А чахлин был веселый да быстрый, бегал вокруг погоста и заметил шишей. Побежал к своим и говорит, что шведы пришли, а потом уже поздно было. Бросились шведы на саамов и много народу перебили, а чахлина убить не смогли. Защищает он своих стариков порато. Ударит его швед саблей, а тот пуще прежнего защищает саамов. Ударит другой, а чахлину ничего не делается. Так и бросили шведы погост и старика с женкой оставили в покое.

Рассказчик неизвестен; записал А. Яценко в 1887 г.

Смерть чахкли

Чахкли, чаклинг - это маленькие, голые, живущие под землей и под камнями люди, очень суетливые, очень переимчивые, они добрые, но иногда своим озорством приносят вред человеку.

Они часто резвятся на песчаных берегах, ныряют под землей, из-под земли на поверхность, потом опять под землю. Их суетливость у нотозерских саамов вошла в поговорку. Суетливому человеку иногда задают иронический вопрос: "Что ты ныряешь, как чахкли?"

...Увидели раз саамы чьи-то маленькие человеческие следы на песке. Подумали: "Что за народ бегал по песку?"

Положили саамы на песке рыболовную сетку, а сами ушли. Вернулись, видят: чахкли в сетке запутался. Он был голый, красивый, хороший, совсем как маленький ребенок. Взяли они его к себе. Оставили его жить в доме.

Чаккли был очень переимчив, делал все, что делали люди, но без пользы и даже хлопот много наделявал людям. Уйдут они из дома, чаккли останется один - напугает, наворочает. Придут люди - все в доме в беспорядке.

Захотели люди избавиться от чаккли: надоел он, хлопот с ним много. Хозяин перед уходом из дома взял нож и давай тупой стороной водить себе по горлу, нарочно, чтобы чаккли это видел. Потом ушел.

Остался чаккли один. Взял хозяйский нож и начал им себе по горлу водить лезвием. Водил-водил и зарезался.

Это было недавно.

Кто знает, что это за чаккли и есть ли такие на свете.

Рассказал А.И. Герасимов, 1931 г. Записал и перевел В.К. Алымов, с. Нотозеро.

Содержание: Чаккли во всем подражают людям. Хитрый саам проводит тупой стороной ножа по горлу, чаккли, подражая ему, погибает.

О чахлыне

Пошел раз нотозерский промышленник вдоль по Туломе. Видит, неподалеку играют чахлыны. Маленькие они - прыгают, кувыркаются, и что один делает, то и все. И снял саам каньгу и бросил им. Поймал ее один чахлын и обе ноги всунул и давай обором закручивать.

А догадливый нотозерец обор привязал длинный. Завернулся в обор до головы чахлын, а промышленник и поймал его и принес к себе в вежу. А другие чахлыны выкуп сааму за товарища принесли.

Рассказчик неизвестен. В 1887 г. записал А. Яценко.

Нагой человек

Жил-был саам Кондратий. Осенью он промышлял на Ванозере рыбу. Раз он ходил по Чакшевараке и нашел большую глубокую яму. Он подумал: "Верно, нагой человек здесь живет". Развязал он у себя каньги и снял их с ног. Оборы он связал вместе и опустил один конец в яму, а другой привязал к каньгам, которые оставил у ямы. К каньгам привязал еще веревку и сам ушел не очень далеко в сторону. Сперва еще у ямы он несколько раз сказал: "Верчу, верчу и узел свяжу". Через несколько времени по оборам вышел из ямы нагой человек и стал одевать каньги. Кондратий в это время выскочил и схватило его. Он стал проситься, чтобы его отпустили. Кондратий стал просить выкуп. Он посулил и дал верное слово, что снова выйдет из ямы и принесет выкуп. Кондратий отпустил его. Он вскоре вышел и принес ему полную тарелку серебряных денег. Саам взял и сказал: "Мало". Нагой человек принес ему и другой раз столько же. Кондратий опять взял и

сказал: "Маловато". Нагой человек больше ничего не сказал, а только покачал головой и ушел третий раз. Вскоре принес ему ножик и вилку и отдал их. Когда Кондратий это взял, он сказал: "Ненадолго тебе этого богатства, зачем ты много взял? Скоро твой род обеднеет". Сказав это, ушел обратно. Кондратий сам был богат, но род его постепенно делался беднее и беднее.

Рассказали В. Летов и М. Федоров; записал К. Щеколдин, Пазрецкий погост.

Гром выпустили

Глубоко под землей жил черт со своей старухой. Были у них три дочери красавицы.

Порешили три парня пожениться на чертовых дочерях и достать их из-под земли.

Нашелся один человек, который согласился быть сватом и опуститься под землю, чтобы достать оттуда чертовых дочерей.

Черт жил очень глубоко. Длинную веревку нужно было иметь, чтобы опуститься туда.

Убили парни много коров, нарезали из коровьих шкур ремней, навили из ремней веревки, связали их вместе, привязали к одному концу свата и стали опускать его в дыру под землю. А перед этим сговорились с ним: когда он поймает чертову дочку, то должен привязать ее к концу веревки и дернуть за веревку, - они увидят, что веревка трясется, и станут вытаскивать чертову дочку.

Опускали-опускали парни свата в дыру - не хватило веревки. Дернул сват за веревку - вытащили его наверх. Убили еще много коров, нарезали из коровьей кожи еще ремней, навили еще веревки, связали все веревки вместе. Стали опять опускать свата в дыру.

Опустился сват под землю. Поймал чертову дочку, привязал ее к концу веревки. Подняли парни чертову дочку и опять опустили веревку в дыру. Поймал сват вторую чертову дочку, привязал к веревке. Подняли парни и вторую чертову дочку наверх. Поймал он потом третью дочку - и третью тоже вытащили из-под земли. Потом сват привязался сам и дернул за веревку. Стали парни тащить его наверх. Тащили-тащили. Уже немного осталось до верха. Задумали женихи обрезать веревку: они решили на чертовых дочерях пожениться без свадьбы; а если свадьбы не будет - то и сват не нужен. Взяли и обрезают веревку.

Упал сват вниз, под землю. Встал и пошел выхода искать. Шел-шел-шел. Попался ему навстречу черт, говорит: "Нанимайся ко мне на работу караульщиком, амбар караулить".

Нанялся сват к черту в караульщики. Отдал ему черт ключи от амбара и сказал, чтобы он в амбар не заглядывал.

Караулил-караулил караульщик амбар и стал думать: "Почему бы ему не заглянуть в амбар, что там есть?"

Взял он ключи. Открыл одну дверь, за нею была другая, открыл другую, а за нею - третья. Как только он отворил третью дверь - из амбара вылетел Гром, а за громом - Молния, а вместе с ними вылетел черный жук, Громовое Сердце.

Когда-то черт завладел Громом, и Молнией, и Громовым Сердцем, запер их у себя в амбаре и не выпускал оттуда.

Когда Гром вылетел из амбара, он устремился через дыру на вольный свет. Тогда черт, чтобы задержать его, бросил впереди его большой камень. Гром ударил в камень, загремел и разбил его вдребезги. Тогда черт бросил деревянный плот - Гром загремел и его разбил, а потом вырвался на волю и теперь по временам гремит, разбивает камни и деревья.

С тех пор люди стали бояться во время грозы подходить к камням и деревьям. За Громом вылетела Молния и дала огонь.

Жук, Громовое Сердце, вылетел вместе с Громом, даже немного раньше его. С тех пор перед грозой появляются на земле черные жуки, по-другому их называют "тирмес тэкь" - "громовая вошь".

...Привели парни чертовых дочерей к себе домой и без свадьбы стали с ними жить как с женами.

Рассказал Лукин, 1937 г. Записал и перевел В.К. Алымов, с. Шонгуй. Неблагодарные женихи обрезают веревку и оставляют свата под землей, сват служит у черта сторожем и выпускает Гром на волю.

Дочь жителей скал

Было это не очень давно.

Трое жителей поехали на лодке из Летней Иоканги в Савиху. Взяли они с собой вина и еды всякой.

Приехали, поставили на берегу коवास. Стали охотиться на морского зверя - убили морского зайца, потом в ближнем озере ловили рыбу - наловили палии.

Вечером сварили уху - поели, немножко выпили. Один из них вышел из коваса освежиться. Вышел он на волю и сразу как бы потерял сознание. И очутился он в каком-то незнакомом доме. В том доме хозяйка с хозяином с виду были как люди: вежливые. Стали угощать его, пить-есть предлагать.

А были это не люди, а пактйелле - жители скал: Пакт-хэзен - Хозяин скал и Пактйемент - Хозяйка скал, его жена.

Пришел в себя он и думает: "Как я в этот дом попал?" Не может понять. А хозяйка угощают его. "Пей, пей", - говорят. Вина подают.

Во время угощения пришла Пактйелленийте - дочь жителей скал - очень красивая девушка.

Хозяйка стали говорить гостю: "Возьми нашу дочь замуж". Гость был человек женатый. Подумал он: "Взять женатому ее замуж нельзя, но и отказаться нельзя: если откажешься, то никогда отсюда не выберешься".

"Хорошо, возьму вашу дочь замуж", - сказал он. Пакт-хэзен ему рассказал, что когда его дочка поедет вместе с ним, будущим мужем, то ее никто не будет видеть, кроме него.

Утром он вернулся к своим товарищам в ковас.

Прожили они там еще три дня.

В первый день невеста не приходила в ковас, во второй день тоже не была. И на третий день ее не было. На четвертый день стали они собираться в Иокангу. Все собрались, а его невесты нет. Сели в лодку. Взглянул он около себя и увидел: сидит она около него в лодке; никто ее не видит, видит ее только он один.

Поплыли все они на лодке в Иокангу. Он разговаривает со своей невестой, а товарищи не видят, с кем он разговаривает, и не слышат того, что он говорит, не знают, что с ним едет Пактйеллениите - дочь жителей скал.

Приехали в Иокангу. Захотел он справить свадьбу со своей невидимой невестой. Заставил он свою жену пир готовить. Но никому не говорит, что он свадьбу задумал справить. Жена говорит и спрашивает: "Для чего так много готовится?" А он только говорит, что повеселиться захотелось. Приготовила жена всяких яств, собралась родня.

Стали все за стол собираться. Он говорит: "Поставьте на стол, около меня, еще один стакан и две чашки". Хозяйка стала ворчать: "Кому еще?" Хозяин не сказал, но настоял на своем. Велел он около себя место освободить. Никто ничего не понимает, что он делает.

Пришли невидимые пактйелле - житель скал с женой и дочкой-невестой. Жених видит, а другие не видят. Сели они около него за стол. Он с ними говорит, а никто этого не слышит.

Стали чай наливать. Налили и в лишний стакан и в чашки. Пьют гости чай и видят, что из стакана и из двух чашек кто-то чай пьет. Стали гости удивляться.

Подали вино, налили каждому в рюмку. Велел хозяин налить еще три рюмки. Поставил рюмки рядом с собой. Выпили гости. Смотрят - и те три рюмки уже пустые: кто-то выпил их. Заудивлялся народ: что-то неладно. Стали гости расходиться по домам. Хозяин просит гостей еще посидеть, но гости не хотят. Разошлись. Стало темнеть. После гостей ушли и невидимые пактйелле. Хозяин немного посидел и тоже вышел из дому.

Пактйелле его поджидали.

Пошли они вчетвером по погосту. Никто не видел пактйелле, а они всех видели.

Пришли они все к скале, что за погостом возвышается. Вошли в эту скалу. Ночью там у них огонь светился. Поздно ночью вернулся хозяин домой. Хозяйка его стала спрашивать: "Куда ходил?" "По деревне гулял" - ответил он. Потом он часто стал ходить на ту скалу.

Житель скал с женой ушли к себе, в свои скалы, а дочка их осталась жить в этой скале, у Иоканги. И стал тот человек жить с нею как с женой.

Жили-жили они. Никто из жителей погоста не видел дочери жителей скал.

Собралась как-то вечеринка в погосте. Пришел тот человек на вечеринку, и новая жена с ним пришла, сидит с ним рядом, но никто ее не видит.

Стали гости танцевать.

"Возьми себе кого-нибудь в пару, - говорит ему один пожилой человек. - Пойдем хоть со мной танцевать".

"Мне никого не надо", - ответил он и рассказал ему, что рядом с ним есть кто-то, кто будет с ним танцевать, но кого никто не увидит. Тот пожилой человек был колдун - нойт. Он стал танцевать с невидимой женщиной. Он ее видел.

В тот вечер этот нойт сделал так, что невидимая женщина стала видимой всем.

Среди танцев вдруг все увидели: посередине избы стоит незнакомая молодая женщина невиданной красоты. Стоит она, как бы застывшая, на одном месте, и нет жизни в ней, она как мертвая.

Нойт говорит народу: "Смотрите, это новая жена нашего хозяина". И все стали смотреть на красивую женщину, которая неподвижно стояла среди них, и удивляться, откуда она появилась.

Испугался муж, думает: "Пропал я".

Нойт тогда сказал народу: "Больше вы ее не увидите". Сказал еще что-то, и красивой женщины не стало видно.

Муж сговорился с нойтом о том, чтобы эту невидимую женщину - дочь жителей скал - сделать видимой всем.

После вечеринки муж с невидимой женой пошли на скалу, где она жила. Там она стала упрекать его за то, что рассказал о ней нойту. Он на это сказал ей, что им неудобно жить так, как они живут: "Будем жить так, как живут все наши люди".

Она согласилась быть видимой и жить так, как живут все люди.

Ночью он вернулся домой, в погост. Переночевал. Утром смотрит - стоит на скале женщина, и слышно, как поет она грустные песни. Пошел он, свел женщину со скалы и повел ее к себе домой. Когда они проходили погостом - все люди на нее смотрели: никто никогда такой красивой женщины не видал.

Привел он ее к себе домой. Стали они жить вместе. Прежнюю жену он оставил.

Прожила дочь жителей скал в погосте пять дней и стало ей среди людей скучно. Стала она уходить на скалу и петь там грустные песни.

Однажды муж, вернувшись с охоты, не нашел дома своей жены, дочери жителей скал. Не видно было ее и на скале, и не слышно было ее песен.

Пошел муж искать ее.

Взошел на скалу и там в ущелье нашел ее мертвой: она убила себя.

Рассказал И.А. Матрехин, 1937 г. Записал и перевел В.К. Алымов, Иоканга.

Саам женится на дочери жителя скал, простым людям она не видима. Нойд делает ее видимой, она остается жить среди людей и от тоски погибает.

Богатый, да скупой – бедный, да щедрый

Прежде жили когда-то два брата.

Один богато жил. Тупа – изба бревенчатая с плоской крышей – у него просторная, в камельке всегда огонь горит, олени стадами бродят.

А у другого всё не так. Не уследил он как-то раз за своим камельком, угли в нём потухли. Сколько ни дул, берёсты ни подкладывал, не добыл больше огня. «Пойду, – думает, – к брату. Неужто он углей пожалеет?» Взял глиняный горшочек и пошёл к богатому брату, а тот суп ест, мясо на дощечку выложил, ножичком отрезает, в рот кладет. Кости обглоданные собакам бросает. Стоит бедный брат у порога, дальше пройти боится. А богатый ест себе, будто бедного брата и не видит. Только когда поел, спрашивает:

– Что тебе, рвань, надо?

– Мне бы угольков горшочек, – отвечает бедный, – камелёк разжечь, холодно в тупе.

– Ишь чего захотел, – брат ему отвечает. – Мои угольки мне и самому нужны. Пошёл прочь!

Идёт бедный брат и думает: «Видно, правду говорят про скупых, что у них углей из печки не достанешь. Это и про моего брата сказано. делать нечего, надо у чужих угольков искать, без углей возвращаться нельзя».

И пошёл саам куда глаза глядят. долго шёл по лесным горушкам – варакам да по болотам, приустал. Сел отдохнуть на поваленное дерево, достал кусочек сушёной рыбы, чтобы подкрепиться. Вдруг видит: перед ним чахкли стоит, маленький такой, одежды на нём нет. Просит:

– дай мне, саам, рыбки кусочек.

Посмотрел саам на свою рыбу. Такой у него кусочек маленький, только чахкли и можно накормить. Отдал всё.

А чахкли спрашивает:

– Что это ты такой грустный?

Рассказал бедный брат, как у богатого углей не выпросил.

– Как брата зовут? – чахкли спрашивает.

– Не скажу я тебе его имени, – говорит бедный, – стыдно мне за него, брат он мой.

– Ладно, – говорит чахкли, – не говори, он сам ко мне придёт. дай-ка мне горшочек.

Взял чахкли горшочек, и в расщелине меж камней исчез, и вынес оттуда его, полный углей.

– В руках носи, – говорит чахкли бедному брату, – до самого дома. Горячо будет – терпи.

Поблагодарил младший брат чаккли. Накрыв горшок шапкой, чтобы угли не остыли, и скорее домой побежал. Чем ближе к дому, горшочек всё теплее становится. Горячо сааму держать его, но терпит. Только через порог своей тупы ступил – споткнулся. Горшочек из рук выпустил, тот и разбился на много кусков. Чуть не заплакал бедный саам. Бросился угли голыми руками подбирать, а они совсем не горячие.

Смотрит, а это не угли вовсе, а кусочки золота. А черепки от горшка в серебряные слитки превратились.

Богатым стал бедный брат. Тупу новую поставил, оленей много купил.

Каждый день у него огонь в камельке горит, суп с мясом в котле варится.

Прослышал богатый брат, что бедный разбогател, спать перестал. Всё думает, как у брата узнать, откуда добро взялось. да только стыдно, что брата прогнал, угольков пожалел.

Недолго мучился богатый, жадность своё взяла. Пошёл он к брату в гости.

А тот зла не помнит. На почётное место усаживает брата, угощает. Богатый стал расспрашивать, откуда столько добра у бедного взялось. Рассказал ему брат, как чаккли встретил, рыбу ему отдал. И как горшочек с углями до дому донёс. И что потом вышло.

Вернулся богатый домой. Не спит, не ест. Только и думает, как бы того чаккли найти. Взял горшочек побольше, а рыбу сушёную положил в него поменьше. Бежит по тропинке, по которой брат шёл. И на судьбу свою плачется. добежал до поваленного дерева, чаккли зовёт.

Вышел из расщелины чаккли, саам ему рыбу сует.

– Скорее, – говорит, – мне углей давай, да поплотнее их в горшочек укладывай.

Усмехнулся чаккли.

– Пусть, – говорит, – будет, как ты просишь.

Вынес он богатому углей горшочек. Схватил тот горшок, даже спасибо не сказал.

Тяжёлый горшок и руки печёт. Бежит богатый брат, ног под собой не чувствует.

Только бы донести поскорей – об одном думает.

Прибежал домой, порог переступил, бросил горшочек на пол, тот разбился на много кусков. Угли по всей тупе рассыпались. Ждет богач, когда они в золото превращаться будут. А угли лежат себе. Вот уже пол в тупе заниматься огнем начал. Сидит богач, шевельнуться боится. Стены гореть начали. С четырёх сторон уже тупа горит. Насилу его из огня вытащили.

Всё сгорело: и тупа, и амбары. Олени огня испугались, разбежались по тундре.

Сидит богатый брат и плачет. Никого теперь беднее его нет. Куда идти? делать нечего, побрёл богатый брат с женой и детьми к брату, которому горшочка углей пожалел. А идти тяжело: вдруг разбогатевший братец его прогонит?

Да не так вышло.

Ничего у него брат спрашивать не стал. Накормил всех, напоил и спать уложил. день живёт с семьей, второй, третий, а всё не может рассказать, что с ним приключилось. Стыдно ему. А брат уже и сам всё знает. У дурных вестей ноги длинные, быстро по свету несут. Беда с каждым случиться может. И предложил брату-гостю брат-хозяин:

– Живи у меня, всем места хватит. Работать будем – проживём. Так и стали вместе жить. Ребят хороших вырастили. Одинаково работали, и пили, и ели равно.

Скорее всего, они и по сей день живут.

Тала-медведь и великий колдун

Повадился вокруг стойбища Тала-медведь ночью шататься. Ходит тихо, голоса не подаёт, за камнями таится - выжидает: глупый ли оленёнок от стада отобьётся, щенок ли за стойбище выскочит, ребёнок ли.

Однако как ни таись, а следы на снегу остаются. Увидали матери те следы, сказали детям:

- Не катайтесь поздно при луне с горки! Тала-медведь близко. Схватит, в свою тупу* унесёт, на обед задерёт.

Луна взошла, а непослушные дети всё с горки катаются.

Вылез из-за камня Тала-медведь, раскрыл свой мешок - кису, поперёк дороги поставил, а сам подальше залёг.

Покатались ребята с горки да в медвежью суму влетели!

Схватил Тала суму, на плечи взвалил, идёт домой, радуется: «Полную кису ребят несу! Вкусно поем!»

Шёл, шёл, устал, повесил суму на еловый сучок, сам под ёлкой лёг и захрапел.

Висят ребятишки в суме, шепчутся:

- Что делать будем? Тала нас съест! Один, самый маленький, мальчик спрашивает:

- Есть ли у кого нитки-иголки?

- Есть, есть, у девчонок есть! - отвечают ему.

Достал мальчик складной нож, распорол суму, детишек на волю выпустил, приказывает:

- Живо камни таскайте, в суму кидайте! Натаскали ребята камней, в суму накидали, и мальчик туда же залез. Велит:

- Теперь зашивайте и домой бегите! Зашили дети суму и домой побежали. Проснулся Тала-медведь, потянулся, спрашивает:

- Все ли вы там в моей кисе живы?

- Все, все живы! - отвечает мальчик. Взвалил Тала кису на плечи да так и сел:

- Ох, тяжело! Зато хватит вкусного мяса надолго!

Едва дотащил Тала кису до дома. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке-медведице: жена моя Талахке голодная, сынок мой Талаш-ка в люльке спит голодный!

- Что ж, - говорит мальчик, - это можно. Тащи большой медный котёл, тащи хворост, огонь разжигай!

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талахке за хворостом. А мальчик камни из дома выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул да поверх Талашки в люльку положил. Сидит, люльку качает. Прибежал Тала - принёс котёл, прибежала Талахке - принесла хворост.

- Давай скорее ребят, будем обед варить! Отвечает им мальчик:

- Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока я с ним возился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко спит Талашка! - И показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-медведица, заревел Та-ла-медведь:

- Ой, беда! Загубил ты нашего сына Та-лашку, сделал из него головешку!

Чиркнул мальчик ножом по камню так, что искры посыпались, закричал:

- Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Могу из головешки снова Та-лашку сделать! Только отнесёшь меня за это, Тала, домой!

- Отнесу, отнесу, сейчас отнесу!

Сунул мальчик головешку под печь, ткнул кулаком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во всё горло.

Радуетя Тала, радуется Талахке, всего Талашку облизали. А мальчик вскочил на плечи медведю, сел верхом, говорит:

- Неси меня домой!

Понёс Тала. Донёс до озера, где саамы рыбу ловят, говорит:

- Беги дальше сам. Боюсь дальше идти! А мальчик чирк ножичком:

- Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь - из тебя такое же сделаю?

- Не хочу, не хочу! - затряс головой Тала и так побежал, что быстрее ветра до стойбища добежал.

Тут саамы схватили Талу, связали:

- Попался, трусливый Тала! Зачем наших детей воруеть?

Тонким голосом заревел Тала:

- Развяжите меня! Отпустите! Я скажу вам, что делать, чтобы медведи ваших детей не воровали.

Развязали саамы Талу, ждут, что он скажет.

- Первое: дети должны слушаться матерей. Второе: у них должно быть храброе сердце. Третье: при встрече с медведем надо смотреть ему прямо в глаза, - сказал так и убежал в лес без оглядки.

С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей. Встретят Талу в лесу, храбро посмотрят прямо в глаза, и не трогают их Тала, уходит. Ну, а кто матери не слушается, того медведь утащит. Тот сам виноват.

Сказка о солнце

Давным – давно была на севере страна, где не светило солнце. И луна не светила. Совсем темная была страна. Только звезды виднелись в черном небе. Но от звезд какой свет? Почти никакого. Одно мерцание...

Черное небо висело над страной, и так было темно, что люди различали друг друга по голосам. И огня не знали люди Темной страны. Жили они в вежах из дерна и прутьев, утепляли эти жилища как могли – землю насыпали, мхом утыкали... Но все равно дрожали от холода, потому что в Темной стране всегда дул лютый ветер с холодного моря, глухо закрытого льдом. Худо было людям в Темной стране. Совсем худо. И была в Темной стране высокая круглая гора.

Полнеба закрывала круглая гора, никто никогда не видел, какие звезды светят по ту сторону круглой горы...

А у подножия горы стоял длинный и высокий черный забор.

Такой длинный и такой высокий, что никто не мог его обойти. И никто не мог перелезть через этот забор, чтобы увидеть, что там.

Знали вежники только: стоит за забором большой дом из черных бревен, обитый для тепла оленьими шкурами.

И живут в том доме семьдесят черных братьев.

И пасутся за высоким забором сто тысяч оленей. И теплы шкуры оленей, и горяча их кровь, и вкусно их мясо...

Но вежники только слышали про все это – не было у них самих ни оленей, ни домов, и ели они только рыбу, которую вытаскивали из-под черного льда. Так жили люди в Темной стране тысячу лет. И еще тысячу. И еще тысячу лет, и еще...

И не думал никто из вежников, что можно жить как-то иначе.

Но однажды случилось: увидели вежники – едет вдоль высокого черного забора старик на олене. На белом олене, на чудесном олене.

Олень был такой красивый и такой белый, что от него исходило тихое сияние. И в этом сиянии увидели вежники лицо старика, простое и мудрое лицо старого человека, который много жил, много видел, никому не завидует и хочет оставить людям добрую память о себе.

Здравствуйтесь, люди! – сказал старик и остановил оленя.

– Какая глухая тьма в вашей стране, – сказал старик, и люди увидели его длинную седую бороду, почти до колен.

– Неужели вы, вежники, никогда не видели солнца? – спросил старик.

Но никто ему не ответил, никто не понял, о чем он спрашивает.

Вежники не знали солнца. И луны не знали.

Знали только звезды – тусклые светлячки в черном небе.

– Да, – сказал старик, – я вижу, вы не знаете солнца... А солнце-это большая радость и большое тепло. И живет солнце по ту сторону круглой горы, за высоким забором. На самом быстром олене долго ехать, чтобы увидеть солнце. А пешком вдоль высокого забора до солнца никогда не дойти, для этого мало жизни человеческой...

Слушали вежники старика и молча дивились: что же это за штука такая – солнце, которое сразу и большая радость, и большое тепло?..

Услышали старика и черные братья. Услышали – и вдруг закричали:

– Глупые вы, вежники! Глупые и темные! Разве может быть что-то такое, что сразу и радость и тепло? Разве может быть что-нибудь такое, чего бы мы не знали? Приехал на белом олене старый обманщик и рассказывает вам сказки, словно маленьким детям! Побьем его и прогоним! Нет на земле цвета лучше черного!.. Побьем старика и прогоним! Побьем! И прогоним! Побьем! И прогоним!

Задумались вежники. Разве за сказку бьют? А семьдесят черных братьев уже пошли на старика, уже окружили его вместе с оленем.

Покачал головой мудрый старик, и погасли его глаза, и лицо его потемнело, и потухло сияние от белого оленя.

Сказал старик:

– Трудно поверить в то, чего не видел. Но если есть забор – есть что-то и за забором. Если есть гора – есть земля и за горой. Если есть светлячки-звезды – может быть и такая большая звезда, яркая как сто тысяч звезд сразу, теплая и радостная... И есть на земле много разных красок, не одна черная. А черный цвет – это цвет большой неправды, цвет обмана и злой силы. Я уйду. И покажусь теперь только тому, кто поверит в солнце.

Черные братья протянули руки, чтобы схватить старика, но белый олень ударил копытом, расступилась земля – и исчез олень, и старик исчез.

Разошлись люди по своим вежам, по своим делам. А черные братья ушли в свой большой дом, за высокий забор. И все стали жить, как жили.

И только один юноша не мог больше жить по-старому. Запомнил он слова старого человека о неведомом солнце, которое дает сразу и тепло и радость.

Пошел юноша к темным озерам, туда, где растет ягель – олений мох. Посмотрел он на черное небо, посмотрел он на черную воду, посмотрел он на черную землю и сказал:

– Как бы хорошо, если бы не все черное! Так хочется поверить в солнце! Так хочется увидеть солнце! Но пропал старик, обидели старика. И белый его олень пропал. Как теперь я найду их, в такой тьме?..

Только юноша сказал эти слова – раскрылся ягель и явился перед юношей чудесный олень. Был он такой белый, что от шкуры его исходило сияние...

– Я здесь, – сказал олень. – Я жду тебя. Садись верхом.

Юноша очень удивился и сел верхом на оленя. И помчались они по мхам и болотам, через черные озера, над черными лесами, над угрюмыми сопками...

Долго ли мчались, коротко ли – остановился чудесный олень.

И видит юноша: перед ним на гранитном камне сидит тот самый старик, седая борода до колен, лицо простое, мудрое, независтливое.

– Здравствуй, – сказал старик. – Спасибо тебе, что поверил ты в солнце. Среди самого темного народа всегда найдется герой. Не может быть народа без героев..

– Спасибо тебе за доброе слово, – сказал юноша. – Но скажи, как мне достать солнце для вежников? Хоть кусочек солнца, которое сразу и тепло и радость...

– Достанешь ты солнце, – сказал старик. – Но чтобы солнце всех согрело и всех обрадовало, нужно, чтобы все люди твоего племени поверили в солнце. Хоть на волосок, но поверили бы. Только тогда солнце дастся тебе в руки. Только тогда согреет всех.

– Хорошо, – сказал юноша, сел на оленя и вернулся обратно в свою Темную страну.

Приехал, рассказал, как было. И попросил у каждого по волоску.

Задумались вежники, но дали юноше по волоску, каждый дал по волоску, целый ворох набрался. Только черные братья не дали ни волоса. Но у черных братьев юноша и не просилничего.

Начал юноша плести из волосков шкатулку. Трудная это была работа. Семьдесят дней и семьдесят ночей плел он шкатулку. Но это только так говорится – семьдесят дней. Потому что в Темной стране дни были похожи на ночи, а ночи – на дни. Не было разницы между днем и ночью – одинаково темно. А в темноте, на ощупь, сплести прочную шкатулку – непростое дело.

Но юноша крепче всех поверил в солнце – и он сплел шкатулку.

И вышел он снова к озеру, на берегу которого рос высокий ягель, олений мох. Посмотрел на черное небо и сказал:

– Готова моя шкатулка. Семьдесят дней и семьдесят ночей в глубокой тьме плел я ее. И вера многих людей вошла в меня через эти волоски, через глаза мои и через пальцы. Теперь я готов достать солнце для вежников.

Только он это сказал – раскрылся ягель, олений мох, и явился перед юношей белый олень.

– Садись, – сказал олень. – Садись на меня верхом.

И снова помчались они по черным мхам, над черными озерами, над черными лесами и черными болотами.

Долго мчались, так долго, что юноша счет времени потерял.

И вдруг вспыхнул вдали густой красный свет.

Видит юноша: на самом краю земли стоит огромное красное солнце. Стоит, переливается, жаром пышет, глаза слепит.

– Стой, – сказал юноша белому оленю. – Стой, погоди, глазам больно, дай привыкнуть.

Остановился олень и говорит юноше:

– Посмотри, какое солнце огромное, какое яркое, какое горячее! Такое солнце одному никак не унести. Мы с тобой отколем кусочек, покажем людям в Темной стране. Понравится им кусочек солнца-пусть сами приедут и возьмут остальное. А не понравится – придется вернуть на место и кусочек.

– Понравится! – сказал юноша. – Не может солнце вежникам не понравиться, не может такого быть! Едем скорей, глаза привыкли, рукам пора дело делать – скорей!

– Раскрой свою шкатулку, – говорит олень, – и держись покрепче за меня.

Раскрыл юноша шкатулку – и понеслись они прямо на солнце. На полном скаку ударил олень своими рогами по солнцу, отскочил от солнца кусочек и упал прямо в шкатулку. Юноша сразу крышку шкатулки захлопнул, а чудесный олень помчался обратно.

Достигли они Темной страны, слез юноша с оленя и низко поклонился ему. А олень ударил копытом – и пропал.

Стоит юноша среди своих людей, среди вежников, и говорит:

– Все вы дали мне по волоску. Сплел я шкатулку и привез вам кусочек солнца. Совсем маленький кусочек. Давайте выпустим его, пусть он осветит наше небо и нашу землю. И если частица солнца придется вам по душе – я знаю, как достать остальное солнце. Оно много больше, мне одному не под силу, нужно всем взяться.

Только он сказал эти слова, прибежали с круглой горы из-за высокого забора семьдесят черных братьев. Бегут, руками машут, кричат во все горло:

– Не смей выпускать! Высохнут наши озера! Железо в земле расплавится и зальет наши дома! Сам ты ослепнешь, и все мы сгорим!

Отвечает им юноша:

– Не высохнут озера, и не расплавится железо. Видел я солнце, видел я землю вокруг настоящего солнца. Прекрасна та земля, нет ничего красивее! Потому что солнце не терпит черного цвета!

Обступили черные братья юношу со всех сторон, хотят вырвать шкатулку. Но тут вежники заступились за своего.

– Нет, – сказали они, – не дадим вам шкатулку. Она из нашей веры сплетена, она из нашей надежды. И если он привез частицу солнца, пусть покажет всем!

Но черные братья схватили юношу и потащили его к черному болоту, чтобы утопить вместе со шкатулкой. Видят вежники – плохо дело, не помогают слова. Подняли они с земли камни и кинулись на черных братьев. Началась битва, и поднялся черный ветер, настоящая черная буря.

И вдруг раскрылась шкатулка. И кусочек солнца вылетел из нее. Ветер подхватил и поднял маленькое солнце над черной землей.

Сначала тусклой звездочкой замерцало солнышко над людьми. Потом ветер начал раздувать его, как раздувает угли в костре.

И солнышко засветилось, все ярче, все ярче, и красным светом вспыхнуло небо. Озарилась болота, озарилась озера, и ягель на берегу, олений мох, засветился...

Смотрят вежники: вода в озерах стала голубой, мхи окрасились в желтый цвет, в розовый, в зеленый... И даже камни стали разноцветными. Никогда не думали вежники, что так красива их Темная страна.

А черные братья стали еще чернее, совсем как мокрые уголья. Потом вспыхнули жарким пламенем и сгорели без остатка. И ветер развеял пепел. Потому что тот, кто не верит в солнце, не сможет выдержать света его и тепла. Кому солнце не в радость – тому оно на беду.

– Спасибо тебе! – закричали вежники юноше. – Спасибо тебе! Научи нас, как добыть все солнце! Научи!

– Идите туда, где жили черные братья, – сказал юноша. – Идите и сломайте высокий забор. И возьмите сто тысяч оленей. И тогда мы все вместе поедем и добудем солнце. Вежники так и сделали.

Сломали высокий забор, взяли оленей и поехали туда, куда указывал юноша.

Долго ехали, и показалось вдали огромное красное солнце. Слезли вежники с оленей и низко поклонились солнцу.

Юноша сказал:

– А теперь поставьте оленей большим кругом, головами в одну сторону.

Вежники так и сделали.

И вдруг расступилась земля, и появился чудесный белый олень, тот самый, на котором когда-то приезжал в Темную страну мудрый старик.

Чудесный олень тронул солнце рогом, оно качнулось, приподнялось и плавно легло на рога всех оленей. И сто тысяч оленей бережно понесли солнце в Темную страну.

И они донесли солнце в целостности и сохранности, и Темная страна перестала быть темной: поднялись навстречу солнцу цветы и травы, потянулись в небо деревья.

И люди в тундре научились улыбаться друг другу, детям и солнцу.

С тех пор и светит над тундрой солнце.

И тысяча лет прошла с тех пор, а потом еще тысяча и еще...

Другие люди живут в тундре, и они совсем не знают, как это может быть сплошная тьма, когда день не отличить от ночи. Но память о смелом юноше, который поверил в солнце, – память до сих пор живет и никогда не умрет, она вечна. Как вечно само солнце – Большая Радость и Большое Тепло.

Братья

У старухи было два бедных сына. Они с ружьями ходили на охоту.

Ходили-ходили, убили медведя. Сняли шкуру и высушили. Старший сын был мастер играть на гармони, младший – мастер плясать. Старший говорит брату:

- Я мастер играть, а ты – плясать. Пойдем-ка в город деньги зарабатывать.

И пошли. Пришли в город. Один играет, другой переоделся медведем и стал плясать.

Плясал он очень красиво. Дошли об этом слухи до царя. Приказал царь пригласить к себе того человека с медведем. Царь смотрел-смотрел и говорит человеку:

- Оставь мне медведя на ночь! Человек говорит:

- Не знаю, надо подумать. Царь говорит:

- Подумай, подумай.

И парень ушел на улицу с медведем. Вышли, а медведь и говорит:

- Ты оставь, оставь меня, братец, не бойся. Вот вернулись они к царю, парень и .говорит:

- Оставлю медведя!

Сам вышел и пошел по городу один играть на гармони. Утром рано царь взял медведя и пошел в лес. Долго ли, коротко ли шел. Пришел на берег озера и стал бросать палки, ветки, деревья крест-накрест. Так бросал-бросал, и озеро стало сухим. Он отправился дальше. Пришел на середину озера, ткнул шестом, нашел дверь. Убрал вокруг тину и спустился вниз. Там был дом сделан. Открыл вторую дверь. Медведь смотрит, а в доме том всё девушки сидят. Одна из них дочь царя. Когда они вошли, девушки испугались, стали кричать. Царь их успокаивал-успокаивал и стал просить медведя сплясать. Когда стал медведь плясать, девушки все обрадовались, собрались вокруг медведя. Дочь царя говорит:

- Отец, оставь мне медведя дня на три.

Отец вначале не хотел оставлять, но потом согласился и сказал:

- Он ест все, что ты сама ешь.

И ушел. Девушки стали есть и медведя кормить. После еды стали заставлять медведя плясать. Тот начал плясать. Девушки смеются. Царевна гладит медведя и ощупывает.

Когда стала гладить рукой его, нашла узел. И тут же сказала:

- Это не медведь, а человек! Взяла и распоролла шкуру. Вышел из шкуры молодой парень.

Так жили до приезда отца. К. приезду отца шкуру обратно на нем зашили. И научили девицы парня, как обратно прийти. Царская дочь сказала:

- Отец будет говорить народу: кто найдет его дочь, за того выдаст ее замуж.

Ты берись искать и тут же попроси у него ключи. Когда он тебе пообещает дать, ты повернись к народу и скажи: Вы все слышали, и после этого пойдешь сюда.

И дала царевна юноше кольцо. Через некоторое время отец царевны пришел и медведя увел. Привел его хозяину.

Прошло немного времени, царь пустил весть по городу:

Кто найдет мою дочь, тому отдам ее в жены. Собрался народ около дома царя и, ждет, кто такой смельчак найдется. Юноша сбросил медвежью шкуру и пришел на площадь, где народ собрался. Смотрит-все боятся. Откуда знают, где искать? Он сказал:

- Я пойду искать!-а сам держит руку в кармане, где у него кольцо. Царь

говорит:

- Найдешь, так приведи ее сюда. Юноша говорит:

- Найти найду, только ты дашь ли то, что мне надо? Царь не знал, что надо парню, подумал и говорит:

- Дам то, что тебе надо! Юноша повернулся к народу и сказал:

- Слышали, что царь ответил? Народ закричал:

- Слышали! И юноша сказал:

- Пойдемте тогда со мной!

И все собравшиеся пошли за ним. Вместе со всеми и царь пошел. Юноша обратился к царю:

- Дай мне, что надо! Царь спросил:

- Что же тебе надо?

- Ключи! - ответил юноша.

Царь не хотел отдавать ключей; Юноша повернулся к народу и сказал:

- Вы слышали, как царь обещал дать мне то, что нужно, а теперь не хочет отдавать!

Тогда царь отдал ключи юноше. Юноша идет впереди, царь за ним, а все остальные позади царя. Лес кончился, пришли на озеро. Юноша сделал все так же, как тогда царь. Подошел к двери

посреди озера, открыл ее. Навстречу ему вышли девушки, а с ними и царская дочь. Юноша достал кольцо и отдал царской дочери при самом царе. Царевна говорит отцу:

- Вот это и есть твой медведь. Это же не медведь был, а вот этот юноша.

С тех пор стали жить вместе царевна с юношей. И теперь живут.

Как старик был лекарем

Жили старик и старуха. Старуха была сварливой и постоянно бранилась со стариком.

Ходил как-то по лесу старик и увидел в земле глубокую дыру. Пришел домой и сказал старухе:

– Я в лесу видел чудное место, но хорошенько не рассмотрел, что там такое. Пойдем со мной, может быть ты разглядишь лучше!

Согласилась старуха. Пошли в лес. Подошли к дыре. Старик сказал старухе:

– Гляди, гляди, может быть ты лучше разглядишь! Подошла старуха к краю дыры, а старик и столкнул ее туда. Вернулся домой один.

Пожил-и скучно стало старику без старухи. Купил он веревку, пришел к дыре и стал доставать старуху. Опустил веревку в дыру и чувствует, кто-то ухватился за конец. Потащил веревку и вытянул из дыры черта.

Испугался старик, а черт ему говорит:

– Ты, старичок, не бойся! Я тебе вреда не принесу. Будем дружно жить вместе. Я буду больных делать, а ты их будешь лечить.

Согласился старик и спрашивает черта:

– А что тебя, черт, сюда принесло?

– Да ко мне свалилась какая-то старуха, очень злая, и извела меня так, что пришлось из своей дыры вон убежать, – отвечает черт.

Так и стали жить черт и старик вместе. Черт делал людей больными, а старик лечил их и прославился на весь свет.

Однажды черт сказал старику:

– Я пойду сделаю царскую дочь больной, но ты не ходи ее лечить.

И ушел черт в столицу.

И заболела у царя дочь. Царь послал гонца за стариком.

– Пусть старик вылечит мою дочь, – дал такой наказ. А старик не смеет идти. Черт не велел. Царь послал второго гонца. А старик все не идёт. Послал тогда царь за стариком третьего гонца с наказом, что если не придет, то отрубить ему голову.

Стал думать старик – что делать? Думал-думал и сказал:

– Пойду.

А про себя думает: Скажу я черту, что старуха домой вернулась .

Пришел старик в царский дом, там жил и черт. Черт его спрашивает: – Что тебя сюда принесло?

На это старик ответил, что старуха его домой вернулась. Черт, услышав это, испугался и убежал обратно к себе в дыру.

А старик после этого сказал царю:

– Я ничего не понимаю в лечении, твою дочь мучил черт. Теперь он убежал в свою дыру, и дочь здорова. Я раньше в дыру свою старуху опустил, а потом, когда стал доставать ее обратно, вытащил из дыры черта, того самого, который мучил народ. Теперь он убежал к себе назад и больше оттуда не вернется. А я не пойду к себе-не хочу с чертом встречаться.

И остался там жить старик.

А старуха сама выбралась из дыры и возвратилась к своему старику.

Сказка про женщину и дикого оленя

Старик со старухой жили. Было у них три дочери.

Девушки выросли, невестами стали. И вот приехали в вежу старика однажды три жениха: ворон, тюлень и дикий олень.

Старик дал женихам задание сделать три резных ковша и тогда приходите за невестами. Сделали женихи резные ковши и на следующий день пришли за невестами. Взял старик ковши и отдал дочерей мужьям. Старшая дочь вышла замуж за ворона, средняя – за тюленя, а младшая – за дикого оленя.

Вот старичок жил один, жил и пошел однажды к старшей дочери в гости. Шел-шел, смотрит-над вежей два вороненка летают и каркают:

– Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет!

Это они матери сообщают.

Старичок вошел в вежу. Дочь приготовила угощение. А какое у ворона угощение? Потроха да головки. Старичок не знает, что и есть.

Посидел-посидел и пошел к средней дочери. Ближе подошел, видит – два тюленьих детеныша с вежи катаются и кричат:

– Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет! Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет! Хурьгк-хурьгк-хурьгк, дедушка идет!

Старичок вошел. Дочь стала готовить угощение. Тюленье угощение-объедки семужьи да разные куски от всяких рыб, но лучше, чем у ворона. Здесь старик проспал вторую ночь, а на третий день пошел в гости к младшей дочери своей.

Шел-шел, увидел вежу. У вежи два диких олененка бегают. Одному идет третий год, другому – второй. Играл вышелушенными рогами. Увидели дедушку, подбежали к веже и начали кричать: – Хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет.

Пробегут мимо, только земля гудит. Старичок зашел в вежу, и мать оленят стала готовить еду. Вежа у них имеет два входа: через одну ходит дикий олень, через другую-хозяйка. Дикий олень, уходя на охоту, предупреждал жену:

– Если придет отец, то ты его прими хорошо. Накорми, напои. Приготовь все, что есть лучшее. На ночь уложи спать. Только помни: не стели под него шкуру дикого оленя, а постели шкуру домашнего оленя.

Сам он был диким оленем и очень берег шкуры диких оленей.

Дочь постелила отцу шкуру дикого оленя. Сама думает:

«Пусть хоть раз на своем веку отец поспит на шкуре дикого оленя». Старичок поел, попил и лег в постель, приготовленную дочерью, а ночью его мутить стало (он съел много жира и мяса).

Дочь наутро встала, шкуру почистила и повесила проветрить на той стороне, откуда приходит муж ее – дикий олень. Дикий олень как раз из лесу бежал. Бежал-бежал, смотрит: постель из шкуры дикого оленя сохнет, значит старичок пришел и постель намочил. Он забежал под ветер и почувал человеческий запах от этой шкуры. Он побежал к своим детям и закричал:

– Ребятюшки мои, идите за мной, здесь очень человеческой пахнет. Не сумела мать ваша кормить и поить отца своего и стелить ему постель, пусть теперь на месте следов наших остается.

Жена тем временем выбежала на улицу за своими сыновьями и увидела, как они побежали за отцом, а сам дикий олень скрылся уже. Мать кричит детям своим:

– Ребятюшки, ребятушки, вот вам грудь моя, вот вторая, вернитесь ко мне!

Они бегут в сторону и кричат:

– Хонгкэр-хонгкэр, мамочка, не придем, тяжело нам переносить человеческий запах на шкуре дикого оленя! Мать видит, что не вернутся они, кричит им вслед:

– Ребятюшки, ребятушки, берегитесь, где камень будет возвышаться, там человек вас поджидает, где пень будет утолщаться, там человек вас будет ловить.

После того в вежу вошла, около огня долго плакала и с отцом стала собираться ехать. Запрягли своих ездовых оленей. Жена разобрала вежу. Кости задних ног были ставниками в двери, кости

передних ног были поперечниками, дверь была сделана из грудины, остовом вежи служили ребра, затянута вежа была шкурами. Положила женщина все в кибитку, и поехали они в вежу своего отца.

Сказка про лиса

Жили-были старик со старухой. У них была одна дочь. Лис-куманек взял ее в жены.

Старик со старухой жили отдельно, а их зять лис-куманек жил в тундре. Они стали ходить в лес охотиться. Они добывали на охоте мясо. Старик отнес мясо на сохранение зятю. Старушка стала просить старичка:

– Сходи посмотреть, как живут зять-лис с нашей дочерью и цело ли у них наше мясо?

Старик пошел. Он долго шел, так, как дом лиса-зятя был далеко в тундре. Старик еще не дошел до их дома, как вдруг ему навстречу вышел зять-лис и спрашивает:

– Зачем пришел?

А старик у него спрашивает:

– Как вы живете? Как у вас наше мясо сохраняется?

Зять-лис сказал:

– Мясо в сохранности. Ни ворон его не ест, ни мыши. А твоя дочь родила мне сына, по имени Начало. Старик пришел домой и говорит жене:

– Мясо в порядке. А наша дочь родила сына, по имени Начало.

Прошло несколько дней. Старуха опять стала просить старика проведать дочь и посмотреть, как у зятя-лиса сохраняется их мясо. Старик пошел, и навстречу ему вышел зять-лис. Он спросил старика:

– Ты зачем пришел? Старик спросил:

– Как наше мясо сохраняется?

Зять ответил:

– Ваше мясо хорошо сохраняется. У вашей дочери родился сын, по имени Середина.

Старичок пришел домой и сказал старушке:

– У нашей дочери опять родился сын, по имени Середина.

Через некоторое время старушка опять послала старика проверить, как сохраняется мясо и как живет их дочь.

Старичок пошел в тундру, а зять-лис вышел к нему навстречу. Старичок спросил:

– Как у вас мясо сохраняется? Зять ответил:

– Мясо хорошо сохраняется. Его ни ворон не ест, ни мыши. У вашей дочери родился сын, по имени Конец. Завтра приходите к нам в гости.

Старичок пришел домой к старушке и говорит:

– Мясо в целости. У нашей дочери родился сын, по имени Конец. Старушка заплакала.

– Ой, они всё наше мясо съели.

А зять-лис в это время, когда все мясо уже было съедено, убил свою жену. У него были товарищи: дедушка-медведь и дяденька-волк.

Лис-куманек положил убитую жену в керешку-нарту, а дедушка-медведь да дяденька-волк стали на себе тащить керешку. Тащили, тащили и спрашивают:

– Лис-куманек, Лис-куманек, какая будет нам плата? А лис отвечает:

– Тащить да есть.

Старик со старушкой пошли к зятю-лису в гости. Пришли они и видят-их дочь стоит на улице. Старушка говорит:

– Вот как она нас дожидается.

Подошли поближе и видят, что это не их дочь, а пень стоит, одетый в ее одежду. Тут они заплакали. Нет ни дочери, ни мяса. Звери увезли нарту с убитой женой лиса и съели ее. К ним еще присоединились песец, заяц, белка и выдра. Дедушка-медведь говорит лису:

– Дай нам есть!

Лис сказал:

– Подожди, я посчитаю. Я сам-хороший человек. Дедушка-медведь-хороший человек. Дедушка-волк-хороший человек. Песец – хороший человек. Выдра – хороший человек. Заяц-хороший человек. Белка-плохой человек.

Они белку съели. Опять стали голодные. Опять лис стал считать, и они съели зайца. Затем по очереди съели выдру и песца, а волк испугался и убежал в лес.

Теперь лис-куманек да дедушка-медведь стали вместе ходить. Они увидели дятла с красивой спинкой. Лис-куманек говорит:

– Я разрисовал спину у этой птички. Медведь говорит:

– Разрисуй и мне спину. Лис говорит:

– Разрисовал бы, да много здесь будет работы.

Медведь-дедушка говорит:

– Я все сам сделаю. Только ты мне разрисуй спину. Медведь-дедушка все сам сделал: дров достал, берестовые веревки сплел, растопки приготовил, а сам сел на костер, как велел ему лис-

куманек. А лис-куманек привязал его к бревнам костра берестяными веревками и зажег костер. Медведь загорелся и кричит:

– Лис-куманек, я горю! Лис говорит:

– Неужели ты не можешь потерпеть, как дятел терпел. Спина красивая станет.

Дедушка-медведь выл-выл и сгорел.. Лис-куманек убежал.

Через три дня он пришел посмотреть, как сгорел медведь. Он тихонько подкрался. Медведь весь сгорел. Только кости остались. Лис-куманек сложил кости в мешок, положил мешок себе на спину и стал ходить один по лесу. Навстречу ему вышел человек. Он спросил лиса-куманька:

– Что ты несешь? Лис-куманек ответил:

– Я несу память медведя. Человек говорит:

– Отдай мне память медведя. Лис говорит:

– Не отдам. Она мне дорога. Человек говорит:

– Сменяемся на жирную важенку.

Лис-куманек согласился. Он взял важенку и унес ее в лес.

Он стал есть важенку один, без товарищей. От жадности лис так много съел, что ему стало плохо, и он издох.

Серебряная дева

На одном погосте за Кандалакшей жила быстроногая девушка. Много молодых людей сватали ее, но она всегда убегала в лес.

В Ловозере жил такой же быстроногий юноша-бегун. Услышал он о быстроногой и решил ее догнать и взять в жены.

Но быстроногая успела убежать из погоста в горы. Туда же отправился жених.

Девушка была уверена, что ее никто не догонит, и, убежав в лес, откликалась на каждый зов. Быстроногий звал девушку, а та каждый раз откликалась, но убегала.

Долго бегали так по лесу.

Видит юноша, что нелегко ему догнать быстроногую, и решил загнать ее на высокую гору и там поймать. Юноша-саами не побежал прямо на гору, а просто не давал девушке убежать в сторону и загонял ее все выше и выше к вершине. Добежала девушка до вершины и, боясь, что ее схватят, подпрыгнула вверх.

Быстроногий уже из сил выбился и не заметил, как девушка вверх подскочила. Увидел только пустую вершину и, обессиленный, упал, как издыхающий олень.

Тотчас к нему опустилась на землю быстроножка и видит-человек умирает. Прошел у ней страх. Жалко ей стало этого человека. Она наклонилась над умирающим и спросила:

– Что тебе надо от меня?

– Пить! – произнес юноша и умер.

На вершине горы воды не было. Девушке захотелось спасти юношу, и, чтобы утолить его жажду, она дала ему свою грудь.

Но было поздно.

Полилось из груди молоко, ветром разнесло его по небу девушка превратилась в камень, а молоко-в серебро. Поэтому прозвали окаменевшую девушку серебряной девой.

Как старик-саами врагов перехитрил

Жили древние саами близ берега моря. На берегу реки Вороньей было саамское село. Узнали саами в селе, что скоро придут к ним немирные шведы. В селе у саами, был один старик по прозвищу Старшая голова. Вот этот старик и говорит:

– Теперь нам нужно всем бежать в другое место, а то шведы-захватчики узнают, что мы здесь живем, придут и причинят много горя. Нам нужно собрать сто кереж (повозок) и сто быков. Я же останусь здесь в селе ждать непрощенных гостей, и когда они придут, сделаю так, что один их всех перехитрю.

Собрали саами сто кереж и сто быков, оставили все старику, а сами переехали подальше, в другое село. Старик же остался один в этом селе и стал немирных шведов ждать.

Прошло некоторое время, и увидел старик множество оленей. Это шла шведская сила. Вот пришли захватчики и спрашивают старика:

– Почему один живешь?

А он и отвечает:

– Подождите, я пойду сейчас за своим народом.

Их главный начальник говорит:

– Отведи нас на то место, где новое село.

Старик отвечает:

– Я отведу вас, только ложитесь все в кережи. У меня есть сто кереж, а много ли у тебя людей? А строгий начальник говорит:

– У меня есть сто человек.

Старик пригнал оленей и запряг в каждую кережку по одному быку. Затем всем воинам велел лечь в кережки и стал привязывать их покрепче веревками. Шведский предводитель спрашивает:

– Почему ты всю мою силу привязываешь в кережки?

А старик и говорит:

– Привязываю для того, чтобы не увидели саами заранее, кого я везу, а то народ увидит сидящих в кережках людей, испугается и разбежится. А то и убить вас всех могут. Пусть думают, что я груз везу.

Начальник говорит:

– Ну ладно, привязывай да веди. Поехали. Едут. День прошел, настал вечер, старик и говорит:

– Ну, теперь скоро подъедем, в селе будем ночью, чтобы не увидели, как мы войдем.

Вот едут привязанные одним ремнем друг за другом сто кережек. А начальника старик привязал к передней кережке. Едут, едут по горе прямо к морю, мимо реки Вороньей. Остановились, слышат- море шумит, а начальник вражеский и спрашивает:

– Что за шум? Старик отвечает:

– Это соль и вода в море воюют!

Начальник не понял, что значат слова старика. А старик заспешил и быстрее погнал караван оленьих упряжек вперед. Ехал-ехал, прямо к обрыву высокой горы подъехал, остановился, нож из-за пояса быстро вынул, свою кережку с быком от общего ремня одним махом отрезал, а быка с кережкой начальника сильно стегнул. Бык прыгнул с обрыва и уволок за собою весь караван. Не успели враги опомниться, как очутились в студеном море, да и превратились там в подводные скалы. А старик с быком и кережкой вернулся к своим односельчанам. Саами села Вороньего и поныне называют то место Сотней скал.

Невеста солнца

Жил старик со старухой да с дочерью. Семья была дружная, каждый своим делом занимался. Старик ходил на охоту, промышлял оленей. Старуха ловила рыбу, пряла овечью шерсть. А дочка, хоть и маленькая, плела красивые пояса к рубахам.

Как-то раз понадобилась старику берёста — новые короба сделать. Собрался он в лес идти, а старуха ему и говорит:

— Смотри — не ходи драть берёсту на Руэйн-Вараку!

Варака — это горушка такая, на которой густой лес растёт.

Идёт старик и думает: «Что это старуха меня на такую хорошую горушку не пускает? Там берёзы толстые, берёста хорошая».

Забыл старик, что там всякая лесная нечисть живёт. «Всё равно, — думает, — пойду туда».

Драл старик берёсту, драл, как вдруг ему на шею злая колдунья Ацци прыгнула. Испугался старик, а она и говорит:

— Возьми меня, старик, в жёны!

— Есть у меня жена, — отвечает старик.

Но от Ацци не так-то просто избавиться. Вцепилась она в старика своими паучьими лапами.

«Ладно, — думает старик, — возьму её с собой, а там придумаю, как от неё избавиться».

Только зря старик надеялся. Как только он эту злодейку домой принёс, она тут же своих сыновей на подмогу позвала. Сыновей у неё трое, да сама Ацци — не справиться старику с этой нечистью.

Ацци старикову жену с дочкой в овечий загон жить выгнала, заставила на своих сыновей-бездельников работать. Аццины дети — один хуже другого: старший — Кипчульдыш — Обгорелый Пенёк, средний — Иохтс-я-пхозиш — Лоскутный Воротничок, а младший — Куацкем-Чалмныш — Орлиный Глаз. У него на затылке третий глаз был.

Пока старикова жена была рядом, не чувствовала себя Ацци полной хозяйкой. И задумала она старуху погубить. Каждый день старалась как-нибудь её очернить. Волк оленя задержит — старуха недосмотрела. Девочка по воду пойдёт — Ацци ей обору потихоньку разматает и сама же на неё наступит.

Девочка упадёт, ушибётся, воду прольёт, а злодейка говорит старику:

— Зачем твоей дочке такая мать? Оборы ребёнку и то как следует обмотать ленится! Работает плохо. За что её кормить?

А старик совсем трусливый стал, даже и не пытается свою жену защитить. Поняла старушка, что Ацци погубить её задумала. Вот однажды она и говорит дочери:

— Когда меня не станет, походи к речке Белой. Там лежит большой камень, похожий на человека. Это сёйдушко — хозяин священных камней. Он добрый, он всех несчастных защищает. И тебе поможет.

Отправила как-то Ацци старухину дочку за морошкой. Вернулась девочка домой, смотрит: нет матери.

Только недолго Ацци спокойно жила. Старикова дочка такой красивой девушкой стала, что глаз не отвести. Да к тому же работающая и добрая. Злодейка-мачеха ей с утра столько работы найдёт, что и за год не управится, а девушка всё успевает сделать, да ещё краше становится.

Догадалась Ацци, что девушке кто-то помогает. Стала она сыновей своих заставлять за девушкой следить. Да больно они ленивые. Девушка им в плошки побольше рыбы наложит, поедят они и спят себе, проснуться не могут.

Ацци у них вечером спрашивает:

— Что девушка целый день делала? А они в один голос отвечают:

— Ничего мы не видели, ничего не слышали!

На следующий день Ацци опять посылает сыновей за девушкой следить и наказывает младшему сыну, Орлиному Глазу:

— Ты лицом к стене ложись, тогда твой третий глазок всё увидит. Он у тебя никогда не спит.

Пришли братья. А девушка рыбы в плоски им побольше наложила, они поели, спать улеглись. Только Орлиный Глаз лёг к стене лицом, как мать велела.

Смотрит девушка: уснули братья. Побежала она к речке Белой, к камню, в котором сейдушко жил. Стала она там с лучами Солнца играть, золотое вязанье из его лучей вязать, медовые ягоды есть, а из речки перед ней медовый ручей побежал.

Попила девушка из ручья и ещё краше стала. Солнце, как увидело её, налюбоваться не смогло — так на небе и осталось, забыло Луне место уступить. Просит Солнце девушку быть его женой.

Всё это Орлиный Глаз видел, обо всём матери рассказал. Стала Ацци девушки бояться: и сейдушко ей помогает, и Солнцу она невеста. Решила она погубить девушку. Велела старику завернуть дочь в рогожу, положить в керёжу да в речку столкнуть.

Жалко старику дочь, да совсем безвольным стал, во всём Ацци слушается. Сделал всё, как она приказала.

Вода в реке холодная, а девушке тепло. Это ей сейдушко помогает. Плывёт себе керёжа по реке. День плывёт, другой, третий...

Вот однажды, когда ночь наступила, на небе сполохи заиграли — полярное сияние. В старину сполохов этих боялись, думали: могут за волосы на небо утащить. Древние саамы считали, что сполохи — это люди, которые раньше на земле жили, а потом на небо переселились.

Вдруг один лучик сполохов стал длинным, до самой керёжи опустился. Поднялась девушка по нему вверх. Идёт по небу, смотрит: большая тупа стоит. Вошла в неё — никого нет. Прибралась девушка в тупе, а как ночь на убыль пошла, услышала: кто-то идёт. Обернулась она веретеном и быстро за очаг спряталась.

Вошли юноши — это они ночью сполохами были, — и с ними Найнас-Месяц.

— Кто-то в тупе был, — говорит Найнас. — Кто-то всё прибрал. Выйди, покажись нам.

Но никто не выходит. Стали юноши искать. За очагом веретено нашли, сломали его, и вышла из веретена девушка. Очень понравилась она Найнасу.

— Будь моей женой, — просит он.

— Нет, не могу, — отвечает девушка. — Я невеста Солнца.

— Как же ты, невеста Солнца, на ночной стороне оказалась?

Рассказала девушка, что Ацци её погубить задумала за то, что ей сейдушко помогал.

Ещё больше понравилась девушка Найна-су-Месяцу, не хочет он с ней расставаться.

— Тебе, — говорит Найнас девушке, — надо к моей матери Земле вернуться. Тогда ты своего жениха сможешь увидеть. Я тебя провожу.

Сказал так Найнас, а про себя подумал: «Задержу её у матери в гостях, может, она своего жениха забудет».

Спустилась девушка с Месяцем на землю. Подошли они к большой веже. Вышла из вежи старушка, увидела Найнаса с девушкой, обрадовалась. Это была мать Найнаса. Зашли они в вежу. Месяц снял с себя потихоньку звёздный пояс и накинул его на рёп-пень — дымовую трубу. Девушка глаза поднимет — видит звёзды на небе. Месяц прошёл, второй, а девушка всё у матери Найнаса гостит. Только дымно в веже стало: реппень звёздным поясом прикрыт. Много дыму скопилось, пояс и приподнялся над вежей.

А Солнце только этого и ждало. Оно по всему свету свою невесту искало, только в эту вежу заглянуть не могло. Но не хочет Найнас отдавать девушку. Засветили одновременно Солнце и Месяц на небе, заспорили. Только Месяц рядом с Солнцем совсем бледным стал.

Посмотрела мать Земля — не победить Найнасу Солнце. Пожалела старушка сына и говорит девушке:

— Раз Солнце и Месяц не могут спор решить, быть тебе звездой на небе!

И стала девушка утренней звездой. Месяц, утром уходя с неба, на неё любит. Солнце на небо взойдёт — с той звездой встречается, налюбоваться не может.

И вы, если утром рано встанете, ту звезду увидите.

Ванюша и водяные хозяева

Жили старик и старуха. У них было три сына. Младшего звали Ванюшей.

Подросли дети и пошли по свету ходить.

Шли, шли.

На дороге избушка стоит - на одном столбе вертится.

Сказал Ванюша избушке:

- Вертись, вертись, остановись ко мне дверью!

Избушка остановилась. Вошли братья в избушку, увидели: в избушке нет никого, один стол стоит посередине и печь в углу.

Ударил Ванюша кулаком по столу и крикнул:

- Подавай обед!

Сразу на столе появилась всякая еда.

Поели братья и легли спать на печку.

Вдруг видит Ванюша, избушка водой наполняется, все больше и больше ее прибывает.

А из воды выходит Чадзь-Иелле - Водяной хозяин. Как он появился, вода сразу исчезла.

Повернулся Ванюша, встряхнул ногой так, что сапог слетел. Попал сапог в потолок, прошиб доски, сбил с избушки крышу.

От этого шума проснулись на печке братья, увидели борьбу, соскочили вниз и отрубили топором у Водяного хозяина обе головы.

Переночевали братья, а утром вышли из избы и пошли каждый своей дорогой, куда каждого голова пожелала.

Дальше Ванюша уже один пошел. Долго шел.

Опять попадает избушка на пути. Избушка стоит, на одном столбе вертится.

Сказал Ванюша избушке:

- Вертись, вертись, остановись ко мне дверью!

Вошел Ванюша в избушку, а в ней красивая женщина живет. Поздоровался.

Красивая женщина накормила, напоила Ванюшу, стала ночевать оставлять, а потом и говорит ему:

- Сюда придет старик, у которого ты братьев убил.

Остался Ванюша ночевать.

Вдруг видит Ванюша: входит старик. Старик старый-старый, борода белая-белая, до самой земли.

Голова вся белая - это Водяной старик.

- Здравствуй, Иван Иванович, - говорит он, - знаю я, что ты один на земле можешь бороться, ты моих братьев победил! Давай рассчитаюсь с тобой!

- Я не буду с тобой бороться! Я и так завтра с тобой рассчитаюсь! - ответил Ванюша и лег спать.

Проснулся утром Ванюша, глядит: на улице вокруг избы большая канава появилась, шириною в три сажени,

а в канаве стоит на огне большой котел с кипящим молоком.

На краю канавы стоит Водяной старик и говорит Ванюше:

- Если ты, Иван Иванович, перейдешь через канаву - будешь жить, а не перейдешь - простишь с этим светом.

А Ванюша с красивой женщиной сговорился уже раньше о том, как им быть. Женщина сказала Ванюше:

- Я переброшу сукно через канаву над котлом. Ты переходи по сукну на другую сторону, скажи старику, чтобы и он прошел. Когда старик пойдет по сукну, я за сукно дерну, и старик упадет в котел.

Пошли все к канаве. Старик говорит Ванюше:

- Переходи на другую сторону!

А красивая женщина перебросила тотчас через канаву сукно, и Ванюша перешел по нему на другую сторону.

- Теперь ты, старик, переходи по сукну! - говорит Ванюша.

Пошел старик по сукну, дошел до половины, а в это время красивая женщина дернула за сукно.

Старик упал прямо в котел с кипящим молоком.

Попытался было старик выбраться из котла, два раза вынырнул, а потом стал пузыри пускать, утонул и сварился.

Старик думал, что в котле белая вода кипит, а воды-то он не боялся, сам был старейшим Водяным хозяином, ну а в молоке он и сварился совсем.

Ванюша женился на этой красивой женщине.

Жили, жили.

Потом решили возвратиться к Ванюшиным родителям. Вернулись к отцу-матери.

Долго Ванюша отсутствовал. За это время старики совсем состарились, работать не могли.

Старик, чтобы согреться, сжег топорище своего топора, а старушка - свое веретено.

Увидали старики своего сына Ванюшу да возрадовались.

Медведь и ребята

Катались ребяташки с горки. Проходил мимо медведь и забрал ребяташек в мешок. Взвалил мешок на себя и понес в лес, в свою вежу. Идет и видит след неведомого зверя. Медведь положил мешок на снег, сказал ребятам:

- Не уходите, я скоро приду! И ушел по следу.

У одного мальчика был ножик. Мальчик разрезал в мешке дыру, и в нее вылезли все ребяташки, кроме одной девочки. Девочка решила остаться в мешке - чтобы отвечать медведю, когда он будет спрашивать, тут ли дети.

Чтобы мешок не показался медведю пустым и легким, ребяташки наложили в него больших камней и набили снегом, а сверху в мешок посадили девочку. Завязали ребята мешок и убежали домой по медвежьей тропе.

В темноте вернулся медведь за мешком. Спросил, все ли ребята здесь, а девочка ответила:

- Все в мешке.

Взвалил медведь опять мешок на себя и принес к себе.

Принес домой, закричал своей старухе:

- Заправляй котел! Будем мясо варить!

А сам забрался на вежу и стал сверху, через дымовое отверстие, вытряхивать все из мешка в котел.

Первой упала из мешка девочка, попала в котел с водой и вскочила на ноги, а следом свалились камни и пробили дыру. В дыру вся вода из котла вытекла и залила огонь в камельке.

Закричала старуха на старика-медведя:

- Обманул, старичина! Завтра же уведи эту девочку назад, откуда взял!

На утро отвел медведь девочку к ее родителям.

Привел к отцу-матери и стал у них просить прощения.

Родители обрадовались возвращению дочери, но медведя не простили, а накинули ему на шею веревочную петлю и потащили его на березе вешать.

Заплакал медведь и испугался так, что сразу умер от медвежьей болезни, а слезы его стали горохом.

Рехп и Локри

Это было тогда, когда шведы разоряли саамскую землю. Подходили шведы к Потозеру.

В тех местах было маленькое селение.

В этом селении жили две неразлучные подруги, одну звали Рехп (Куропатка), другую - Локри (Лукерья).

Одновременно увидели они во сне, что идут шведы, проснулись и сказали про это мужчинам.

Народ, предупрежденный подругами, ушел из селения, а Рехп и Локри остались.

Пришли шведы в окровавленной одежде; по пути они грабили и убивали всех, кто попадался им.

Заставили шведы женщин стирать их одежды и белье, а сами остались голыми сидеть в веже.

Женщины стали кипятить белье в котле, прокипятили и унесли узлы на озеро. Там спустили белье под лед, а сами ушли в горы.

Так подруги наказали грабителей-шведов.

Стояли морозы. Шведы не могли выйти из вежи голыми. У них вышла вся еда, они не могли поддерживать огонь, и все замерзли.

Та варака, на которой спасались Рехп и Локри, называется с тех пор Локри-Пайта'варь (Лукерьяна пахта), а место, где было селение, - Рехп-Чальм (Куропаткин пролив).

Богатырь Ляйне

.. Лежит в широкой тундре Ловозеро.

Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов. Самое главное.

С тех пор как солнце взошло над землей, на Ловозере поселились вежники. Кто на берегах стал жить. Кто на островах вежу построил. Кому где понравилось.

Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на Ловозере остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нем саамский богатырь— Ляйне.

Кто Ляйне не знал? Все знали, и свои и чужие.

Сила у Ляйне была медвежья, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйне на острове с женой, прекрасной Воавр, и с сыном, маленьким Пяйвием.

Пяйвий — по-саамски значит «солнышко». Его так назвали в честь того юноши, который первым поверил в солнце и принес его вежникам.

Жил еще на острове родной брат богатыря Ляйне — Арипий, с женой и сыновьями. И другие люди жили, много.

Собрались однажды братья, Ляйне и Арипий, на рыбалку. И маленький Пяйвий-солпышко просится:

— Возьмите меня с собой.

А Ляйне говорит сыну:

— Мал ты еще для настоящей рыбалки. Подрасти, то

гда и возьмем. А пока останься дома, матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал — и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца — закон. Остался Пяйвий.

Уехали старшие, а на прощанье сказали, что проведают старых своих родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог — злая чюдь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр, жена Ляйне, посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит — злая чудь бежит, копьями колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин — Чудэ-Чуэрвь, Закричала Воавр страшным голосом, испугалась. Видит она — не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили ее враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время белье полоскала на берегу. Услыхала она крик, обернулась, увидела страшную чудь и Чудэ-Чуэрвя — и бросилась недолго думая в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, сколько сил хватило. Доплыла до Тавь-острова, что стоит от берега вдали, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйне, попала в плен.

А Пяйвий в кустах успел спрятаться. Все он видел, все он слышал, все запомнил: и как злая чудь вежшков перебила, и как Воавр в плен взяли, и в какую сторону увели.

Долго ли, коротко — Ляйне с Арипием рыбы наловили, лодки загрузили, поехали старых своих родителей проведать. Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленье мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так рады, так рады...

Сидят старики с сыновьями за столом, не насмотрятся друг на друга, не нарадуются. Вдруг слышат — крик на берегу. Выбежали, а навстречу им жена Арипия идет, шатается, плачет.

Потом рассказала: напала на остров Салма злая чудь. Кто был на острове, тот погиб. Кто не был на острове — тем и спасся. А она, жена Арипия, белье на берегу полоскала, страшную чудь увидела — в воду бросилась и плыла, сколько могла. До острова доплыла, отлежалась, отдышалась — снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но весть принесла.

— Что ж,— говорят братья,— раз такое дело, рассиживать некогда.— Попрощались со стариками, бросились в свои лодки. Гребут веслами что есть сил, на Салму торопятся, скорей, скорей, скорей...

Однако не успели. Ушла злая чудь и увела с собой Воавр, жену Ляйне. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чудью, вежи сломаны, ветер плачет...

- Ой, беда!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйне: сын живой. Спрашивает:

— Куда увела чудь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

— Туда,— показал рукой Пяйвий.

— Ладно,— сказал богатырь Ляйне.— Кто долго плачет, тот силу теряет. Не будем слезы лить, пойдем злую чудь догонять. Скоро зима, чудь далеко не уйдет, зима ее остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвя и убью его. И жену свою Воавр освобожу.

— Ладно,— сказал Арипий.— Иди, брат, Если выследишь чудь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега — подожди до весны. Весной я тебя разыщу и вместе врага осилим. Одному тебе с чудью не справиться, а по белому снегу чудь тебя самого выследит и убьет. Будь осторожен, брат мой Ляйне, не давай сердцу своему воли, пусть все голова решает.

— Ладно,— сказал Ляйне,— так и будет.

Настрелял Ляйне из лука много гагар. Нарубил Ляйне ворох кустов и вырезал целую охапку крепких стрел. И сделал он тем стрелам наконечники из гагарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, насквозь врага пробивает,

Взял Ляйне четырех оленей: на одного навьючил гагарьи стрелы, на другого — мясо, на третьего — рыбу. На четвертого сам сел. Попрощался с Арипием, братом своим. Попрощался с сыном, Пяйвием. Говорит Пяйвий:

— Возьми меня, отец, с собой. Помогу я тебе выследить злую чудь. И за оленями присмотрю.

— Нет,— говорит Ляйне.— Тебе еще расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учишь стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйне. Долго бежали по тундре олени.

Чудь хитро уходила и следы заметала. Искал-искал Ляйне, вот уж и осень кончилась, и снег кружит.

Построил Ляйне вежу, стал в веже жить, зиму пережидать. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чудь разыскивает. Не могла чудь уйти далеко, где-то близко зимует.,.

Искал-искал — и нашел. Видит однажды: дым на берегу озера. И еще дым, и еще, и еще. Много костров. Значит, здесь чудь зимует. Обрадовался Ляйне: теперь не уйдет от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйне весны ждать. На охоту ходил, двух медведей добыл Ляйне. Шкура у медведя густая, теплая, мясо у медведя вкусное очень. Но не ради шкуры убил медведей Ляйне. И не ради мяса. Заготовил он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы жадные песцы не добрались.

Медвежий жир — первое лекарство для воина. Спрятал его Ляйне до весны, когда будет с чудью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце над тундрой всплыло, весь снег растопило. Ручьи побежали в речки, речки побежали в озера, озера вспухли и сбросили лед. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйне туда, где зимой костры видел.

Пока по озеру плыл, солнце спряталось, темь упала на землю, на воду, на небо.

Подплыл Ляйне к вражескому лагерю, лодку привязал и тихонько полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он просто узнал: из реппеня (отверстия наверху вежи) самый жирный, самый густой дым валит. И запах самый сильный — мясом пахнет, свежей рыбой.

Слышит Ляйне, сам Чудэ-Чуэрвь говорит:

— Что-то глаза у Воавр повеселели? Что-то тело мое играет, будто перед боем? Что-то дым в реппень худо идет? Не Ляйне ли по веже лезет? Не он ли до нас добрался? Не он ли смерть свою ищет?

Услышал Ляйне эти слова — и скорей с вежи долой, и к берегу. Спрятался в кустах, ждет. Долго ждал.

Слышит — идет его жена, его Воавр, его любимая. Чудэ-Чуэрвь ее за водой послал. Видит Ляйне — Воавр веревкой привязана, и тянется та веревка от самой вежи.

Чудэ-Чуэрвь ее как собаку держал, на привязи. И веревка та не простая. Веревка та из тысячи корней сосновых, тысячи корней еловых сплетена: не сразу топором разрубишь, не сразу ножом разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйне, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радости их утро наступило, и солнце взошло, и птицы запели, и тростник качнулся.

Сказала Воавр, сколько врагов в стане, сколько охраны у Чудэ-Чуэрвя. Выслушал ее Ляйне и говорит:

— Вот тебе нож, подрежь веревку, которой привязана.

И собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвя побольше хвороста и сухой бересты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за веревку дергать. Ничего не поделаешь, пора Воавр обратно идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

— Тебя только за смертью посылать, — ворчит Чудэ-Чуэрвь.

— За твоей смертью я бы бегом сбегала, — говорит Воавр, а сама снова из вежи идет.

— Куда тебя опять понесло? — сердится Чудэ-Чуэрвь.

— Пойду растопку соберу, скоро еду варить, — сказала Воавр. Вышла она из вежи и стала обкладывать ее хворостом и берестой, как Ляйне велел. А Ляйне тем временем положил стрелу на тетиву и залез на вежу Чудэ-Чуэрвя. Заглянул в реппень, дымовое отверстие. Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой веревку держит, которой Воавр привязана, а другой рукой сиговую икру берет на нож. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить — увидел через реппень Ляйне. Замер Чудэ-Чуэрвь, даже крик из него не идет. А Ляйне выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвью. Стрела с гагарьим клювом пробила глотку Чудэ-Чуэрвью насквозь, Воавр услышала, как тетива звенит, схватила нож и обрезала веревку. Ляйне прыгнул с вежи и поджег бересту. Огонь поднялся до неба — и спалил Чудэ-Чуэрвя.

А Ляйне схватил прекрасную Воавр за руки, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйне ловить. Из луков стреляют, копья бросают, топорами машут — страх. Бьется Ляйне, звенит тетива его лука, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьется: хватает на лету топоры чудинов и со всего маху обратно во врагов бросает. Пробились Ляйне и Воавр к своей лодке, а все же попали в Ляйне две стрелы, и один топор зацепил богатыря. Обливается кровью саамский богатырь, но метко посылает свои стрелы в страшную чудь, насмерть врага разит. Много положил, а чудь все насаждает, толпой прет.

Воавр веслами гребет изо всех сил, а Ляйне из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Аридий ждал-ждал, когда Ляйне вернется, дождался весны и сам поехал на помощь брату. В самый раз и успел.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мертвый остались на берегу, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

— Спасибо тебе, брат,— сказал Ляйне.— Выручил ты нас из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвя, мне бы одному не справиться.

Арипий смеется.

— Мы,— говорит,— еще бы больше чуди перебили, если бы я твоего сына с собой взял, Пяйвия. Уж как он просился со мной, тебе на подмогу, как просился! Но сказал я ему твои слова: расти еще, Пяйвий, силы набирайся, учись тетиву натягивать сильно, как настоящий мужчина. Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйне словам брата. И Воавр обрадовалась. Пришли саамы в вежу, которую Ляйне зимой построил. И просит Ляйне брата Арипия;

— Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух медведей я убил зимой, теперь сослужат они мне добрую службу.

Не успел Арипий бровью шевельнуть — метнулась Воавр, как кошка-рысь взлетела на дерево, достала мед вежье сало и принесла мужу.

Разделся Ляйне догола, обнажились страшные раны. Завернулся Ляйне в медвежий жир, весь завернулся, только нос снаружи оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал — затянулись раны, потому что нет лучшего лекарства для боевой раны, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйне на ноги — и поехали они все домой. Приехали на остров Салма, на Ловозеро. Обрадовались саамы возвращению братьев. Пир закатили, песни пели, пляски плясали, весело было.

Снова стали жить саамы — оленей пасти, рыбу ловить, охотиться.

Жить, как раньше жили.

Чудэ-Чуэри́в

«А вот - легенда, записанная русским ученым В. Ю. Визе со слов Кузьмы Данилова, Семёна Галкина и Филиппа Сорванова (предположительно жители Ловозёрского погоста):"Пришел на Ловозеро со своей дружиной чудский начальник Чудэ-Чуэри́в, все они были некрещеные, и начали грабить лопарей. Лопари бежали от них на один остров на Ловозере, где стоит "Старуха", которой приносят гостинцы, когда идут на охоту. Чудь заметила, куда бежали лопари, села на карбаса и отправилась за ними в погоню. Тогда один лопарь стал бить в "корви-карт" (бубен, - прим. авт.) и просить, чтобы "Старуха" сделала погоду. "Старуха" услышала его и сделала большую погоду, так, что вся чудь, гнавшаяся за лопарями на карбасах, потонула в озере. Остались живы только Чудэ-Чуэри́в и его повар. Они успели добраться до Мотки-губы, где повар начал варить обед. А повар был колдун. Стряпает он, мешает ложкой в котле и приговаривает: "Вот бы мне так трепать лопские головы". В это время подошли лопари и, увидев чудского начальника, ранили его самострелом в ногу. В ногу же его ранили для того, чтобы взять его живым. Повар, когда увидел это, взял казну и, чтобы она не досталась лопарям, бросил её в воду, затем и сам бросился в озеро и, как щука проплыл по Сейдъяврйоку в Сейдозеро».

Воронова гора

Однажды лопь Оця пошел на охоту. Возвращаясь домой, он нашел маленького вороненка с подбитым крылом. Жаль ему птицу стало, завернул Оця вороненка в тряпицу и принес к себе в чум. Стал его выхаживать. Зажило крылышко у птенца, но не улетел он в лес, привязался к Оце и остался у него жить. Между тем время шло и из маленького вороненка вырос красивый большой Ворон. Бывало идет лопин Оця на охоту, а Ворон впереди него летит, зверя показывает. Или рыбачит Оця, а Ворон тут же сидит. Хорошо им вдвоем жить. Ворон и погоду предсказывает, горе, радость, все ведомо вещей птице. Заметили лопины, что поселилась в чуме Оци удача, стали они к нему навещаться, птицу вещь посмотреть, совета у нее выспросить. В этом же становище жил нойд Егор. Был он властным и жестоким нойдом. Все лопины становища боялись его и слушались. С появлением птицы Ворона лопины все больше к Оце стали заглядывать, стороной обходили вежу нойдову. И решил тогда нойд завладеть птицей Вороном. Сговорился он с Оцей на охоту сходить коанньт пудзе – диких оленей пострелять. Согласился Оця, чего не сходить. А Ворон сидит, головой вертит, мол, не ходи, беда может быть. И все же пошел Оця. А как нойду отказать? Вышли они на простор тундровый и увидели коанньт пудзе чудзе – стадо диких оленей. Нойд Егор говорит лопину Оце: — Ты, Оця, иди вперед, а я вокруг стада обойду, выберу коанньт ерьк получше и дам тебе знак. Согласился лопь, не чую беды. Идет вперед, назад не оглядывается, да вдруг откуда ни возьмись налетел на него Ворон, столкнул наземь и тут же рядом стрела в ягель врезалась. Если бы не Ворон, лежал бы лопину Оце убитым. А нойда и след простыл. Понял Оця, что хочет его известить нойд Егор, стал думать, как из становища с Вороном своим незаметно уйти. Нойд хитрющий про это прознал и решил сеть споймать Ворона. Оця птицу в чуме силком не держал, Ворон – птица вольная, где хотел, там и летал, да только в ночь всегда к другу своему возвращался. Углядел нойд, откуда птица прилетает, и поставил сеть на нее. Вот летит Ворон к чуму друга своего, да не углядел и угодил в сеть нойдову. Тащит сеть нойд, хочет Ворона схватить, да не тут-то было. Ворон клювом острым разорвал сеть и вылетел на свободу. Летит на нойда, крылами бьет его, еле тот успел ноги унести.

Понял Егор, что не победить ему Ворона без помощи. Стал думать, гадать, где помощь сыскать, и решил к чуди иноземной пойти. Подговорил их, чтоб напасть на становище саамов и убить лопина с его птицею. С радостью чудь согласилась: все равно кого грабить и убивать ей. Ворон в чуме друга своего, пророчит беду. Испугались олмэ – лопины, не знают, что делать им, как беды избежать. А Ворон летает из чума в чум, стрелы да луки в руки лопинам вкладывает. Тогда Оця взялся вести соплеменников против чуди и нойда злобного. Встретились противники на открытом месте и завязалась у них битва. Летят стрелы метких лопинов, поражают чудь в самое сердце. Так перебили лопины первый отряд противника и ободрились духом, да не тут-то было. Новый отряд чуди идет. Тут уж Ворон вылетел навстречу им, громко кричит, крыльями машет, зовет на помощь друзей своих, воронов. Налетело их видимо-невидимо. Бьют они врагов своими острыми клювами, лопины помогают птицам меткими стрелами, гонят чудь с земли своей. Долго гнали вороны остатки чуди с саамской земли, и впереди всех летел Ворон лопина Оци. Вот уж вся перебита чудь, и злой нойд упал, развернулся Ворон, чтоб к друзьям своим лопинам лететь, да сразила его стрела нойда раненого, из последних сил, что тетиву натянул. Попала стрела в Ворона, и упал он на землю, раскинув в разные стороны крылья свои. Успел лишь в последний раз Ворон взглянуть на спешивших к нему лопинов и окаменел. Скатилась из глаза птицы слеза прощальная,

упала на землю, и в миг в том месте родник забил, да не с простой водой, с целебной. Подбежали лопины к Ворону, а вместо него уж гора выросла, закрыв проход в тундру с южной стороны. А над горой, прощаясь, кружили вороны. Даже смертью своей защитил Ворон друзей лопинов. Погоревал Оця, но не вернуть друга ему. А чтоб все помнили о его Вороне и битве с чудью и нойдом злым, назвал он эту гору Карнасурт. Потому как Карьнэсь по саамски Ворон будет, а уррьт – гора.

О реке Улите

На безымянной речке, впадавшей в Тулому, жил некогда со своею семьею в старой веже саам рыбак.

Жили они хорошо, пока не вздумалось рыбаку поставить новую, просторную вежу на красивом высоком берегу речки.

Когда вежа была поставлена, жена рыбака стала щепу и стружки сбрасывать в воду. Увидел это рыбак и говорит:

— Не бросай стружки в воду!

А сам уехал в лес за дровами.

Жена не послушала мужа, сбросила весь мусор в воду и очистила холм.

Стружки уплыли вниз.

В те времена бродила по реке Туломе шайка грабителей-шведов. Было их сто человек. Заметили они свежие стружки, плившие по воде, пошли вверх по течению, увидели дым из новой большой вежи и пришли на высокий берег. Поселились в веже.

Старший из шайки стал жить с женой рыбака, а к дочери сватались остальные.

Когда возвратился из леса хозяин, грабители схватили его и привязали к дереву на ночь — грозили убить его, если не расскажет он, где живут саамы.

Не хотелось умирать сааму. Увидел он дочь, которая шла за водой, и попросил ее развязать веревки. Дочь ответила отцу, что лучше жить ей с матерью и с пришельцами, чем с отцом,

А когда выбежал на улицу маленький сын, отец обратился к нему за помощью, и тот согласился. Вечером мальчик остался играть на улице и, когда все уснули, подошел к отцу, развязал веревки и освободил его.

Очутившись на свободе, хозяин взял воткнутый в землю меч, которым шведы-грабители хотели отрубить ему голову, вошел в вежу и расправился с ними.

Жену и дочь свою освободил саам.

С тех пор этот приток Туломы и называют Улитой, по имени жены саама.

Кускас (Северное сияние)

Жил-был старик со старухой и имели они только одну дочь. Старик жил небогато и раз пошел в лес драть бересту – скалы. Подошел он к березе и стал снимать бересту. В это время, откуда не возьмись, с березы соскочила ацак – лягушка и сказала ему: Каллес! вальд му каон — Старик возьми меня замуж. Мохт мон вальдам ту. Мусте ли кав сарн каллес – Как я тебя возьму. У меня есть жена, — сказал старик.

Лягушка не сказала более ни слова, вскочила на березу и скрылась.

Старик после этого испугался. Пошел от той березы прочь и пришел к другой.

Здесь опять пред ним явилась лягушка и сказала: Старик, возьми меня замуж

Куда мне с тобой, голубушка, да у меня есть и старуха. Нет, мне на старость довольно и одной, — ответил ей старик.

Лягушка выслушала его и опять вскочила на березу и скрылась.

Старик после этого не знал, что делать: идти ли домой без бересты, или еще идти к другим березам.

Решился на последнее, чтобы не посмеялись над ним, как бы над дураком.

В этот раз он ушел от этих берез далее, думая, что там он снимет бересту. Подошел он к красивой и крепкой березе. Сделал на березе надрез. Опять только, откуда ни возьмись, с березы соскочила лягушка и сказала: Старик возьми меня замуж.

Ах, голубушка, это я слышал уже от двух, и ответил им, что у меня есть жена. Тебе то же скажу: у меня есть старуха, довольно мне и одной, что ты у меня будешь делать, — ответил старик.

Старик! если ты меня не возьмешь, тебе тогда будет худо и смерти не миновать. У меня есть ножницы — Скарри. Я как раз уколою ими тебя, будет тогда две раны на твоём теле; другой — будет четыре, а третий — будет шесть. Ты тогда изойдешь весь кровью, и мясо твоё я съем.

Старик стоял в это время ни жив, ни мертв: умереть не хотелось, и он сказал: Делать нечего! Пусть будет по-твоему, только я тебе сделаю другую вежу и буду приходить каждый день несколько раз.

Лягушка согласилась, и они пошли. Сделал старик ей вежу и зажил так же, как и ранее. К лягушке ходил и делал, что она ему приказывала. Ровно через год у нее родилось два сына и одна дочь. Дали им имена: первому Веррун-чулд – тесаный пень, другому Ихт-Сяпаласт – олений хомут и дочери Кыдзым-Чалм – остроглазка.

На первых порах и после этого они жили хорошо и согласно, но когда стали у лягушки дети большие, она стала требовать пищи. Старик между тем сделался стар, и приводилось иногда поэтому лягушке—жене в просьбах отказывать.

Раз дети, наученные матерью, пришли к старику и сказали: Есч! уд миги пурат — Батюшка! давай нам и матери есть, а нет — она придет с нами сама и тебя съест.

Деточки, чего я вам дам! Я стал стар и сам питаюсь почти только белым мохом. Вот еще иногда принесет дочь рыбы, поем, а нет — хоть умирай с голоду.

Выслушав это, дети лягушки убежали и пересказали все матери. Лягушка, ни мало не медля, взяла детей и пошла к старику. Зашли они в вежу, убили старика, высосали сперва из него кровь, а после съели и мясо. Старуха с дочерью в это время плакали, но горю пособить не могли. Когда лягушка с детьми наелась, они ушли домой.

По уходе их старуха и сказала дочери: Знаю, что они скоро съедят и меня. И вот, когда придет это время, ты сделай так: когда они будут есть меня, ты в то время собирай все мои косточки в мешок и считай их. Всех ты положишь 99 косточек, но нужно будет, чтобы было сто. Ты после этого Остроглазку ударь в спину, и у ней изо рта упадет кость. Ты возьми и эту. Положи в мешочек и беги от них скорее прочь. Когда придешь ты до лужка, у которого течет речка, на лужок косточки положи в одно место и ударь по ним сучком березовым три раза, и перед тобой явится избушка. Тут ты и живи. На случай нужды вот возьми эту сонную спичку — наер сагги. Не забудь мой совет, и тогда будешь счастлива. Старуха с дочерью после этого опять стали жить. Недолго им только привелось. Вскоре опять дети лягушки пришли к ним и сказали: Бабка, давай есть, а нет — мать придет с нами и тебя съест.

Что я вам дам, ответила старуха. Был у меня кормилец, но вы его отняли. Мне теперь не жалко и себя. Что хотите, то и делайте со мной.

Услышав это, они побежали обратно к матери и сказали. Лягушка взяла детей и пришла к старухе и сказала: Ты такая же злая, как и муж; поэтому не осуди. Все подошли к ней в это время и убили. Кровь сначала выпили из нее, а после стали есть и мясо. Дочь в это время со слезами на глазах подбирала косточки незаметно и складывала в мешок. Всех косточек она насчитала 99 и после этого незаметно ударила Остроглазку по спине, как бы нечаянно толкнула, и косточка выпала изо рта. Она подобрала и положила в мешок, а Остроглазка в это время сказала ей: Ты еще меня тронешь, это ничего. Придет очередь и до твоего мяса, тогда я полакомлюсь. Дочь старухи между тем в это время вышла и пошла скорее в лес, чтоб ее не удержали. Сперва она бежала без дороги, а после нашла и дорогу. Лягушка между тем, когда съели старуху, спросила у детей: кост ли агка нийд? где бабкина дочь? Стали смотреть везде, но нигде нет. Принялись искать около вежи, но и тут не нашли. Лягушка поворчала на детей, но от этого пользы не было. Недолго думая после этого, решились и они идти в лес и искать бабушкину дочь.

Девушка в это время добежала до лужка, который был у речки, высыпала косточки, ударила по ним березовым сучком, и перед нею предстала хорошая избушка, со всяким добром. Сейчас она вошла в избу и стала жить, не чувствуя ни в чем недостатка.

Лягушка с детьми ходила, ходила по лесам и, наконец, она пришла к избушке. Увидав житье, она сказала: здесь, я думаю, живет бабья дочь.

Нужно узнать, как она живет. Всем она, быть может, не покажется; завтра поэтому утром ты, Веррун-чулд, пойд и попросись у нее, как будто бы прохожий, отдохнуть.

Ночь проспали они в лесу, а утром Веррун-чулд, пришел к избушке и постучал.

Двери отворились, и он сказал: Голубушка, будь добра, дозвожь мне с дороги отдохнуть у тебя в хате.

Много ли вас всех? – спросила она.

Я один только. У меня были товарищи, но они ушли далее.

Девушка пригласила его в избу и не показала виду, что его знает, хотя давно увидела, что они все вчера еще пришли.

Она напоила его, накормила, приготовила для отдыха постель и сказала: Ложись спать, а я у тебя поищу в голове. Веррун-чулд лег, и она стала гребнем чесать и искать вшей. В то время сама сонной спичкой уколола ему глаза и уши, и он после ничего не увидел и не услышал. Сама девушка в это время вышивала серебром и золотом пояс и играла с солнцем. Наступил вечер. Она подошла к Веррун-чулду и разбудила. “Время вставать и идти, потому что на ночь в комнате у себя я никого не оставляю”. Сын лягушки встал, поблагодарил ее и ушел.

Пришел к матери и сказал: Бабкина дочь живет хорошо и очень добра. Она меня напоила, накормила и спать уложила и в голове поискала. А что он делала? –спросила мать. Я спал и ничего не видел. Мать осерчала на него и едва не поколотила. Она сказала: дали тебе имя тесаный пень и вполне справедливо. Завтра поди ты, Ихт-сяпаласт.

Утром пошел к избушке и второй сын. Его также хозяйка приняла и также спровадила обратно. Мать, увидев его, спросила, что бабкина дочь делала? “Я спал и ничего не видел”. Мать рассердилась и на него и сказала: “От вас от обоих нечего ждать добра. Один пень — пнем и останется, а другой хомут — хомутом и будет”.

“Завтра поди ты еще, Кыдзым-чолмаш, — сказала она дочери, — надеюсь, что ты скажешь мне, чем занимается бабушкина дочь”.

Утром рано Кыдзым-чолмаш — Остроглазка пошла к бабкиной дочери. Остроглазку она напоила, накормила и уложила спать, и стала искать в голове. В это время она, как бы ненарочно, уколола глаза и уши. Остроглазка не стала слышать и видеть; впрочем, она не видела только глазами, которые на лице, и глазами другими, которые были на затылке, она видела все. Так она видела, что бабкина дочь ела сладкие ягоды и пила сладкий мед. После села она вышивать пояс серебром и золотом; в то же время играла и с солнцем. Остроглазке очень хотелось встать и посмотреть хорошенько, но сон, наведенный спичкою, никак не дозволял. Она спала до вечера, когда опять ей бабкина дочь и сказала: “Время вставать и идти к матери. Она тебя дожидается, и уже несколько раз выходила из лесу и смотрела, не идешь ли ты?”

“Нет, голубушка, у меня матери нет, я одна одинешенька и осталась бы с тобою жить, если бы ты взяла”.

“Нет, голубушка, я живу одна, и дала себе слово никогда никого не брать”. Остроглазка поблагодарила ее и ушла. Пришла она к матери и сказала: Бабкина дочь живет, как царица. Кушанья и питья у нее всякого довольно. Солнце с ней играет, а она в то время вышивает пояс серебром и золотом. У нее есть какая-то еще спичка. Она коснулась ей моих глаз передних и ушей; я после этого не увидела и не услышала. К счастью, она у меня не заметила задних глаз, и потому я видела”.

“Благодарю тебя, что ты, по крайней мере, рассказала все, чем занимается бабкина дочь. За твою услугу после смерти ее отдам я тебе дом ее и все богатство”. К следующему дню она велела всем своим детям приготовиться идти к бабкиной дочери: “Тогда мы сделаем с ней, что придет на ум”.

Бабкина дочь это узнала ранее. Она поэтому пояс положила около себя, а также и сонную спичку. Кроме того, в косу себе положила на случай нужды маленький ножичек.

Едва наступило утро, как лягушка со своими детьми пришли к избушке и двери выломали силой. Не говоря ни слова с хозяйкой, связали ей руки и ноги и зашили в нерпичью шкуру. Сыновья после этого по приказу матери понесли к морю и там бросили в воду. Лягушка с дочерью шли сзади и разговаривали о том, что они будут теперь жить лучше и богаче бабкиной дочери. Остроглазка в это время оглянулась назад и сказала: Мама! мама! Посмотри: избы-то бабкиной дочери не стало. Не бросайте ее в море, лучше будем жить вместе.

“Поздно! — ответила мать, — она уже плывет далеко и теперь, вероятно, умерла”. Поговорили они еще несколько времени, но поправить своей ошибки не могли. Пошли ходить по лесам и теперь, вероятно, ходят, если не умерли.

Бабкину дочь между тем несло по морю и течением воды, при помощи ветра, выбросило на берег. Девушка, когда почувствовала под собою землю, достала из косы ножичек, сделала дыру в коже, чтобы можно было выйти. Вышла она на берег и пошла странствовать наудачу. Питалась она дорогой ягодами, а в маленьких озерах доставала и рыбу. Долго она ходила и никого не видела. Наконец она подумала, что ей уже никогда не увидеть людей, полагая, что она находится на краю света. К счастью, она вышла на тропинку и пошла по ней в надежде, что она приведет ее к жилью. Не успела она этого хорошенько подумать, как перед собой увидела большой дом. Несколько раз она обошла его кругом, но людей не увидела никого, ни около дома, ни в доме. Ей стало неловко. Делать, однако, было нечего. Она пошла к дверям и отворила. В это время она испугалась еще более. В доме везде стояла кровь — вырр, как будто в каком-нибудь озере. Она не знала, что и делать: остаться ли тут, или идти далее. Решилась, наконец, на последнее, потому что, подумала, все равно умирать или здесь, или в лесу. Приняв намерение остаться, она стала ведрами черпать кровь и носить в сторону. Два раза она выносила кровь, но дом опять был полон крови; наконец, не стало. Она взяла воды и везде вымыла и все вычистила. В комнатах стало красиво. Она села отдохнуть и подумала: чего я теперь поем. В это время наверху у комелька увидела резки — хлеб, взяла одну, отломил кусок и наелась. Остатки положила на старое место. На душе у нее было тяжело, потому что она предугадывала, что изба принадлежит людям, истекшим кровью или умершим насильственной смертью. Они, думала она, приходят сюда по ночам и режутся, от того и на небе видны всполохи, или северное сияние. Ей, однако, хотелось посмотреть на жильцов, и она решилась обратиться в веретено; тогда мне, подумала она, не могут сделать ничего худого. Как думала, так и сделала. Ложась за комелек, она превратилась в веретено. Ночь прошла спокойно. Наступил день, и вдруг она услышала, что идут люди. В избу вошло несколько человек и сказали: Здесь кто-то был и все вычистил, а между тем никого не видно; это удивительно. Все взяли по резке—хлеба и вышли, сказав Найнасу: От твоей резки—хлеба начато есть; значит, этот человек тебе родня. Найнас при них ничего не сказал, а когда они ушли, спросил: с Кто здесь есть, покажись: если старик, мне будешь отец, если старуха мать, если в моих летах мужчина — брат, а женщина — сестра, а если красная девица — будешь мне женой”. Едва он выговорил последние слова, как веретено выскочило из-за комелька на пол и стало вертеться. Найнас поднял его, переломил, и в середине очутилась девица. Он обнял ее и сказал: “Красавица, с этого времени ты будешь моей женой. Жаль только, что тебе более здесь остаться

нельзя, особенно ночью. Лишь только станет темнеть, сюда соберутся все убитые люди и будут между собой резаться; поэтому могут и тебя зарезать, или еще хуже, всполохи унесут высоко, высоко. Пойдем со мной, я провожу тебя к своей матери”. Вывел ее на дорогу и дал клубок ниток, говоря: “Как я отойду от тебя, брось клубок на дорогу и, куда он покатится, туда пооди и ты. Назад, вверх и по сторонам не смотри, а только на клубок, в противном случае тебя возьмут 1) всполохи — северное сияние. Клубок приведет тебя к реке. На другой стороне живет моя мать, и ты вскричи, чтобы она перевезла тебя в том карбасе, который делал Найнас. С приездом матери, спроси у нее, на котором упруге порезался Найнас, на тот и садись. Матери с тобой не жить, и поэтому сделай для себя и для меня вежу. Я часто буду к тебе ходить, и жизнь пойдет у нас весело. Простившись любезно, они расстались. Жена Найнаса по сказанному пошла, как по писанному. Вечером всполохи, северное сияние заиграло на небе очень сильно и опустилось почти над самой головой странницы. Всполохи играли над головой со свистом и пели песни: “вот идет Найнаса жена, но скоро возьмет ее солнце”. Всполохи жгли ей и лицо, но на все это она не обращала внимания, а смотрела только на клубок. Утром пришла она к реке и вскричала: “Матушка, будь добра, перевези меня в том карбасе, который работал сын твой Найнас”. Вскричала она раза три, и за ней приехала свекровь и сказала: “Лучше бы ты не вспоминала мне сына Найнаса: я уже и без напоминания о нем вся с горя высохла и поседела. Ты своими словами еще увеличиваешь мою горечь”.

“Матушка! будь добра и выслушай меня. Меня так научил сын твой Найнас, а теперь мой любезный муж. Он сказал еще мне, чтобы я спросила, на котором упруге он порезался в этом карбасе, на том я должна и переехать”. Свекровь указала ей средний упруг и они переехали. В тот же день она сделала вежу и стала в ней жить. Через несколько времени пришел и Найнас и сказал: “Одну ночь сегодня я проведу здесь, но утром мне нужно идти”. Жене отпустить его скоро не хотелось, потому что она уже нажилась одна, и вот, когда они легли спать, и он уснул, она вверху своей вежи подвесила свой серебряный пояс. Наступило утро, и Найнас проснулся, сказал: “Теперь, я думаю, уже утро, пора мне идти”. — “Нет, до утра еще долго. Посмотри наверх, как звезды еще блестят и светят”. Найнас посмотрел и опять заснул, потому что он не знал, что вверху подвешен пояс со звездами. Так он просыпался до трех раз, и каждый раз его обманывали.

К несчастью, когда он проснулся в третий раз, мать закричала: “Невестка, возьми оленьи шкуры с вежи, они все пересохнут от солнца, и тогда муж уйдет от тебя”.

Свекровь вскричала это три раза, и невестка, чтобы не услышал Найнас, без платка с распущенными волосами) высунулась из дверей на улицу. В это время солнце захватило ее за волосы и стало держать. Она закричала: “Найнас, дай мне воды, меня сожгло солнце”. Найнас держал ее в это время за ноги и умер. До трех раз она просила воды у мужа, но, как от мертвого, получить не могла; тогда, обратись к солнцу, сказала: “Солнышко, солнышко, помилуй меня и ороси водой”. Солнце оросило ее водой, но в то же время и взяло ее к себе. Там она сделалась его женой, и стали жить так весело и счастливо, как не живет никто.

Вскоре у жены солнца родилась красавица дочь. Пока она была маленькая, держали ее при себе и научили всему хорошему. Наконец дочь выросла и стала невестой. Солнце раз и сказало матери: “Нам более дочь здесь держать нельзя, нужно опустить ее на землю, и пусть она найдет себе там суженого”. Мать не противоречила, а дочери расстаться было очень тяжело. Делать, однако, было нечего, она должна была подчиниться воле родительской.

Настал день прощания. Солнце с матерью благословили ее и сказали: “Кого первого ты встретишь на земле, тот будет твой суженый. Живите в согласии и любви: тогда у вас всего будет довольно”.

Как дочь у них была мастерица вышивать, дали ей еще шелку и сказали: “Приготовь три платка из него, продай, и денег за них получишь довольно”. Солнце после этого взяло свою дочь и перенесло ее на землю.

Долго-долго шла красная девица и никого не встретила. Наконец, увидела стадо оленей и при них пастуха. Подошла к нему и сказала: “Будь здоров и счастлив, добрый человек”.

“Здравствуй, красotka, откуда идешь и далеко ли?” – ответил пастух.

“Издалека мой путь лежит. Где я родилась, там мне сказали: пойдй, и, кого встретишь первого, тот и будет твоим суженым мужем. Вот поэтому и прошу тебя, добрый человек, возьми меня себе женой”, — сказала она.

“Да, я рад бы взять тебя, красавица, но чем будем мы кормиться? Теперь я с трудом добываю и себе пропитание”.

“Предоставим это, добрый человек, воле Божьей. Родители мне сказали еще: Бог благословит ваш союз, и вы будете счастливы”.

Пастух после этого не противоречил, вступил с ней в брак. И они стали жить. Сначала она ходила с ним и помогала ему пасти оленей. Жили они на хозяйском дворе, а хлеба давали только для одного человека. Им было маловато. Вот однажды ночью, когда муж спал, она вышила шелком платок и послала мужа продавать. Платок был очень красивый, и покупатель нашелся скоро. За него получили сто рублей. На другой неделе она приготовила другой платок, более и красивее первого. Продали и этот. Денег получили двести рублей. Денег было довольно, и муж перестал быть пастухом. Они купили себе дом, оленей и другого имущества и зажили на удивление другим. В это время приготовила жена и третий платок, очень большой и красивый. Продали его и денег получили 300 р. После этого они зажили лучше всех и многие стали даже завидовать им. Нашлось много людей и таких, которые говорили, что у них богатство добыто нечестным образом. Пока так говорили не в глаза, это они переносили; но однажды бывшему пастуху сказали: “Как ты ни говори, что все нажил трудами своими, но это не правда. Вернее всего, где-нибудь похитил”.

Слова эти ему слышать было тяжело и особенно при народе, он поэтому и сказал: “Я получил все добро, благодаря солнцу. На солнце я могу даже и сам подняться”. Народ, услышав это, рассердился на него и сказал: “Завтра, если не исполнишь своего слова, мы убьем тебя”.

Пошел после этого он к своей жене и рассказал все. Жене это было неприятно, но мужа от смерти избавить было нужно. Она сказала ему: “Теперь ночь, а к утру я что-нибудь придумаю”. Едва началась заря, как жена сказала мужу: “Пойдем теперь на то место, где меня опустила солнце, и оттуда, быть может, ты и сходишь”. Вышли они из погоста и увидели, что солнце гоняет на оленях и едет им навстречу. Они подошли к нему и рассказали про свое горе. Солнце подумало сперва, но потом сказало: “Садись на оленя, и поедем”. Они уехали, а жена осталась с караульными и пошла обратно. Соседи спросили у нее: “Где муж?” Она ответила: “Видели же, как он поехал на солнце на олене”.

Солнце, поднявшись наверх, зятя представило своей жене. Теща, увидав зятя, изумилась, хотя и рада была его видеть. Поговорили они о дочери, а потом солнце сказало зятю: “Завтра утром поезжай ты кругом земли, и сперва гони на медведе, в полдень замени его оленем—быком, а вечером и этого перемени на оленя—важенку”.

С наступлением утра к зятю явился медведь. Он сел на него и поехал. Около полудня медведь умер, и к нему явился в полдень бык-олень. Он сел и поехал, и увидел на доске изображение человека. Картину эту он толкнул в сторону и сказал: У меня был один теленок, того не сохранил, а дал на съедение волкам; не стой и здесь на дороге сам. Поехал далее, и у него олень бык умер. Наступил вечер и к нему пришел олень—важенка, ин сел на него, поехал и приехал обратно на солнце. На другое утро солнце сказало: Сегодня ты останься здесь с тещей, а я поеду кругом земли. Солнце путешествовало на медведе до полудня и увидело, что лежит мертвый медведь; поехало далее, увидело изображение в стороне и оленя-быка мертвым, удивилось всему этому и не знало, почему это сделалось.

Теща с зятем в это время переговорили обо всем, и теща, узнав, что он толкнул изображение во время объезда кругом земли, очень сожалела.

Солнце, возвратившись, спросило зятя о мертвых животных и об изображении. Зять отвечал, что они сами умерли, а про изображение сказал тоже, что и ранее. Солнце дало ему совет: более этого не делать и с животными обходиться ласковее. На третий день солнце и жена его простились с зятем, опустили его на землю и дали всякого добра много-премного. Муж привез его на нескольких возах и зажил с женой после этого на славу и удивление всем.

Вот поэтому-то и теперь Лопари, когда кто у них из взрослых умрет, сейчас у хозяина продают оленя и деньги отдают за погребение и на свечи. Олень на эти предметы поступает потому, что и по смерти умерший, по мнению Лопарей, будет непременно ездить на оленях. Если же на эти предметы не дать оленя, это значит приговорить его к тому, чтобы он в загробной жизни ходил пешком.

(Записана при переводчице, со слов Василия и Марьи Летовых и Марьи Герасимовой).

Леск агка – вдова старуха

Некогда жила-была одна Лопарка вдова—старуха, да с ней жила в веже еще лягушка. У вдовы был сын, а у лягушки дочь—самка. Лягушка очень любила вдовкина сына и однажды ночью его взяла у вдовы, а к ней положила свою дочь. С чужим сыном она убежала далеко-далеко. Старуха, проснувшись, увидала, что подле нее лежит нийд – дочь лягушки, а сына и лягушки нет. На старуху напало горе, и она хотела убить дочь лягушки, но вспомнила, что одной будет скучно, и оставила при себе в ожидании счастья в будущем.

Лягушка-беглянка устроилась около одного озера в густом лесу, чтоб ее не могла найти вдова. Украденный сын вырос очень скоро, но о своей матери не вспоминал, потому что ее не помнил. Лягушку признавал своей матерью. Лягушка его любила также очень. На день всегда он уходил в лес на охоту и вечером всегда возвращался или с мясом диких оленей, или со шкурами диких зверей. Из шкур зверей он устроил себе и вежу, и жить ему стало лучше. По временам, однако, находила на него скука, потому что сердце рвалось к подобному ему человеку. Раз он ушел на охоту далеко и пришел к веже, из которой дым поднимался вверх. Ему захотелось узнать, кто это тут живет. Показать, самому ему, однако, не хотелось; поэтому в вежу он не пошел, а тихонько поднялся на верх вежи и стал смотреть в трубу, или в окно, которым выходит дым. В стороне, недалеко от огня, он увидел, что сидит старуха и подле нее ацек нийд — лягушкина девка. Над

огнем висел котел, и варилась сосновая каша. Охотник сжалился над старухой и незаметно опустил кусок пойды — мясного жира.

Ацек нийд, однако, заметила это и сказала: “Агка, агка (бабушка, бабушка), смотри-ка в котел: кто-то сверху опустил туда кусок сала, звезды плавают по верху”.

“Не смейся, проказница! Было бы у меня теперь и сало и мясо, если бы твоя мать ацек не украла у меня кормильца-сына. На той правде, быть может, лопнет от жиру”.

Охотник, услышав этот разговор, постарался незаметно скрыться. Через несколько времени опять ему захотелось посмотреть старуху. Он пришел к веже и увидел, что сосны варится меньше, чем и в первый раз. Он опять опустил кусок мяса. Ацек нийд опять заметила первая и сказала: “Агка, агка, нам опять в котел положили мяса”.

“Ну не привелось есть промысла сыновнего, зато нашлись чужие люди, и те пожалели моей бедности”. Охотнику хоть и хотелось зайти в вежу, но и на этот раз он ушел незаметно.

Возвратясь к ацек, он стал думать: там, верно, живет моя мать — му яина, потому что мне хочется быть там постоянно. Хотя и редко туда хожу, но мысли мои постоянно вертятся около старухи.

С наступлением утра он пошел промышлять диких оленей и лишь только убил одного, опять пошел по известной ему тропинке к веже. На этот раз он зашел в вежу и сказал: “Тирву, агка (здравствуй, старушка)”.

“Тирву-тирву, му пуратый (здравствуй, мой кормилец). Садись и расскажи, откуда ты пришел и где живешь?”

“Живу я отсюда не очень далеко с ацек. Сегодня был на охоте и убил одного оленя. Вот и тебе принес кусок мяса. Приготовь его, и я закушу вместе с тобой”.

“Спасиб, му пуратый. У меня варится сосна, но положим туда и мясо, тогда каша будет славная”.

В ожидании закуски старуха рассказала ему о своем житье-бытье и как у ней ацек украла сына, и она осталась с ее ацек нийд. Охотник, выслушав ее рассказ, сказал, что он давно живет у ацек, с малых лет и родителей своих не помнит. Старуха, услышав это, сказала: “Ты, кормилец, мой сын, теперь я узнаю тебя”. Старуха обрадовалась, бросилась к нему и прижала к своему сердцу. В это время обед подоспел, и они закусили. Нийд ацек после сытного обеда заснула, и сын с матерью тогда условились, как им опять сойтись на житье вместе. Сын в это время предложил убить нийд ацек немедленно, но она ответила: “Оставим до другого раза. Мне одной, как ты уйдешь, жить будет скучно”. Сын вскоре простился с матерью и сказал, что за ней скоро приедет на оленях. Возвратясь к ацек, он сказал ей: “Мне жить стало скучно, позволь жениться. Я нашел себе и невесту. Она немного постарше меня, но мне понравилась”. Ацек это не понравилось, но, когда он сказал: “Если не позволишь жениться, тогда я более с охоты не возвращусь”, она этого испугалась и позволила жениться.

Вскоре он за невестой, или вернее, за своей матерью, поехал на оленях.

Старуха, увидев своего сына, обрадовалась. Поздоровавшись с сыном, старуха уложила все свое добро в кережи. Ацек нийд старуха также взяла в руки, как бы желая отнести в кережу, но немедленно положила ее в горячий пепел, где она и сгорела. Мать свою сын посадил в кережу, закрыл ее писягой и дал в руки ей скобель, сказав: “Когда мы приедем, нас встретит ацек. Она по

приезде будет поднимать тебя из кережи, и ты сейчас же ударь скобелью, и она помрет”. Сказав это, сын сел на кережу и погнал оленей к своему жительство.

Скоро они и приехали. Ацек выбежала навстречу и хотела невесту поднять. Старуха, как сказал ей сын, ударила ацек скобелью, и она пропала. Сын с матерью зашел в вежу, и радости их не было конца. На другой день сын вспомнил уже об убитой лягушке – ацек. Он пошел и достал лошадь. Убитую ацек привязал к хвосту лошади и прогнал ее прочь от своего жилья. Лошадь с лягушкой понеслась, как стрела. И вот, где отпала голова лягушки, тут образовался красный мягкий мох, по-лопарски сяхтар, употребляемый Лопарями на подстилку маленьким детям в зыбки, а где отпали лапы-ноги, образовался черный мох – сомшит, употребляемый при делании карбасов. Сын после этого зажил с матерью, радуясь своему счастью, и что избегли своих врагов.

К. Щеколдин

Сказание о нашествии «немцев» и лопине-богатыре (первый нагон)

(Аграфена Архипова, Имандра, 3/VI—1912).

Был большой немецкий нагон. Хотели немцы разграбить погост, что стоял в Воче-Губе (Wotsch lumbal), рыскали кругом да около, да никак не могли найти его.

Ходил в ту пору по сюземку лопин, живший около Пеньозера (Soptjawr) и случайно повстречался с одним из немцев. Испугался вначале лопин чужого человека, бегом пустился к себе на Меньозеро, а немец давай гнаться за ним. Что есть духу бежал лопин, до Пень-реки (Sopt-kysch) добежал, да, недолго думая, и скочил через. Немец же остановился около реки и скочить боится. Завидя это, пропал у лопина страх, мигом скочил обратно через Пень-реку, выхватил нож, набросился на немца, вырезал ему язык и сказал: «Иди к своим и скажи им, что я живу вон за той варакой». Сказав так, лопин пошел к себе на Пень-озеро, где он жил с матерью и стариком-казакком.

Придя домой, лопин зашил свою мать в мешок — дескать, пусть немцы подумают, что она мертвая, — сам же стал врагов дожидаться.

Недолго пришлось ждать лопину — пришло немцев тьма тмущая, впереди ихний богатырь идет. Как завидели немцы лопина, сейчас же убить хотели его, но лопин остановил их и сказал: «Не убивайте меня так скоро! Давайте, сперва город построим, потом я угощу вас, после же будем силы мерить!» Немцы согласились, а лопин с немцем-богатырем сейчас же принялись за дело. Стал с корнями ели вырывать и город строить.

Живо пошла у них работа и когда город был уже готов со всех сторон, лопин привел важенку, пойды было очень много у нее. Потом принес он большинский котел — мяса в него входило пять пудов, — и сказал немцу-богатырю: «Руби мотор!». Немец срубил мотор, какой обыкновенно делают, и подал его лопину, и лопин посмотрел на мотор, бросил его и сказал: «Разве мне такой мотор нужен», и с этими словами вырвал с корнем ель, воткнул ее в землю и повесил на нее котел с оленьим мясом.

Когда мясо сварилось, лопин взял нож, большинский как сабля, и начал им крошить мясо, немцы же стали есть.

Было немцев много и все они голодные были, торопился лопин мясо крошить и случайно отхватил себе ножом на левой руке пальцы. Порато тут осердился лопин, закричал на немцев: «Что вы, собаки, круто едите, я крошить не успеваю!» — и ударил немца-богатыря прямо в грудь. Увидев это, хотели было остальные немцы убежать, да не могли скочить через высокий город, осердившийся же лопин зачал их тут пахать, пока всех не попахал.

Своему же казаку лопин закричал: «Эй, казак! Поди спрячься, а то я и тебе вместе с немцами голову отрублю!»

Расхаживает лопин среди убитых немцев, кто пошевелинется, тому еще прибавит.

Когда успокоился лопин, стал он звать мать и казака: «Эй, где вы? Не убил ли я вас?» Те откликнулись.

То место на Пень-озере, где лопин-богатырь убил всех немцев, еще и сейчас зовется городом (Lyn). Говорят: такой-то лопарь живет в городу.

Сказание о нашествии немцев (второй нагон)

(Аграфена Архипова, Имандра, 3/VI—1912).

Шли немцы нагоном грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины (Umptek), на очень крутую пахту около Yimjegorr'a.

Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушонка, которая и стала просить лопарей: «Не оставьте меня, возьмите с собой!» Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. «Куда осоку то берешь?» — спросили ее лопари, старуха же только ответила: «пригодится».

На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем по этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда она добрались до вершины пахты, старуха начала бросать вниз на крутой покрытый снегом склон осоку.

Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари поднялись с этой стороны, начали вставать.

Труден был подъем по оледенелому твердому снегу, стал топором ступеньки в снегу рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил.

«Мой свекор на том месте нашел немецкую пуговицу», закончила рассказчица.

Сказание о том, как колдунья лопарка спасла лопарей от «немцев»

Третий нагон.

(Аграфена Архипова, Имандра, 2/VI—1912).

Пришли в лопскую сторону немцы, стали грабить и убивать. Вышла тут одна старуха лопарка и сказала лопарям: «Дайте мне сальную важенку и я такую погоду подыму, что все немцы сгинут».

— Не одну, а трех важенок дадим мы тебе, если ты подынешь такую погоду — ответили ей лопари.

Взяла тогда старуха большинский котел и начала варить сайпу.

Три дня и три ночи варила она сайпу, три дня и три ночи вертела ложкой в котле, пока не пала такая погода, что свету белого не видно стало.

В ту пору немцы по Имандре шли — дело было зимой — и все до единого позамерзли.

Когда погода стала стихать, старуха созвала лопарей и сказала: «Приведите мне важенку, я поем и спать повалюсь». Привели ей лопари важенку, зарезали ее, мясо сварили. Старуха поела и повалилась.

Трое суток проспала старуха, проснувшись сказала лопарям: «Подъте на Имандру смотрите, есть ли что нового».

Пошли лопари на Имандру, видя: все как есть немцы мертвые лежат, а на месте том остров новый родился.

Дали тому острову имя «Pylwsuolwisch» (Облачный остров).

Сказание о нашествии «шветов» и лопине-богатыре(первый нагон, вариант)

(Василий Бархатов, Имандра, июнь 1912).

Жила в веже на Воче-Ламбине старуха со своим единственным сыном. Поехали они раз ловить, пришлось вздывать карбас по порожистой речке. Сын у старухи сильный, крепкий был, вздымает карбас, а мать на плечах несет. Выехали они в озеро, недалеко от которого зимний погост стоял, мать и говорит: «Переедем-ка озеро, ты сходи в погост, посмотри, не нужно ли избу на зиму поправить». Переехали озеро, старуха осталась у карбаса, а сын пошел к погосту.

Не знал лопарь того, что летом пришло 300 человек шветов, что засели те шветы в погосте и стали выжидать, не придет ли лопин какой. Как завидели шветы эти лопина, атаман ихний и сказал: «Берите лопина, да только смотрите, чтобы живьем его представить» – и сам бросился навстречу лопину. Лопин бежать пустился, далеко все позади остались, только атаман близко, догоняет.

Свиснул атаман лопина саблей, да вывернулся лопин, выхватил у атамана саблю, самого крепко держит и говорит: «Покажи собака, язык, не то голову отхвачу». Показал атаман язык, лопин отрезал его, а сам говорит: «Ступай теперь и скажи, пусть меня имать идут!». Сказав так, лопин побежал дальше, прибежал к матери и говорит ей: «Нужно уходить скорей, шветы близко, нагоняют!». Сейчас же сели они в карбас переехали озеро и отправились к своей веже. Вежа же эта стояла в глухом, скрытом месте и шветы так и не могли разыскать лопина.

Вернулись шветы обратно в погост и доложили о случившемся королю своему, а тот приказал: «Немедленно представить лопина ко мне!»

А лопин, между тем, принялся крепость строить. Нарубил деревьев и сделал кругом вежи такую стену, что и пробраться через нее нельзя и перескочить невозможно. К осени крепость совсем готова была, наступила зима, стало проходить второе лето — шветы все не показывались.

Тогда лопин решил разведать, в чем дело, и пошел в погост. Шветы, однако, все еще сидели в погосте и караулили. Как только показался лопин, выскочили шветы из погоста и схватили его. Лопин тогда сказал им: «Я сдаюсь, только сведите меня перед смертью к матери, я хочу с ней проститься».

Уважили шветы просьбу лопскую. Лопин привел шветов к озеру, указал им на свою вежу и сказал: «Вот, туда приходите за мной, я вам угощение приготовлю». Шветы отпустили его домой одного — верили ему.

Придя к веже, лопин крикнул работника и приказал ему зарезать самую соленую важенку. Когда важенку убили, он взял котел, мяса налил, воды налил, стал огонь поджигать и сказал матери: «Сегодня придут сюда шветы, уходи ты с работником в амбар и спрячьтесь там». Матери жалко стало оставить сына одного, тогда работник завернул ее в саван, старуха скрестила руки и повалилась в вежу, как будто мертвая.

К вечеру стали подходить шветы, увидели город и ворота в нем, прошли через них, нашли лопина и сказали ему: «Что будем закусывать?» — Вот мясо поспело — ответил им лопин, — мясо солено, цельный котел сала снял. Садитесь, ешьте!» Сели шветы вокруг котла, атаман всех ближе к лопину, и стали закусывать. Чиркнул тут лопин атамана ножом по руке и сказал: «Ах, прости, атаман, я тебе руку порезал!» Повскакали шветы, бросились вязать лоина. Лопин же схватил мотор и стал им шветов бить. Как ударит кого, тот мертвым валится, Испугались тут шветы, бежать пустились, да ворота то лопин закрыть успел. Стали шветы по крепости бегать, лопин же, как увидит, человек где пихается, того и убьет.

Всех прикончил лопин, только одному бежать удалось. Так осерчал лопин, что и вежу свою разрушил. Стал искать среди мертвых тел и обломков мать свою — не может найти. Пошел он тогда к амбару и стал звать: «Работник, есть ли ты? И слышит, отвечает ему мать: «Я дитятко, здесь. Испугалась порато, да в амбар и побежала».

Пошла весть по свету, что лопин один всех шветов убил, дошла эта весть и до Государя. Созвал Государь своих помощников и сказал им: «Приведите мне этого лопина на лицо. Да притащите сундук большой и накладите его полным золотом, серебром и медью». Помощники сделали, как повелел им Государь.

Когда пришел лопин к Государю, Государь спросил его: «Правда ли, что ты столько шветов убил?»

— Правда, — ответил лопин, и рассказал все, как было.

— А сколько силы ты имеешь? — спросил его дальше Государь, — можешь ли вздынуть этот сундук?

Лопин стал подлаживать палец под сундук, да на одном пальце и поднял его.

— Да, силы много у тебя, — сказал тогда Государь, — только ты изнурился дорогой, на хорошей пище ты бы двойную силу имел. Пойдем войска смотреть, тебе любопытно будет».

Приказал Государь выстроиться нескольким тысячам войска, повел лопина смотреть и спрашивает: «Крупный ли мой народ?».

— Мелкий, как комары, — ответил лопин.

— Ну, посмотри другие войска, — сказал Государь, — эти как?

Лопин посмотрел на них и ответил: «Как будто мужички жирны, да росту небольшого».

Окончив смотреть войска, Государь сказал лопину: «Ну, чем же я награжу тебя? Чинем ли?»

— Ой, не надо! — ответил лопин.

— Тогда даю тебе золота анкерок, неси его домой, держи золото и пищу хорошую потребляй. А на случай войны приходи выручать меня.

Пришел лопин к себе домой на Воче-Ламбину, да и не знает куда класть золото. Держать буду — скоро выдержать могу, дай лучше в воду спущу! Пошел к реке и спустил туда золота анкерок. Анкерок этот и посейчас там лежит. А в том месте, где лопин шветов убил, стоит небольшой холм — то зарыты тела шветов и сверху песком закладены.

«Я там работал, и кость нашел, должно быть человеческую», — прибавил рассказчик.

Сказание о нашествии «панов» на Воче-Ламбану(третий нагон, вариант)

(Василий Бархатов. Имандра, июнь 1912).

Жила некогда около погоста, что стоял на Воче-Ламбине, девица-волшебница. Варила она раз сайпу и вдруг заметила, что сайпа начала быстро густеть. Созвала она народ, указала на сайпу и сказала «Посмотрите, из сайпы волоса человекьи подымаются». Посмотрел народ, видит, из сайпы волосы так и тянутся.

— Что это такое? — спросил народ колдунью.

— А то и есть, что паны идут, хотят разорить погост; сейчас они уж недалеко, не более, как в 20 верстах, — разъяснила им колдунья. Испугался народ и стал просить у колдуньи совета, как им быть.

— Я вас избавлю, — заявила волшебница.

— Что же ты хочешь в плату? — спросил народ.

— Купите мне важенку, самую езжалую, чтобы когда я поеду, мне любо было, — ответила девица-волшебница — и дров на трое суток запасите, я повалюсь и буду спать трое суток. На третьи сутки собирайтесь ко мне, я вас напутствовать буду. Лопари сейчас же привезли ей дров.

К вечеру ветер пал, а ночью сделалась погода. День, другой, третий стояла погода, но никто из пырта³³ и выйти не смеет, снегом все пырты заклало. На третьи сутки ветер стал стихать, лопари выкопались из пыртов и пошли к девице-колдунье. А колдунья сказала им: «Возьмите ружья и лыжи и подьте к Облачному острову (Pylwsuolwisch), там все паны лежат, заклало их снегом».

Прикатили лопари к Облачному острову, видят: пооклевали все паны, одни трупы кругом лежат. Только те, что поглубже под снегом лежали, еще чуть дышали; этих лопари добились.

Тогда лопари, как обещали, купили колдунье хорошую езжалую важенку, колдунья же свела важенку на Kurtware.

Сказание о чудесном переезде с острова Кильдина

(Василий Бархатов, Имандра, июнь 1912 г.)

Однажды около Кильдина несколько лопарей промышляло на тройнике треску. Когда они приустиали, то решили пристать к этому острову. Вышли на гору, глядят: место красиво, любо, солнце пекет... Сделали из паруса балаган, ужин сочинили, покушали и повалились. Спали, спали, корщик и говорит весельщику: «Выйди-ка из балагана да посмотри, цел ли тройник?». Пошел весельщик, видит — нет тройника. Побежал он обратно к балагану и позвал самого корщика. Вышел корщик, везде стал искать, да тройника найти не мог.

Делать нечего — пришлось им всем остаться на острове, ждать и высматривать, не покажется ли где парус. В ту пору промышленников было еще мало, прождали лопари сутки, другие, третьи — ни одна посудина не приближалась к острову. Запасы у них за это время вышли и дело стало

плохое.

Тогда лопари, зная, что корщик колдун, стали просить его: «Не можешь ли как спасти нас? А то и мы, и ты пропадем!» Корщик, подумав, ответил: Ну ладно. Берите парус и, как только куйпога сделается, стелите его у самой воды, лягте на парус, другой половиной его накройтесь. Я лягу с вами». Лопари удивились: «А как вода придет, так ведь потонем?» — «Нет», — ответил корщик, — «только знайте уговор: если что услышите — не выглядывайте из под паруса». «Нет не будем», — обещали лопари и сделали, как им указал корщик.

Долго лежали лопари, вдруг услышали: шум сделался, вначале тихий, потом все сильнее да сильнее... Не утерпел один из лопарей: «дай, думает — посмотрю немножечко, что это шумит. Приоткрыл парус и выглянул. Корщик сейчас же заметил это и закричал: «Кто, собака, выглядывает?» Испугался лопарь и сейчас же закрылся парусом. А другой лопарь вскричал тут: Что это у меня бок смок? «Лежи» — приказал ему корщик и все продолжали лежать неподвижно. Шум понемногу стал стихать, когда он совсем стих, корщик сказал: «Ну, теперь выходите». Вылезли лопари из-под паруса, глядят: они уж на другой стороне салмы на матером берегу. Дивятся лопари, как это они переплыли на парусе салму, а корщик и объяснил им, что пришла сайда, взяла их и перенесла через салму. Когда лопарь выглянул, сайда начала погружаться, оттого и подмок тогда один из товарищей. Выгляни лопарь еще, все бы потонули.

Сказание о том, как старик лопарь изгнал нечистую силу

(Василий Бархатов, Имандра, июнь 1912)

Около Amesjawг исстари промышлял один старик. Однажды он пошел на охоту, старуха же его осталась ловить. Когда старик вернулся, старуха стала жаловаться ему: «Сколько не ловила я — ничего не поймала, — нейдет рыба!» Озеро же то порато рыбно было и смекнул старик, что замешалась тут нечистая сила.

«Дай-ка, я сам поеду ловить», — сказал он старухе и стал собираться. Взял невод, захватил острый топор и сел в карбас вместе со своей старухой и невесткой. Дело было к ночи. Не успел он еще отъехать от берега, как по всему озеру пошли большие волны — это заходил tschadz-chosen, водяник. Испугалась старуха, закричала: «Беда, опружится карбас!» «Ничего, греби», — сказал старик, взял топор и начал замахиваться им в ту сторону, откуда шли волны. Волнение стало немного тише.

Старик заметал невод и стал тянуть. Тянул, тянул, — вдруг в воздухе шум сделался. Посмотрели вверх, видят: летит человек на крыльях и сел на верхушку дерева. «Никто другой это, как tschok-куррег»⁵⁹ — подумал старик. Водяник, как только прилетел леший, скрылся и озеро стало тихое-тихое. А леший на верхушке ели стал песню петь:

«Myk tak raimsid

Lodyk lucht jilei

Peiwa wuadet

Eika nuotet»

(«Как так жители здешней губы днем спят, а ночью ловят»).

Пропев так, леший отломал самую верхушку дерева и бросил ее в невод. Не испугался, однако, старик, закричал на лешего: «Смотри, не балуйся! Если еще бросишь что-нибудь, то самого я тебя в озеро швырну!» Тогда леший скрылся, и сейчас же густо навалилась рыба, омет полон стал.

Наклат старик рыбы несколько карбасов, и сказал старухе своей: «Вот, смотри, сколько я рыбы достал!» Старуха, однако, порато напугана была и ответила: «Не дай Бог твоей рыбы, я ее есть не стану».

Тут повалились все спать и проспали до полуночи, когда на соседней вараке — Schart-warentsch —

гром сделался. Пошли смотреть, что там приключилось. Видят: варака раскололась на две части, посреди дорога образовалась. Это леший проложил себе путь, когда старик прогнал его. С тех пор в той местности нечистая сила никогда больше не появлялась.

Сказка о том, как лопин дьявола из беды выручил

(Василий Бархатов, Имандра, 1912).

Ходил однажды лопин по суземку, охотился, вдруг услышал — кричит человек на вараке, на помощь зовет. Побежал лопин на крик, видит — дьявол к дереву вверх ногами привязан.

Подошел лопин к дьяволу, тот и говорит:

«Спусти меня, я тебе добро сделаю!» Дай мне золота мешок, тогда и спущу тебя», — ответил лопин. «Дам, только спусти!» — согласился дьявол. «А кто связал тебя?» — спросил лопин.

«Боролся я тут с другим дьяволом, он и связал меня» — объяснил ему дьявол и прибавил: «не ты — сдох бы я!» Когда лопин отвязал дьявола, тот сказал ему: «Приходи сюда через трое суток, только не один, а с тем, кто тебе всего вернее. Тогда и дам тебе золота мешок». Сказав так, дьявол скрылся, а лопин пошел к себе домой и все рассказал женке.

Через трое суток лопин с женкой пришел на это место, где он с дьяволом повстречался, но никого не застал здесь. «Дьявол то обманул тебя!» — заметила лопину его женка. «Обождем маленько», — ответил муж — а пока что я повалюсь, тяжело мне что то стало». «Ну, ложись!» — сказала жена, — а я поищу у тебя». Повалился лопин, заспал, женка же стала в голове искать. Немного времени прошло, показался дьявол, тащит золота мешок. Спросил дьявол женку: «это кто лежит тут да храпит?». «А муж мой», — ответила женка. «Убей его», — сказал тогда дьявол, — «золота мешок то весь тебе достанется! А прожить, поди, и без мужа можешь!» «Как же я убью его?» — спросила женка. «А нож острый пихни ему в горло, потом деньги хватай да и домой!» Взяла женка нож, поднесла его к горлу мужа, тут дьявол и разбудил лопина: «ей, проснись! Смотри, женка твоя зарезать тебя хочет!» — взял мешок с золотом и скрылся. Вскочил лопин, видит — правду сказал дьявол. Стал тут лопин женку учить. Бил, бил, — потом домой пошел.

Через трое суток лопин снова в суземок охотиться пошел. Утомившись, он привязал свою собаку к дереву, а сам прилег. Скоро сон на него навалился, заспал лопин. Вдруг собака лаять начала, проснулся лопин, вскочил, видит — идет к нему дьявол с мешком. Подошел дьявол к лопину, дал ему мешок с золотом и сказал: «Вот видишь, собака то вернее женки твоей.

Сказав так, дьявол исчез в лесу.

Сказка о том, как лопин на небо попал

(Василий Бархатов, Имандра, 1912)

Жил один лопин, очень любопытный был. До всего допытывался, все ему знать надо было. Раз как-то, глядя на небо, задумался лопин — захотелось ему узнать, как высоко небо. «Не иначе узнать это можно, как если на небо попасть», — заключил лопин и стал размышлять, как бы ему попасть туда. Долго думал, наконец выдумал. Встал, захватил в пырту топор и рубанок и отправился в лес. Здесь, выбрав вблизи небольшого озера гладкое место, срубил деревину и начал строгать ее. Настрогав цельную кучу стружек, принес рогожу, смочил ее и мокрой рогожей прикрыл стружки. Потом поджег стружки и сам вскочил на рогожу. Яро загорелись стружки, порато большой пар пошел и паром лопина начало тащить вверх. Тащило его, тащило, — до неба дотащило. Тут лопин скорее ухватился за край неба, да и влез на него. Ходит по небу, место ровно, жителя никакого нет. Бродил, бродил он по небу, утомился, поесть захотелось, — а назад скочить страшно.

Промышлял в то время Бог ярусом, ярус вытащил, да и ушел. Видит лопин — ярус мокрый висит. Недолго думая, взял лопин ярус, да и украл его. Один конец яруса прикрепил он за край неба, а другой спустил вниз до тех пор, пока ему не показалось, что он дошел до земли. Тогда лопин начал по ярусу спускаться, да оказалось, что он не хватает до земли сажен 10–15. Видит лопин — близко земля, да скочить вниз не решается. Обвязал он себя тогда ярусом и стал висеть. Висел-висел, вдруг ветер пал, стало раскачивать лопина, да так в конце концов раскачало, что замелькали под ним озера, леса, реки, киндеша... Когда ветер начал стихать, лопин стал высматривать, где место помягче, чтобы спрыгнуть. Пронесясь над гладким местом, он отвязал веревку да в стоячем положении и полетел вниз. Угодил лопин в самую дрябь болота и завяз в нем по шею, только голова одна и выдается, над болотом, где тут выберешься.

Дело это весною было. Летали звонухи и разные другие птицы, прилетела и лебедь. Увидела лебедь голову да и зачала на ней гнездо делать. Когда соорудила гнездо, посадила она туда яйцо, потом другое, третье. Случился тут волк недалече, почуял гнездо и прибрел к нему. Тихо сидит лопин, не шелохнется. Поел волк все яйца и стал гнездо ворошить. Уж он драл, драл голову лопина, больно тому, а крикнуть то не смеет. Не найдя больше яиц, волк ушел. Остался лопин один и думает: «как придет волк еще раз, дай-ка, схвачу его зубами за хвост — не выдернет ли». Волк вскоре опять прибежал к голове, как стал проходить мимо рта — тут лопин и вцепился ему зубами за хвост. Больно стало волку, заревел, прыгнул, да и вытащил лопина из болота. Так напугался волк, что скорей в лес наутек. Вздохнул лопин, промолвил: «слава Богу!» и пошел домой. Тут рассказал он народу все, как было, и рассказ свой закончил такими словами: «нет, ребята, не надо гадать, высоко ли, низко небо. Вот волку спасибо — выручил, а то бы совсем пропал!»

Шиши

... Девочка пошла собирать морошку на болото. Внезапно появились «шишивали» (чудь, «шиши» - враждебные саамам племена). Они заставили ее никому не говорить, кого она встретила. Она испугалась и обещала молчать. Девочка не могла ничего сказать, как будто «проглотила язык». Когда она пришла домой, ее мать, колдунья, готовила рыбу. Когда девочка прошла мимо кастрюли, она начала переворачивать рыбу. Мать закричала на нее, почему она ведет себя так плохо, но девочка ничего не могла ответить. «Что-то, верно, грозит нам» - сказала мать, взяла один из перевернутых кусков рыбы и понюхала его. Почуввав неладное, отбросила кусок рыбы от себя и закричала, что все должны собираться и перебраться на другой берег озера, потому что грозит беда всей деревне. Вскоре заполнились все лодки людьми и поплыли они к другому берегу. Тут из леса появились люди и спустились к воде и поплыли за ними. «Спокойно», - кричала старуха, «Спокойно! Только мы доберемся до берега, мы в безопасности...» Но «шишивали»плыли очень быстро и настигли лодки. Не смогли они забраться в лодки и стали делать в них дыры, чтобы затопить. Но старуха успела заткнуть дыры, и лодки не утонули. Добрались они таки до берега, и старуха побежала на гору. И началась тогда страшная гроза, и гром, и молния, и побила большинство «шишивалей». Лишь немногие вернулись домой...

Матрена Михайловна Кобелева, Ловозеро. Записана в 1910 г.

Песня про орла

(Астафий Сверлов из Сонгельского погоста, 20/VI—1912 г.)

Жил человек один, хищный, как орел. За хищный нрав все так и звали его — Орел. Увидел раз Орел у лопаря женку, порато красивая и хорошая жена была... Было у того лопаря оленей много, и жил он с женкой своей тихо, спокойно... Зажглось сердце Орлиное, завидно стало смотреть на счастье чужое... И стал Орел ходить к лопарю и все больше и больше возгоралось сердце его...

Раз как-то перевязывал лопарь оленей своих, что в навязке⁶⁴ были, всех перевязал, одного лишь гирваса оставил. А Орел подсматривал за ним... Стал лопарь отвязывать и гирваса, тут вышел Орел, деревиной по голове ударил лопаря, на месте убил... Пар лопаря в небо ушел...

Подобрался Орел к женке, завладел стадом, стал богатым хозяином. Долго так прожил Орел. Ехал однажды зимой Орел на оленях. Большой мороз стоял, печок же на нем старый был, но порато шерстный... Холодно стало Орлу, еще холоднее сердцу его... Темно было кругом, жутко на душе... Вспомнился убитый... И поехал тогда Орел к преподобным молить Бога о прощении греха.

Дух Матери Земли

В одном чуме жила семья бедного лопина - вдовца, в другом - богатого. У бедного лопина было пять дочек, и он очень переживал, как же их всех замуж отдаст. Не везло ему в жизни: пойдешь рыбу ловить, почти ни с чем в чум возвращается, на охоту отправится - то же самое. Дочки его успокаивают:

- Да не печалься, аджя, ты так за нас. Если полюбимся кому, и бедными нас возьмут, а нет, с тобой жить будем.

- Правильно, сестрица, если нет любви, то и богатство не поможет.

- Разве, аджя, мы так тебе надоели уже, что ты нас хочешь в чужие семьи отдать?

- Что вы, доченьки, - оправдывался отец, - я всех вас люблю, только разве дело всю жизнь с отцом жить.

- Ты, аджя, женись, что по матушке так долго убиваться, - вдруг сказала отцу младшенькая дочь.

Отец посмотрел на нее неодобрительно и сказал:

- Какой может быть моя дума о себе, если вы не пристроены. Вот когда каждая из вас свою вежу поставит, вот тогда разговор и о женитьбе можно вести.

Девушки очень любили своего отца и жалели, только помочь ничем не могли.

В богатом чуме жил лопин с женой и тремя сыновьями. Его парням нравились девушки бедняка, но отец не позволял им даже думать о них. Злым и жестокосердным он был лопином, бил жену свою, да и сыновьям доставалось, если что-то не так сделают.

В тундре всякие люди появляются, всех лопины принимают, потчуют.

Однажды постучалась в чум бедного лопина аххък - женщина, попросилась переночевать.

Собрал лопин свой бедный скарб, накормил гостью, девочки ей лучшее место приготовили и легли все спать.

Тут младшая сестрица приоткрыла полог к старшей и говорит ей:

- Ты поняла, сестрица, кто к нам пришел?

- Аххък-лопинка, не мешай спать, уймись, - рассердилась старшая, что ее покой нарушили.

- А ты видела, - не отстают младшая, - как она по чуму шла?

- Ну, видела, и что из этого, - не понимая, куда клонит младшая, сказала старшая.

- Ничего ты не видела, если так говоришь. Ведь она шла, не касаясь земли. А так только духи ходят. К нам дух Матери-Земли пришел в образе лопинки, - заговорщечки сообщила сестре младшая.

- Ты в своем уме, сестричка моя? - спросила ее, уже теряя терпение, старшая.

- Можешь не верить мне, а только я чувствую, что наша жизнь скоро изменится, - сказала с обидой в голосе младшенькая дочь лопина. И она оказалась права, так как наутро не нашли в чуме гостью, да и место ее спальное примятым не было.

- Ну дух так дух, - сказал отец дочерям, - хорошо, что вечерять хоть ухой пришлось! Сегодня вновь пойду на озеро, заброшу сеть, глядишь, рыбинку-две и выловлю.

Пошел лопин, забросил сеть и, о, чудо, плещится в сети его рыбы видимо-невидимо. Дочек на помощь звать пришлось.

На другой день пошел на охоту он и двух лис сразу принес. Так их жизнь в гору и пошла.

А дух Матери-Земли и к богатому в гости пожаловал.

Увидел богач аххък, спросил, что надо ей.

- Да вот, говорит аххък, - издалека иду, накормите люди добрые и разрешите переночевать.

Хотела было хозяйка гостью провести к огню поближе да накормить, только злой муж оттолкнул ее, а аххък сунул черпак с водой и сказал:

- Сами не в достатке живем, пей и ложись у выхода, а наутро чтобы духа твоего не было!

- Спасибо и на этом, - сказал дух Матери-Земли, а наутро, как приказал богач, никого уже в чуме не было. Только дела богача на убыль пошли, а еще через несколько дней ушел он в лес и сгинул там. Ходили сыновья, искали его, да так и не нашли.

Выждали время и просватались сразу трое к дочерям лопина. Поставили вежи свои и жить начали. Недолго и две младшие Дочери дожидались, посватали их справные лопины, и они тоже вежи свои поставили.

Пришла младшая дочь к отцу и говорит:

- Теперь, аджя, в самое время тебе о себе подумать. Гляди, наша соседка лопинка, вдовушка богача, как с тобой она приветлива! Бери ее в жены, отец, мы с сестрами Да и ее сыновья спокойны будем за вас.

- Хорошо, дочь моя, послушаюсь я совета твоего и женюсь на лопинке. Только ведь у нее согласия не мешало спросить.

Лопинка не противилась, дала свое согласие, и зажили они счастливо. А из поколение в поколение передавали завет детям своим: встречать, привечать гостей, как бы ни жили - в богатстве иль в бедности, а не то придет дух Матери-Земли и изменит всю жизнь.

Н.П.Большакова. Подарок чайки

Счастье дочери мышиноного короля

На севере, где длинными полярными ночами поет свою песню мачеха вьюга, где за дальними лесами и безбрежной тундрой расположилось Коардэгк сыйт, что по-саамски означает село Воронье, жили-были небольшие люди по прозванью лопари. Жизнь их была нелегкой. Солнце не баловало маленький народ своим теплом и светом, и за короткие летние дни лопари должны были выгулять своих кормильцев пудзэть. А длинными холодными зимними ночами женки лопарей поддерживали в коввас саамский огонь - сызын тол.

В этом селе жил пуазнэххък Вульсе, был он молодым и красивым парнем, но не было у него жены, а нравилась ему больше всех девушек в селе дочка Вуэннэтре Вуэдтар алльк. Вуэннэтре был одним из самых зажиточных пастухов, и не хотел он свою моджесь нийт Энн отдавать Вульсе.

Сговорился Вуэннэтре с богатым Чуэльм-пастхэнь - пастухом с Салмы и отдал ему свою Энн, тем самым еще больше разбогатев.

Опечалился Вульсе и запел песню печали, и увел свое стадо еще дальше в тундру. Сядет, бывало, на ягель, напоминающий мох, только твердый, и начинает петь. Песня такая грустная, сердечная

лется из души Вульсе, что даже пудзэ перестают жевать ягель и начинают прислушиваться. Вот так однажды, поет песню Вульсе и вдруг видит перед глазами моджесь нийт - красивую девушку тундры. Стоит она у одинокой березки с длинными, распущенными до пят волосами и смотрит на Вульсе.

- Ты кто? - спросил ее Вульсе.

- Я тебе жена, Вульсе, разве ты не почувствовал меня - свою аххък, Улльян? - отвечает девушка.

- Наверно, это добрый дух Сейда посылает тебя мне в жены. Иди ко мне, милая Улльян, я согрею тебя.

Не захотел Вульсе вести свою ненаглядную аххък в Коардэгк сыййт, поставил он прямо у березы свой коввас, и стали они жить.

Прошло какое-то время, и говорит Вульсайя Улльян:

- Через день мне придет время рожать тебе сына, и есть у меня к тебе одна просьба, выполнишь ли ты ее?

- Конечно, дорогая Улльян, любую твою просьбу я выполню с радостью.

- Тогда слушай, в коввас ты не должен будешь заходить коллм пейв э коллм ый - три дня и три ночи. Если это исполнишь, жить мы будем и дальше счастливо, и тогда Иммель-айя векахт - Бог нам поможет.

Что ж, решил Вульсе, раз аххък просит, значит, так и надо, и ушел к своему стаду.

День прошел, второй на исходе, переживает Вульсе за свою Улльян, но ничего не поделаешь, слово данное надо держать.

Вдруг явился перед ним чаххкли - маленький земляной человечек, который нес в себе злой дух, и говорит Вульсе:

- Эй ты, пуазнэххък Вульсе, не знаешь, кого ты в жены взял и от кого ты сына ждешь.

- Как так не знаю? - удивился пуазнэххък, - Улльян моджесь нийт взял я в жены, сам Сейда мне ее для счастья дал.

- Нет, не девушка она вовсе, а саххплинк, и, если хочешь в этом убедиться, поспеши ижянт коввсэ - в свой дом, и ты там увидишь мышь.

Сказал то чаххкли и исчез, а Вульсе взяло сомнение: если его Улльян-аххък - женщина, то отчего она запретила ему входить в коввас три дня и три ночи, а если саххплинк нийт, то что тогда ему делать. И как правду узнать, коль самому не увидеть? Так, в сомнениях, прошла ночь второго дня, и наступил вечер третьего. Не выдержал Вульсе и пошел в коввас. Зашел и увидел Улльян свою кормящей ребенка. Обрадовался Вульсе, бросился к жене, стал ее целовать, обнимать. И только тут заметил, что вместо ног у нее мышьи лапы и хвост сзади. Растерялся Вульсе, сел на землю и заплакал.

Подняла на него свои красивые глаза Улльян и сказала:

- Не послушался ты меня, муж мой, не выдержал последнюю ночь, и придется мне теперь до самой смерти оставаться полуженщиной, полумышью.

- Почему же ты не сказала мне всей правды тогда, в первый день?

- Не могла я тебе этого сказать, такое мне условие жестокое было поставлено. Теперь нет смысла все скрывать, так выслушай мою историю:

Саххплинк нийт я, дочь короля мышей. Вот уж много веков живем мы в этих краях, и только раз в триста лет одной из нас позволено выбирать свою судьбу - остаться мышью или стать девушкой. Выпадает эта честь только саххплинк нийт знатного рода. Ты не знаешь, что много веков назад мои родичи - мыши были такие же люди, как и вы, но однажды рассердили они Сейду, сильно обидели, и превратил он все племя в земляных мышей. И только раз в триста лет положено одной из нас стать человеком.

У моего отца нас семь дочерей, и всем хотелось превратиться в девушку, но аджа выбрал меня, потому что заметил мою любовь к тебе. Только ты появлялся здесь, я постоянно выбегала из норы и слушала песню твою. Когда отец увидел меня плачущей возле тебя, вот тогда он и благословил меня. Но, чтоб оставить мне навек человеческий облик, нужно было при родах оставаться одной коллм пейв э коллм ый, таково было условие. Ты же не должен был знать ничего. А теперь никогда не стать мне зоабэль аххкень - настоящей Женщиной. Злой чахкли смутил твой разум, и мы должны расстаться.

- Милса Улльян, мунн тон шоабша - милая Улльян я тебя люблю, - сказал Вульсе.

- Я тебя тоже люблю Вульсе, но жить с тобой мне никак нельзя. Я уйду куххклэш яввра - на дальнее озеро, туда ты иногда сможешь приходить ко мне. Я буду выходить к тебе, лишь услышу твой лувът. Только сыну ничего не говори про меня, иначе горько будет мальчику узнать, что его янна саххплинк ли.

- А как же я его выращу, ведь ему нужно твоё молоко, без него он просто не выживет.

Улльян закатала хлебный мякиш на своём молоке и протянула его Вульсе.

- Этот мякиш заменит ему мою грудь. Знай, я назвала сына Ылльй. А теперь прощай, мой дорогой, - сказала она Вульсе, передала ему ребенка и выскочила коввсэсьт.

Еннэ ыгке мэнэ - много лет прошло. Растил Вульсе сына своего храбрым и добрым мальчуганом. Любил Ылльй скакать на оленях по тундре. Бывало накинёт он ляшкэм нурь на красивые рога вожака и давай его тянуть на себя. Хоть и мал Ылльй, но силы в нём много, не сойдет с места пока еррьк не будет рядом. Тогда ловко хватает его за рога и мчится на нём по тундре.

И чем взрослее становится Ылльй, тем чаще стал замечать аджесь - отца своего печаль, когда тот возвращался с дальнего озера. И однажды спросил отца сын:

- Скажи, ажа, почему ты такой грустный приходишь яввресьт.

- Почему, сынок, печален я, что хожу на могилу твоей матери.

- Как мне жаль, ажа, что янн - моя мама так рано умерла. Нам её с тобой так не хватает, - сказал это Ылльй и заплакал.

Обнял его отец:

- Ты уже взрослый, Ылльй, одиннадцатая весна тебе пошла, а у тебя слезы, как у маленького.

Ложись спать, придет новый день и унесет грустные мысли.

Лег Ылльй и уснул. Видит Вульсе, спит сын, и решил аххька Улльйнэ сходить, рассказать ей о тоске сына.

Проснулся Ылльй и не нашел отца коввсэсьт, побежал к стаду и там его нет. Вдруг увидел мальчуган маленького старичка. Стоит тот поодаль и корявым пальцем своим подзывает мальчика.

Смело подошел Ылльй к старику, тот ему и говорит:

- Ылльй, слушай меня внимательно. Обманул тебя аджа, сказав, что янна твоя умерла, жива она, да только не аххьк она, а саххплинк.

- Моя янна саххплинк? - Она не умерла? Ты обманываешь меня, старик! - закричал Ылльй.

- Если не веришь мне, иди куххклэш яввра, и ты найдешь там своего отца в объятиях мыши, - громко захохотал старик и исчез.

Молодые ноги у Ылльй, быстро добежал он до озера и увидел там своего отца, поющего самую лувът и матушку, сидевшую рядом с ним, а вместо ног у неё, увидел он лапы и хвост мышиные. Заметив сына, испугались родители, прижались еще ближе друг к другу. А Ылльй подбежал к ним, обнял матушку и заплакал от радости.

- Моя Яннъ-ням, почему ты так долго скрывалась от меня? Мунн тон чофта шоабша коаллэш янна!

- Я так сильно тебя люблю, дорогая моя мамочка.

Его слезы капали на лапы матери, и на глазах у всех троих они превратились в красивые женские ноги.

- Пассьпе тебе - спасибо, сын мой, твоя любовь спасла меня и вернула мне человеческий облик. Теперь я всегда буду с вами и буду любить вас еще больше.

Обнявшись, они так втроем и дошли до своего жилища. Теперь уже ничего не омрачит их жизни. Любовь победила злой дух чаххкли. Адть чарэсьт толл пуэлл тагесът - и горит огонь в камельке чума в тундре и по сей день.

Н.П.Большакова. Подарок чайки

Как Пудзэ-Вилльй олмэ искал

Ехала по тундре одна семья. Впереди керрьсесът ехал муж, а следом за ним ижесь керрьсесът - в своей кереже ехала жена с ребенком, который спал в саамской люльке - китткмсът. Ехали они ночью. Сморил женку сон, и не заметила она как соскользнула китткэмь керрьсесът и осталась лежать в тундре.

Утром проснулся малыш и заплакал от голода. Но вот чьи-то сильные руки подхватили его и понесли. Был то сам хозяин оленьих стад - Луот-хозен. Услыхал он плач, подобрал ребенка и побежал к стаду. Подсунул малыша к первой важенке, и стал мальчуган сосать молоко.

Позвал Луот-хозен к себе Разиайке и велел глядеть за мальчиком. Так малыш стал приемным сыном Разиайке - хранительницы оленьих стад.

Приемная мать назвала удць парна Пудзэ-Вилльй, что значило брат оленя, и стала его растить. На молоке важенок рос мальчуган, на мясе оленей. Среди оленей спал, в их шкуры одевался, между оленей согревался в холодные ночи. Хорошо охраняла Разиайке конаньт пудзэ чудзэ - стадо диких оленей, скрывала его меххьцтей олмэнь - от саамских охотников. Учила приемыша своего оленей понимать, стрелой и луком владеть, в озере плавать. Научился парень на олене верхом скакать. Ухватится за его рога и несется словно ветер по тундре.

Незаметно пролетели несколько лет. Возмужал Пудзэ-Вилльй и почувствовал перемену в себе. Наблюдал он, как осенью гирвас к важенке шел, целый ритуал в танце устраивал, чтоб завоевать ее расположение. Как птицы и звери весной пары искали себе, и уж сам места не находил.

Пришел к Разиайке и говорит ей:

- Не могу, янна, понять, что происходит со мной. Голова кругом идет и дышать не могу, кинусь на ягель, а то вдруг стрелой по тундре несусь, и глаза от соленых слез начинают щипать? Может заболел я, скажи, янна, мне?

- Да, мальчик мой, болезнь к тебе пришла, у людей она любовью прозывается.

- Людей? Кто такие они?

- Олмэ - люди в погостах яввьр и егк рынтэнь - на берегу рек и озер проживают они.

- Почему же я всю тундру обскакал, а людей никогда не видел?

- Потому ты не видел, что закрыла я их от тебя, а тебя от них.

- Разиайке-янна, умоляю покажи мне олмэ, ну хоть раз взглянуть.

- Пудзэ-Вилльй, сынок, не вольна я тебе показывать, должен ты их сам отыскать, тогда счастлив будешь. Я не буду тебе препятствовать, каждый должен в своем стаде жить. А если будешь нуждаться в моей помощи, возьми вот эту оленью косточку, стоит свиснуть тебе в нее и появлюсь я в оленьем облике, но запомни - последним будет третий раз.

- Пассьпе, яннь-ням - спасибо, моя дорогая мамочка, за доброту твою, за заботу. Никогда не забуду я тебя, не забуду Луот-хозен и братьев оленей моих.

Попроцался Пудзэ-Вилльй с оленями, посадила его Разиайке в вэнс - лодку и оттолкнула от

берега.

- Плыви, мой сын, навстречу своей судьбе и помни, мы любим тебя.

- Кудтсэ тиррвэнь, яннъ-ням - до свидания, моя мамочка! - крикнул Пудзэ-Вилль и поплыл.

Определенного пути у него не было и решил юноша лечь на дно лодки.

- Куда вэнс мой занесет, там и судьба моя встретится, - сказал сам себе Пудзэ-Вилль и лег.

Долго ли коротко ли плыл он, но вот почувствовал, как вэнс его о камни стукнулся, поднял голову парень и увидел, что приплыл к острову.

Выпрыгнул паррьн из лодки, затащил ее рыннта и пошел чиннга суэллье - вглубь острова. Видит стоит чум и сидит в чуме старуха - плетет косу. Подошел к ней Пудзэ-Вилль и говорит:

- Тиррв, аххък!

По саамски это будет значить: здравствуй, женщина.

- Тиррв, Пудзэ-Вилль, давно тебя жду, хочу за тебя замуж дочь свою отдать, - отвечает старуха.

- А как имя твое, аххък?

- Мунн ля Оаз.

И на глазах у юноши превратилась она в паука, который доплетал свою паутину. Женщина-паук была страшная, все ближе и ближе подтягивалась она к Пудзэ-Виллье, знала, что у него сердце храброе. И не успел паррьн опомниться, как оказался обмотанным ее паутиною. Стоит он и думает:

"Да неужто такая судьба моя, и это - оллмэ, люди?"

А паучиха, окутав его, поползла вглубь острова за своей дочерью. Стоит Пудзэ-Вилль ждет, что дальше будет.

Через какое-то время приползает Оаз со своей дочерью паучихою. Дотронулись пауки до земли головой и облик человеческий приняли. Как увидел паррьн Оадзэ дочь, подумал, что уродливее существа в тундре ему не приходилось встречать.

Стоит Оадзэ дочь перед ним, космы черные в разные стороны торчат, глаза недобрым огнем светятся, нос приплюснутый по щекам растекся, а губы толстые отвисли до самых колен. Руки длинные, крючковатые, ногти острые, загибаются и все шевелится в ней, все шевелится.

- Мать Оаз, - спрашивает дочь, - где ты такого красавца выкопала?

- Я его, дочь, у Разиайке заметила и лодку его притянула к нашему острову. Тебе он нравится?

- Кому такой не понравится, настоящий жених.

- Тогда нечего время терять, созывай всю родню и отпразднуем твое замужество.

Вот уж нечисть разная на свадьбу ползет, со всего острова повылазила, и тут вспомнил юноша про своюеннь - свисток янны.

- Оадзэ, хочу я на берег сходить, в озере искупаться перед свадьбой, так мне моя мать Разиайке наказывала, - говорит паррьн.

- Хорошо, сходи, только дам я тебе в провожатые двух болотных жаб, и держать они будут тебя на паутине моей, а она крепче веревки любой.

Сняла Пудзэ-Вильесьт Оадзэ паутину, только на руках оставила и отпустила юношу к берегу.

Идет Пудзэ-Вилль, а позади две жабы скачут. Подошел к озеру, в воду зашел, жабы паутину ослабили, чтоб значит, он руками подвигать мог. А паррьн достал оленью косточку и свиснул в нее.

Вмиг явилась перед ним Разиайке в образе важенки, увидела она сына своего приемного в беде, перекусила паутину на руках. Обхватил Пудзэ-Вилль шею матери и поплыли они по озеру, только жабы их и видели.

Приплыли к своему острову, вышли из воды, и говорит Разиайке сыну:

- Что, сынок, опять счастье поплывешь искать или дома останешься?

- Передохну немного, яннъ-ням, и опять поплыву.

Прошла неделя, и опять садится в лодку Пудзэ-Вилльй. Проплыл злополучный остров и тогда опять лег в лодке.

- Неси меня течение озерное навстречу судьбе.

Совсем немного проплыл молодец, как опять лодку его на камни вытянуло. Остров не остров, маленький какой-то, но все же юноша решил сходить вглубь его, посмотреть что к чему. Видит пень стоит, а на пне Тшаккалачак сидит - маленький земляной человечек.

- Тиррв, аяя, - говорит паррьн.

- Тиррв, тиррв, Пудзэ-Вилльй, давно тебя жду, дочь у меня на выданье, ты для нее хороший жених. Вон какой большой и сильный, и стрелок лучший в тундре. Только такой и нужен защитник народу моему.

- А велик ли у тебя народ, и где дочь твоя?

- А сейчас ты с ними познакомишься. Зашевелилась земля, и повылазили из земляных нор гномы-карлики, стоило Тшаккалачаку ударить в маленькие, словно в узелках, ручки. И столько их было, что облепили они Брата Оленей по самую шею.

И была среди всех самая ужасная карлица. Лицо ее цвета земли, нос словно в землю врос, в бородавках весь да буграх, живот отвис, глазки маленькие холодные, брови лохмотьями висят, а волос совсем и нет.

Смешно стало Пудзэ-Вилльй, что это маленькое жалкое существо ему в невесты прочат.

- Видишь, как дочь моя хороша, - с гордостью говорит старик, - пришло время вас обженить.

- Я не возражаю, - сказал юноша, - да только перед свадьбой мне янна велела в озере искупаться, разрешишь ли Тшаккалачак?

- Раз мать велела, почему не разрешу, иди, да только дам я тебе в провожатые карликов, чтоб течение озерное тебя не унесло.

Идет Пудзэ-Вилльй к озеру, а за ним сотни карликов, и все за одну веревочку держатся. Вошел он в воду, свистнул в косточку, и вновь Разиайке на помощь явилась, только теперь в облике гирваса. Увидала она, что ее сын опять в беде, перекусила веревку, ухватился молодец за шею матери, и были они таковы.

- Что, сын, опять поплывешь судьбу искать? - спросила Разиайке на берегу.

- Отдохну месяц и опять в путь отправлюсь, должен же я, наконец, оллмэ отыскать.

И вот в третий раз отчаливает от берега Пудзэ-Вилльй. Проплыл он предыдущие два острова и вновь в лодке лег.

- Будь что будет, - решил он. Два дня лодку носило по озеру, проголодался уже юноша, сел, стал оглядываться, нет ли жилья поблизости и увидел невдалеке множество домиков. Причалил к берегу и пошел к первому чуму. Навстречу ему вышла красивая молоденькая девушка, спросила она его, кто такой и зачем приплыл в их становище.

Пудзэ-Вилльй ей все рассказал и девушка сказала ему:

- Я Оанэсь Лукь нийт, сирота, родители мои умерли, и живу я одна, если нравлюсь, бери меня в жены.

- Ты мне очень нравишься, Оанэсь, я согласен быть мужем твоим.

Свистнул он в косточку, явилась Разиайке и спросила:

- В какую беду ты опять попал, сын мой?

- Не в беду, мать, я счастье свое нашел. Благослови меня на жизнь оллмэ - людей.

- Будьте счастливы, дети мои, любите друг друга, берегите тундру и всякую живность в ней, не давайте никому в обиду. Не забывайте, что олени есть братья ваши. Будьте счастливы!

Н.П.Большакова. Подарок чайки

Медведь-жених

Однажды Акканийди отправилась за водой и с полными ведрами уже возвращалась домой, когда из-за камня выскочил медведь. Сначала зверь попросил напиться воды, а потом стал просить Акканийди выйти за него замуж, иначе угрожал ее съесть. Девочка отговаривалась тем, что она еще маленькая, у нее на голове нет перевеське - обруча, что носят девушки на выданье. Но медведь готов был подождать, пока она подрастет: он схватил Акканийди и утащил к себе в лес, чтобы она стала у него маленькой хозяйкой. Хозяйство же у медведя было большое: в хлевах стояли коровы и овцы, а один амбар был весь опутан цепями. Медведь велел девочке заботиться о скотине, в амбар же не ходить. В этом амбаре зверь держал Гром, которого сумел ухватить за бороду и уволочь к себе во время битвы стихий. Каждый день медведь уходил на охоту и приносил всякого мяса, даже человечину, что особенно пугало Акканийди. Однажды, когда она подошла близко к амбару, Гром попросил ее помочь ему, ведь они оба были пленниками. Акканийди подпилила цепи и освободила Гром. Он приказал девочке взять мешок сена, ельника и огниво и посадил ее на плечи, сам же полетел по небу так, что все кругом загрохотало. Медведь бросился в погоню, но Гром велел Акканийди сбросить вниз мешок с сеном. Пока зверь рвал мешок, Гром улетел вперед, но скоро медведь опять стал его догонять. Тогда Гром велел Акканийди бросить в преследователя горящую ветку - так возникла молния. Медвежья шерсть загорелась, и пока медведь ее тушил, Гром отнес Акканийди назад к ее ведрам. Ведра успели окаменеть - время в ином мире течет быстро, но Акканийди не изменилась. Теперь уже Гром стал свататься к ней, обещая веселую жизнь на небе, но и ему отказала Акканийди, сославшись на возраст. Гром обещал подождать, когда у нее вырастут косы и она станет девушкой.

То ли было, то ли не было

Рассказывал один саам у костра то ли был, то ли небылицу, то ли сказку, то ли байку. Говорил, что всё это с ним самим приключилось. И вы послушайте, если время есть, если других дел нет.

Вот с чего всё началось: запоздала как-то весна в северных краях. Давно бы ей пора прийти, а что ни день - ветер дует, снег с неба валит. Вот наш саам и думает: "Непорядок какой-то на небе, надо бы туда забраться, посмотреть, что там такое. А как туда залезть? Земля низко, небо высоко!"

Однако наш саам не дурак был, придумал. Взял топор да рубанок, пошёл в лес. Свалил большую сосну и начал её рубанком стругать. До тех пор трудился, пока всю её не исстругал. Гора стружек выше леса поднялась. Постелил саам наверх мокрую рогожку, встал на неё и поджёл стружки. Вспыхнул огонь, начала рогожка сохнуть, пошёл от неё густой пар. Подхватил пар саама, покачал-покачал и вверх понёс.

Несло его торчком, несло его кувырком и донесло до облаков. Там саам ухватился за край тучи, да и влез в неё.

Ходит по небу, смотрит. Скучно ему там показалось: пусто кругом, живой души нет, только облака под ногами, как сугробы, лежат:

Поглядел: вдали одно облако выше других вздымается, точь-в-точь круглый снежный дом.

- Значит, живёт всё-таки кто-то на небе! - обрадовался саам и побежал к тому облачному дому. Вошёл в дом, а там Гром сидит. По рукам, по ногам связан.

- Хорошо, что ты пришел, человек, - говорит гром. - Развяжи меня поскорее!

Саам отвечает:

- Развяжи тебя - ты греметь начнешь! Я боюсь. Пусть тебя тот развязывает, который связал.

- Глупый ты человек, - рассердился Гром. - Да ведь меня мороз связал. Зачем ему меня развязывать? Пока я не загремел, он на земле хозяин. Весна в тундре не начнется.

- Вот оно что! - подумал саам. Раз так, надо развязывать.

Распутал узлы на руках - Гром рукавами взмахнул. Загремело кругом, так саама в сторону и отшвырнуло. Хорошо, что туча мягкая: упал - не ушибся.

А Гром его торопит:

- Скорей ноги развязывай!

Как быть? Начал дело - кончать надо. Зажмурился саам от страха и развязал Грому ноги.

Ох, что тут поднялось! Гром ногами топчет - грохот такой, что оглохнуть можно. Руками молнии на землю мечет - блеск такой, что ослепнуть можно.

Совсем перепугался наш саам. Одно только у него в голове: как бы поскорее с этого неба убраться! Прыгнуть бы вниз, да очень уж высоко. Тут как раз мимо него молния стрелой пролетала. Саам и схватился за нее. Моргнуть не успел, как упала молния на землю. И саам с ней.

Угодил он прямо в болото. Ушёл по самые плечи, только голова над трясиной поднимается. Попробовал саам выбраться, да куда там! Ещё глубже увяз.

А кругом весна, морошка белым цветом расцветает, птицы хлопчут:

Прилетела на болото пара лебедей. Смотрит лебедушка: торчит что-то из трясины. Пень не пень, кочка не кочка, а для гнезда годится. Свила лебедушка гнездо на голове у саама. Положила три яйца, села насиживать.

Саам всё терпит. Если уж в болоте увяз, так оно, может, и лучше. Солнце печёт - гнездо ему макушку прикрывает, а дождь зарядит - она не мокнет.

Как-то отлучилась лебедушка ненадолго. Тут и пожаловал гость. Давно волк гнездо учуял, а теперь по кочкам к нему подобрался. Полакомился лебедиными яйцами, да, видно, мало ему показалось. Стал искать ещё, ворошить гнездо лапами. Дерёт твёрдыми когтями голову саама, а тот крикнуть боится, только глазами моргает, кряхтит. Наконец повернулся волк, чтобы назад идти. А саам изловчился и схватил зубами волка за хвост. Крепко стиснул зубы: хоть умри - не выпустит.

Теперь уже волк перепугался. Рванулся вперёд, саама из болота выдернул. Ещё три прыжка - саама на сухое место выволок.

Тут разжал зубы саам. Волк наутёк в лес пустился, а наш саам домой побежал.

Не раз и не два саам у костра рассказывал, что с ним приключилось. Кто верил, кто не верил. Кто говорил: сказка, кто говорил: небылица. А саам всё ещё твердит:

- Быль это, чистая правда! Разве такое выдумашь?!

Равк

В одной избе жили старик со старухой, у которых было три дочери и сыновья. Старик умер и забрал с собой старуху: он был колдун еретник (русское название, которое заимствовали саамы и коми), хотел забрать с собой и дочерей, да у тех не вышел жизненный срок - ещё все зубы были целы (Зубы - признак молодого возраста и хорошего здоровья).

Как-то осталась старшая дочь дома одна и стала плакать от тоски. Тосковать же, особенно по мёртвым, опасно. Ночью слышит девица, что кто-то идёт, ступая одной ногой. Обрадовалась глупая какому ни есть гостю, а тот потребовал угощения. Съев всё, пришелец набросился на самую хозяйку и съел её, не тронул лишь ножки. То же случилось и со второй дочерью. Третья дочь, оставшись одна, повела себя разумно: она спустила собаку, подготовила кипяток и камни. Вампир-равк явился и к ней, но собака не пускала его к воротам. Тогда равк принялся грызть стену. Третья дочь стала лить на него кипяток и бросать камни. Мертвеца-равка и это не могло остановить, так он был голоден. Равк уже было пролез в избу, да тут рассвело, и мертвец так и окостенел на месте. Сбежавшиеся соседи вбили ему спицу меж лопаток, а потом сожгли, чтобы он не возвращался больше в мир живых.

Медведи-оборотни

Рассказывают, что жили некогда три сестры. Они ушли от людей в лес, обернулись медведицами и жировали там все лето. Зимой же устроились в берлоге. Тут медведиц и обнаружил охотник. Он окружил берлогу своими знакам и позвал на помощь других охотников. Те разбудил «зверей» и двоих медведиц убили. Только они освежевали их туши, как выскочила третья сестра-медведица и бросилась на распластанную шкуру сестры - лишь одна лапа не попала на шкуру, девушка вернула себе человеческий облик, но одна рука у нее навсегда осталась медвежьей лапой...

Прародитель Мяндаш

Однажды птица Вселенная отложила яйцо. Долго она сидела на нем, и, наконец, треснуло яйцо. Вылупилось из него много-много птенцов.

Пеййв – Птица-Солнце – оседлал космического Шурр Тал – Большого Медведя и полетел на нем себе невесту искать. Много лоанньтэ – птиц повстречал Пеййв, но ни одна ему не пришлось по сердцу. Наконец, однажды увидел Пеййв, летит лоанньтэ – Еммьне, птица-Земля, и влюбился в нее с первого взгляда. Стал он ей в любви объясняться. Видит Еммьне, а жених-то Пеййв хоть куда, и дала свое согласие. Начался у них брачный праздник любви. Пеййв вокруг Еммьне танцует, хвост распушил, крепко обнимает ее и жарко целует. Поет Пеййв песню любви к Еммьне и все больше ее располагает к себе. Раскрывает Еммьне себя навстречу любовным призывам Пеййва, и

заключает он ее в свои объятъя. Вскоре понесла птица Еммъне после этого праздника и отложила яйцо.

Пеййв прилетит, обогреет жаром яйцо и опять улетит по своим делам, лоанньт Еммъне остается высиживать. Долго сидела, и вот, наконец, раздался хруст. Смотрит Еммъне, а из яйца теленочек появился. Обрадовалась лоанньт Еммъне – из этого теленочка сильный гирвас – олень выйдет. Пустила она сына-оленя на простор, пускай бегаает, силы накапливает.

Отец Пеййв прилетел, посмотрел, а теленок быком настоящим стал, и решил рога его ветвистые позолотить, чтоб все вокруг знали, что это не простой олень бежит, а сын Солнца и Земли. И назвали родители сына Мяндаш-пырре.

Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу.

Бежит Мяндаш-пырре от края и до края земли, ищет себе любимую. Видит, сидит у берега нийт – девушка саамская, понравилась она Мяндашу, и посватал он ее за себя. Обернул важенкой, и побежали они по тундре. Рассказывает ей Мяндаш, какие видел он земли, каких животных встречал на своем пути, удивляется всему этому девица-важенка и все больше в Мяндаша влюбляется. Захлестнули ее чувства, и рванулась она вперед, как ветер летит. А Мяндаш сделал один рывок и догнал важенку. Добежали до озера, пить стали. Смотрит Мяндаш-пырре, как красиво пьет важенка, и потянулся к ней, даря нежность и ласку.

Опустился на озеро розовый туман и укрыл влюбленную пару своим тончайшим покрывалом. Только плеск набегавших на берег волн да дыхание озера слышалось в тишине.

Долго ли коротко проходит времени, рождает важенка сына Мяндаш-пырре, да не теленочка, а дитя человеческое.

Кормит важенка сыночка молоком и приговаривает:

- Ты расти, расти, мун алльк – мой сын, - среди тундровых просторов, от отца-оленя золоторогого ты ум да выносливость возьми, от Солнца, твоего дедушки, тепло душевное возьми. От Земли-бабушки – силушку, а от меня, твоей матушки, любви ко всему живому на этой земле возьми, мун алльк.

Вырос сын, зовет его к себе Мяндаш-пырре.

- Садись, сынок, на меня верхом, покажу я тебе твои владения.

Сел молодец, и помчал Мяндаш-пырре просторы тундровые ему показывать. Показал и говорит:

- Это все твое, сын мой, скоро придет время тебе трогаться в путь, судьбу искать. Одно запомни, сынок, я, отец твой – прародитель земли этой тундровой, завещаю тебе ее на веки вечные. Должен ты беречь землю-кормилицу и быть оленям всем братом родным. От тебя пойдет род саамов-лопинов, и тебя все они будут почитать и слушаться. Береги доверие лопинов и не забывай заветы мои, оленя золоторогого.

Надежда Большакова

Как Аййк-Бог Грома Зло наказал или почему озеро Ловозеро имеет столько островов

На южном берегу красивого озера Луяввьр жил нойд Оаньхесь Юльк – Короткие Ноги, на

северном – нойд Вулльгесь Вуэххьц – Низкий Лоб. Давно и жестоко соревновались они в злобе своей, кто больше людям своего становища худого сделает, беды принесет. До сих пор все им сходило безнаказанно, и они возомнили себя уже выше всех духов и богов.

Оаньхесь Юльк пришел к озеру и вызвал духа воды на разговор.

- Хочу, дух Воды, я с тобой заключить союз, выслушай, что я тебе предложу. В каждый раз, как я закину невод, ты мне станешь сполна рыбы давать, а я тебе жизнь одного лопина из моего становища.

Принял дух Воды условия нойда, и стали умирать люди с берега южного. Сначала дух малых деточек забирал, потом оллмэ – людей, что в силе были, а когда остались одни старики, сказал дух Воды нойду Оаньхесь Юльку:

- Старых жизни за рыбу не буду я брать, они и без выкупа скоро ко мне придут, и потому союз с тобой нойд, разрываю я.

Нойд с берега северного другое творил. Была в его становище самая красивая девушка, и взял ее Вулльгесь Вуэххьц в жены себе, а когда она нечаянно пролила уху в камелек, стал за это нойд ее избивать. Раздел догола, достал прут осиновый и стегал ее так, что кожа с бедняжки клочками на землю падала. Даже кричать уже девушка не могла, потеряла сознание. А нойд ее окровавленную завернул в шкуру оленью, да так, чтобы ворс в раны забился и вытащил из чума в себя приходить.

Пролежала она целую ночь, а наутро нойд Вулльгесь Вуэххьц вновь ее в чум затащил, шкуру размотал и вновь стал бить ее.

Стонет девушка, просит лучше сразу убить, но не мучить так и вновь теряет сознание, а нойд воду льет, чтоб пришла в себя. Так мучил бедняжку он целых три дня, а когда та умерла, выкинул тело ее в тундру на съедение зверью.

Хвастается нойд с берега северного нойду с берега южного, вот, мол, какой он выдумщик, что жизни людей духу Воды за рыбу отдал. Низкий Лоб в ответ: это, мол, что, ты попробуй жертву свою до изнеможения довести, чтоб она смерти, как радости ждала.

Видал их дела небесный бог Аййк и решил проучить коварных да злых колдунов, которым высший Бог дал знания и умение колдовства, чтоб помогать оллмэть, но не жизни их изводить. Натянул он свой лук и метнул стрелу-молнию в нойда с берега южного. Пронзила стрела Оаньхесь Юлька, вошла в землю и треснула та. Затем Аййк натянул еще один раз лук, и попала стрела в другого нойда, Вулльгесь Вуэххьц, и также прошла стрела через нойда в землю и расколола ее на множество крупных и мелких островов.

Так бог Грома наказал зло, потому как не мог Аййк допустить, чтоб эти два нойда возомнившие себя чуть ли не богами, равными ему, и дальше безнаказанно убивали людей. Он уничтожил их в назидание другим колдунам и простым лопинам, кто осмелится на злые дела.

Только сила удара стрел-молний оказалась так велика, что раздробила ровные берега озера Луявьр. Вот с тех пор и разбросано множество осколков-островов по озеру, и уже не определить, где какой и чей кусок берега.

Как Талушка сватался

Жил-был старик со старухой, потом они жили-пожили, и выросли у них три дочки. Талушка пришел сватать у этих старика и старухи одну из дочерей – старшую, и они выдали.

На другой день пришел и другую высватал.

На третий день пришел и третью высватал.

Третья как пришла, то у мужа и спрашивает: «А где сестры?» Талушка отвечает: «Ушли в гости».

Но она не поверила и пошла искать сестер и нашла их мертвыми под амбаром.

Потом она нашла три вички-прутика, смочила в колодец и стегнула сестер этими вичками, и они ожили.

«Ох! Как долго спали», - сказали они.

А сестра им ответила: «Спали вы вечным сном».

Поутру младшая сестра сшила мешок, старшей сестре велела зайти в мешок, завязала и положила этот мешок к дверям вежи и сказала мужу: «Тщи этот мешок – отцу-матери гостинцы и не смотри, что положено, если будешь смотреть, я увижу и услышу, так как я далеко вижу и далеко слышу, да и скорее обратно иди, я приготовлю гостинец».

Талушка взял на плечи мешок и понес. Нес-нес и устал, положил мешок на землю и хотел посмотреть, что у женки послано, и только хотел развязать, а из мешка закричал голос: «Далеко слышу и далеко вижу». Талушка испугался, схватил мешок и понес скорее дальше. Принес старику и старухе, бросил к дверям вежи, а сам торопится скорее обратно. Старик и старуха стали унимать поесть и попить, но он ответил: «Жена не велела сидеть, а там направлен нести другой гостинец».

Талушка пришел обратно, а жена его что-то работает на амбаре и говорит: «Неси другой гостинец и вернись скорее обратно. Еще снесешь и третий гостинец».

Талушка понес. Нес-нес и устал, присел на землю и тоже хотел посмотреть, что у женки положено, но из мешка слышен голос: «Далеко слышу, далеко вижу». Талушка испугался, схватил мешок и опять понес. Принес, бросил к дверям вежи и сам скорее обратно. Старик и старуха стали унимать попить-поесть, но Талушка сказал: «Третий гостинец направлен, и надо его нести скорее».

Пока он ходил со вторым гостинцем, то женка его направила на амбаре камень и одела в свое платье, а сама села в мешок.

Талушка пришел обратно, взял третий гостинец – мешок, понес. Нес-нес, устал, положил мешок на землю, хотел посмотреть, что положено, но опять услышал голос: «Далеко слышу и далеко вижу». Испугался и понес скорее, пришел, бросил мешок к дверям вежи, а сам скорее обратно, старик и старуха оставляли поесть-попить, но Талушка не остался.

Пришел обратно в свою вежу, сварил мяса и стал звать жену с амбара, где она будто все время работала, и не мог дозваться, выскочил из вежи и кричать: «Я тебе дал честь!» Замахнулся рукой и ударил по шее, а у самого отскочила рука прочь.

«А у меня еще другая есть», - ударил по шее другой рукой, и другая рука отскочила тоже прочь.

«А у меня, - говорит, - еще ноги здоровы».

Пнул ногой, и нога отскочила прочь, и другой ногой пнул, и тоже нога отскочила прочь.

«А у меня, - говорит, - еще голова есть».

Мотнул головой, и голова отскочила. Тут Талушка и пропал.

Как ягоды в тундре получили свои цвета

Когда Иммель-Бог посыпал землю семенами ягод, на южной части он загляделся на деревья, которые раньше высадил и которые выросли великолепными исполинами, и нечаянно просыпал почти все семена. Осталось у него всего пять семечек. Делать было нечего, кинул он их в чареммне и решил посмотреть, что будет дальше.

Семена взошли и цветами раскрываться начали, и вот тут задумался Иммель-айя: какой же цвет придать ягодам? И пришло ему на ум позвать своих детей на помощь.

А дети у него были Солнце – Пеййв, Вода – Чадзь, Земля – Еммнэ, Небо – Алльм.

- Вот, дети мои, что хочу я вам предложить. Надо ягодам разный цвет придать, так как мало семян на эту часть у меня осталось. Пускай хоть ягоды украсят тундру, и как только появится первая ягода, кто-то из вас ей тут же цвет пусть свой придаст.

Внимательно всматриваются в завязи дети Бога, никто не хочет своей удаче упустить. Да слишком уж затянулось ожидание. Ждали, ждали и решили немного передохнуть.

Только они на отдых устроились, в это время ягодина первая взяла и разорвала свою чашечку. Заприметил это луч солнечный и вошел в нее, осветив ягоду, словно маленькое солнышко вселилось в нее. Налилась соком янтарным ягода – того гляди лопнет на глазах у всех.

Такой ее и увидел Иммель-Бог. Пеййв назвал ягоду лумь и, конечно, морошка всем понравилась.

Ждут, пождут дальше дети, а с ними и отец их, Бог. Терпение их вознаградили сразу две ягоды. Небо глянуло на одну из них и голубизной своей обрызгало, имя дав ягоде уххькмушш – голубика.

А когда Чадзь вторую заметила вместе с Эльмень-Небом, они синевы добавили и название ей дали саррь – ягода, что в народе стала черникою.

Тут гора ревностно тень отбросила, заслонив от всех свою ягоду, превратив ее в черный глаз. Чуммнэшш-ягода под горой рассыпалась, в себе сок накопив освежающий. Птицы, звери – все любят испить ее, а больше всех она вороне понравилась. Слетела птица в заросли и давай ягоду с веточек общипывать, да так ловко она это делала, что самого Иммель-айя рассмешила.

- Вороника, вороника! Пусть так зовется эта ягода.

Пока они за вороной наблюдали, про пятую ягоду забыли совсем, а у той колокольчики все висят, да висят, и не хотят совсем превращаться в ягоды.

Бежал олень – шурр урть милльтэ – по большой горе, поранил об камень ногу свою, но в горячке бега не заметил олень, как кровь его на ягоды капала. А когда гора превратилась в прекрасный ковер, она обратила на себя внимание. Руппсесь ягода на горе появилась. Иммель-Бог на оленя с удивлением посмотрел, остановил его и сказал:

- Ты нечаянно ягоде цвет крови придал, так назови же сам ее.

Не умел олень слова выговаривать, из горла его лишь один звук вырвался. Еннг – звук тот был.

С тех пор стали самую оллмэ называть эту ягоду – еннг, что означало брусника-ягода.

Так вот все лето на севере цветут, созревают ягоды, хоть и немного видов Господь Бог дал нам их, зато все основные цвета в тундре имеются, начиная с белых цветков морошковых, листьев бурозеленых ягодных до чуммнэшш – вороньего лакомства.

Лиса и саам

Жили лисица и саам, жили очень дружно. Мужик пошел на охоту, мужик только что ушел, лисичка натянула на палочку пойдю и стала жарить у камелька. Сало каплет – она лежит; у нее все лицо сгорело. Мужик как пришел, как плеснет воды в камелек – она и не услышала. Пойда от палочки отлетела и прямо ей в глаза; она и ослепла, не видит ничего. Саам пришел, она и говорит: «Кто-то воды налил в камелек, и сало в глаза пошло; у меня все глаза сгорели». Мужик и говорит: «Пойдем со мной, поправим твои глаза». Мужик привел лисицу к дереву – к сосне. Лисица стала кланяться: «Сосна-матушка! Дай мне глаза». Мужик отодрал кусок смолы и прилепил к глазам лисицы. Она и говорит: «Вижу, только слипаются глаза, открыть не могу». Он и говорит: «Пойдем, посетим березу». Пришли к березе. «Береза-матушка, - говорит лисица, - дай мне глаза», - и кланяется. Береза и дала лисице глаза, только что узкие; прилепила кусочек бересты к глазам, и лисица стала видеть и говорит: «Вижу». Тогда мужик говорит: «Коли видишь, иди одна домой». Она и пошла домой, а он за ней, лисица видит на дороге дерево скривилось, а лисица другая под деревом яму копает, она и думает, что дом. Мужик и говорит: «Куда ты пихаешься, ведь это не дом».

Она говорит: «Полно молоть-то, это дом наш». Мужик стал лисицу за хвост дергать; он дергал, дергал за хвост и хвост выдернул.

Потом мужик пошел домой, а лисица тут под деревом и осталась жить.

Мужик стал искать, искать – нет ли чего у лисицы; искал и нашел золота и серебра много. Стал жить и богатеть.

Ляйн

Был саамский человек, звали его Ляйн. Он жил с семьей. Был у них один сын. Он охотился и ловил рыбу, этим и питались. В то время шведы убивали много саамов. Однажды пришло много шведов. Они спрашивают: «Где живет Ляйн и какой он есть?» Ляйн стал им рассказывать: «Он такой же, как я, такая же круглая борода, рост такой же, как и у меня. Он стал их угощать. Сварил суп в большом котле, в котором красят снасти. Суп для гостей сварил из самой лучшей яловки. Сварил суп, поставил есть, себе положил лучшую еду. Семье велел выйти на улицу и убежать, а на дверь снаружи положить большое бревно. Шведы стали обедать. Предводитель хотел взять самое жирное мясо, в этот момент Ляйн большим ножом отрубил пальцы у предводителя. Потом схватил шведа за ногу и говорит: «Если не видели Ляйна, вот он». И он стал их убивать. Всех убил, а в веже было около сорока шведов. По ошибке убил и своего сына.

Когда очнулся, стал искать семью, жена пришла, а сына не было нигде. Стали искать среди убитых, сына нашли убитого там. Сына схоронили, стали жить двое. На другом месте вокруг вежи сделали

крепость из деревьев. Жена осталась жить в веже, а саам пошел на охоту. Когда с охоты пришел, жены нет, вежа вся сломана. Он догадался: шведы увели жену и сломали вежу. Он рассердился и отправился искать жену, и где шведов найдет, там и убивает. Он начал больше по ночам ходить.

Шел, подошел однажды к большому озеру, смотрит: за озером везде огни горят, а всех больше огней горит на острове. Он пошел вокруг озера. Когда начало светать, он начал смотреть, сам спрятался, сидел до ночи. Перед вечером он увидел лодку, в лодке было двое, старуха и мальчик. Подъехали они к берегу смотреть дупло. Он их схватил, старуху и мальчика, и стал расспрашивать, в которой веже живет предводитель и живет ли у него такая женщина. Старушка говорит: «Она в той веже, где живет предводитель, и предводитель держит ее в цепях. Женщину из-за того и не убили, что она очень красивая. Предводитель пускает ее вечером носить воду на поводу, в цепи, а сам держит конец цепи». Тут Ляйн старухе и мальчику свернул шею и, когда день стемнел, поехал на остров. Приехал тихонько, пристал и спрятался около тропинки. Начал ждать жену, когда пойдет за водой. Он окликнул жену. Жена зашептала: «Куда ты пришел, погибнешь!» Ляйн говорит жене: «Погибнем – так вместе». Предводитель женщину за цепь дергает: «Что так долго?» Тут Ляйн учит жену: «Когда я вежу затрясу, - саам вынул нож и отдал жене, - ты быстро выбеги и прикрой дверь, а ножом отрежь пояс и спрячься в такое место». И указал, в какое место. Жена пришла в вежу, предводитель говорит: «Что так кровь играет, Ляйн, что ли, близко?» Только речь окончил, вежа затряслась, и Ляйн сказал: «Я тут и есть». Когда предводитель посмотрел наверх, в этот момент женщина выбежала на улицу, а Ляйн во второй раз потрянул вежу, и вежа упала, предводителя задавила. Тут Ляйн за ночь убил всех шведов на острове и которые были вокруг озера. Потом он взял жену и отправился обратно в свои края.

Медовая река

Жили старичок и старушка. У них родился мальчик. Однажды старичок пошел на охоту, а дома остались старушка и мальчик.

Жили-жили они. Мальчик заболел. Мальчик умер.

Старичок долго не приходил с охоты.

Мальчик превратился в роука, мертвеца-людоеда. Он съел свою мать, сел и стал ждать отца.

Старичок увидел во сне, что дома не ладно. Он оставил охоту и пошел домой.

Шел-шел. Пришел домой. Смотрит, старушки нет, а мальчик в углу сидит сидя.

Старичок спросил его: «Где мать?»

Мальчик ответил: «Я съел мать».

Старичок разгневался и ударил мальчика по уху. Мальчик вместе с половиной избы вылетел на улицу.

Пошел старичок в лес. Шел-шел. Смотрит, избушка кружится. Старичок сказал: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок вошел в избушку. В

избушке не было никого. Увидел старичок на подоконнике сулею. Он взял сулею и дунул в нее. Из сулеи выскочила девочка и сказала: «Дедушка, я буду твоей дочкой. Мы станем с тобой жить вместе».

Старичок пошел дальше и понес с собой девочку. Шли-шли. Смотрят: стоит избушка. Старичок сказал: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок подошел к избе – стоит она на одной ножке, заперта. Старичок не может попасть в нее. Девочка подала ему щепочку и сказала: «Дедушка, возьми эту щепочку и открой избу».

Старичок взял щепочку и открыл избу. В избе никого не было.

Девушка сказала: «Дедушка, дай мне поесть».

Старичок выдернул из бороды один волосок и превратил его в хлебную крошку.

Девушка съела ее и присела отдохнуть. Потом они пошли дальше.

Шли-шли. Смотрят: избушка вертится. Старичок говорит: «Кружись-вертись, остановись ко мне дверкой, к лесу окном». Избушка остановилась. Старичок вошел в избушку. В избушке была печка. Старичок открыл заслонку и нашел в печке краюшку хлеба и чашечку квасу.

Они наелись-напились и стали жить в той избушке.

Жили-жили они. Старичок очень состарился. Девушка (захотела сделать его молодым, она) ударила старичка прутиком по глазам – и старичок сделался молодым-молодым, как семилетний мальчик. Девушка обрадовалась: теперь у них будет хорошая жизнь, теперь они оба молодые.

Жили-жили они. Девушка очень состарилась, сделалась старушкой и стала неподходящей для парня.

Парень подумал: «Девушка сделала меня молодым, теперь я ее сделаю такую же».

Когда старушка проходила мимо парня, он ударил ее прутиком по глазам. Но она не сделалась молодой девушкой, она превратилась в медовую реку.

Прибежал парень к реке, стал пить мед.

И река унесла его течением.

Оборотень-медведь

На одном озере жили саам да саамка. У них была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, саам ушел в тундру к оленям, а старуха с дочерью остались дома. Вечером они сидели в веже, починяли сетки и разговаривали. На середине у них горел огонь, над которым висел котел с варящейся рыбой. Они бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдруг повешенная вместо двери постель открылась, и в вежу зашел медведь, весь покрытый льдом. Мать с дочерью испугались. Дочь, сидевшая одна по другую сторону огня, перескочила через огонь к матери.

Медведь занял ее место и растянулся против огня. Мать с дочерью сидели и смотрели на него. Сколько ни смотрели на него и сколько ни показывали на двери, чтобы он вышел, медведь не двигался никуда, а только смотрел на них и на котел. Хозяин не приходил между тем, и им было страшно. Наконец саамка заключила, что это не простой медведь, а, должно быть, оборотень. Она поэтому сняла котел с огня и стала тянуть рыбу на две кары. Одну кару взяла она себе, а другую подала медведю.

Медведь съел всю рыбу и лег спать.

Мать с дочерью только смотрели на него, а спать боялись. Боялись подойти к нему, ожидая, скоро ли будет утро или не придет ли хозяин.

Медведь всю ночь проспал крепко и спокойно. Шерсть на нем уже высохла. Перед наступлением зари он проснулся и посмотрел на хозяев. Смотрел он на них несколько времени, наконец поклонился и пошел из вежи. Мать с дочерью тоже вышли вслед за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Медведь недалеко от них встал на задние лапы, а передними стал показывать на озеро, откуда пришел вечером. Мать с дочерью смотрели на него и ничего не понимали. Наконец медведь встал на все ноги и пошел в лес. Мать с дочерью радовались, что он ушел, не сделав никакого вреда, и в то же время думали, что такое он им показывал. По следам его на озеро идти боялись.

Вскоре возвратился саам. Ему все рассказали, и он задумался. Подумав несколько времени, он сказал: «Вероятно, у него был товарищ, и, так как лед еще не крепок, он утонул. Пойдемте по следам его к озеру и тогда узнаем, на что он вам указывал».

Пришли они на озеро и увидели большую прорубь. И увидели, что тут утонул медведь. Стали его доставать и с большим трудом вытащили на берег. Медведь был большой и черный. Положили его на кережу и притянули к веже. Здесь положили его к огню, чтобы оттаять. Через несколько времени саам снял с него шкуру и увидел, что это был не медведь, а человек-оборотень. Под шкурой кругом себя у него был пояс – чересь, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Саам взял его себе, купил оленей и зажил так богато, как никогда и не думал.

ОХОТНИК

Охотник ушел на охоту, а дома остались мальчик, девочка и жена. Пришла к ним юльквик – пешая рать – сорок разбойников с предводителем Чудечуэрвем. Спросил Чудечуэрвь у женщины: «Где твой старик?» Женщина ему ответила: «Он ушел на охоту». Чудечуэрвь еще ее спросил: «В какую дверь он будет входить?» Она ему рассказала, что муж войдет в чистую дверь, что находится против общей двери. И добавила, что муж у нее очень сильный.

Отрезал Чудечуэрвь у женщины на голове волосы и сделал из них силья. В эти силья он захотел поймать охотника. Веревоочные силья он побоялся делать: охотник был сильный и разорвал бы их. Поставил он у той двери, через которую должен был вернуться охотник. Своим людям он велел идти спать в амбар, а сам в веже с женой охотника лег спать.

Пришел ночью охотник в вежу и запутался в сильях. Проснулись Чудечуэрвь и жена охотника, связали охотника, руки связали и привязали его к столбу в веже, а сами опять заснули. Ночью

проснулась девочка и пошла воду пить. А отец говорит ей: «Развяжи мне руки». Девочка ему ответила: «Ты непустишь меня к новому отцу жить, ты убьешь его, а он хороший». И не развязала ему руки. После встал мальчик. Отец говорит ему: «Развяжи мне руки».

Стал мальчик развязывать отцовы руки, но не мог развязать: узел был крепко завязан. Тогда отец ему говорит: «Режь ножом веревку». Мальчик ответил: «Кровь пойдет». Но веревку разрезал, и отец стал свободным. Взял он потихоньку из-под подушки у Чудечуэрвя саблю, пошел в амбар, где спали люди Чудечуэрвя, и подрубил там матицу. Крыша упала на врагов и стала давить их. Они стали из двери выскакивать наружу. А старик встал у вежи и каждому, кто показывался наружу, срубал саблей голову. Когда всем срубил головы, пришел в вежу и сел так, как сидел раньше, будто бы связан был.

Спал-спал Чудечуэрвь и проснулся. Обратился он к старику: «Что ты, человеческий сын, видел во сне?» Старик ничего не ответил. Тогда Чудечуэрвь сказал: «Ты ничего не видел во сне, а я вот видел, как сорок мух расклевали ворона, так что остались у него одни кости». А старик на это сказал: «А вот я видел, что один ворон у сорока мух выклевал глаза».

Чудечуэрвь понял, о чем говорит человеческий сын. Стал он искать под подушкой саблю, но там ничего не нашел. Тогда Чудечуэрвь почесал в голове. А человеческий сын говорит: «Теперь и до тебя дело дошло». И срубил ему голову прочь. После этого поплыл старик со своей семьей по большому озеру. Гребли-гребли и подплыли они к острову. Старик говорит своей дочке: «Принеси с острова мою охотничью сумку». Девочка выпрыгнула с лодки на остров, а старик поплыл дальше.

Девочка стала кричать: «Батюшка, возьми и меня!»

А отец говорит ей: «Подожди, подожди здесь, тебя новый отец возьмет». Пристали они к берегу озера и пошли наверх. Подошли к большой сосне. Привязал старик свою жену к этой сосне и ушел.

Стал жить старик вместе с сыном.

Как дочь старухи сделалась женой солнца

Запись Николая Харузина. Литературная обработка Наталии Будур

Жил старик со старухой; у них была дочь. Раз старик пошел в лес драть бересту. Вдруг из-под березы выскочила лягушка и говорит:

— Старик, возьми меня замуж.

Старик отвечал:

— Куда мне с тобой? У меня есть жена.

Лягушка рассердилась и говорит:

— Есть у меня ножницы; если я ими уколю тебя раз, у тебя будут две раны; если уколю во второй, будут четыре; если уколю в третий, будут шесть ран, и ты изойдешь кровью.

Старик испугался и сказал:

— Хорошо, будь моей женой.

Лягушка велела ему построить себе вежу и каждый день носить ей пищу.

У лягушки были два сына и одна дочь. Одного сына звали Тесаный Пень, другого — Олений Хомут, а дочь называлась Остроглазка. Когда они подросли, они все большее и больше стали просить еды, так что старику не под силу было им доставать пропитание. Тогда лягушка сказала ему: — Если ты не будешь нас кормить, мы съедим сперва тебя, потом твою старуху, потом твою дочь. Они так и сделали: съели старика, потом взяли и старуху. А старуха раньше сказала дочери: «Когда они съедят меня, ты собери все мои косточки в мешок и сосчитай их. Всех соберешь девяносто девять, а нужно, чтобы их было сто. Ты ударь по спине Остроглазку: у нее изо рта выпадет кость. Возьми скорей эту косточку, кинь в мешок и беги. Как добежишь ты до луга, где течет речка, положи кости на землю, ударь три раза березовым сучком, — и сделается тупа . В ней ты и живи. А вот тебе еще сонная спичка». Дочь так и сделала.

Когда лягушка с детьми съели старуху, она подобрала девяносто девять косточек, потом ударила Остроглазку по спине, и у той выпала изо рта последняя кость. Остроглазка рассердилась и крикнула:

— Постой, придет очередь и до тебя, тогда полакомлюсь!

А девушка уже пустилась бежать. Добежала она до луга, где текла речка, положила мешок с костями на землю, ударила по ним три раза березовым сучком, — глядь, точно из земли выросла тупа. Стала девушка тут жить-поживать.

Лягушка хватилась девушки и послала старшего сына отыскать ее и узнать, как она живет. Тесаный Пень пошел и скоро нашел девушку. Он попросился к ней в тупу отдохнуть с дороги. Она пустила его к себе, накормила и уложила спать. Когда же он заснул, она тронула его сонной спичкой, и он сразу ослеп и оглох. Сама же она в это время играла с солнцем и вышивала себе пояс золотом и серебром.

На другое утро она отослала сына лягушки домой. Он пришел и ничего не мог сказать, как живет девушка. Лягушка рассердилась и говорит:

— Назвали тебя Пнем — и справедливо.

Послала она второго сына. Девушка и его угостила, уложила спать и тронула сонной спичкой. И он, вернувшись домой, ничего не мог рассказать.

Мать и ему сказала:

— Хомут ты — хомутом и останешься.

На третий день лягушка послала свою дочь Остроглазку. Девушка уколола ей глаза и уши сонной спичкой, а сама села играть с солнцем и вышивать свой пояс серебром и золотом. Но у Остроглазки были еще другие глаза на затылке: ими она и увидела, что девушка делает.

Она вернулась домой и рассказала все матери. Тогда они обе решили погубить девушку. А та, на всякий случай, взяла свой пояс, подвязала им себя под платьем и запрятала в него сонную спичку; в косу же положила ножичек.

Утром лягушка вломилась к ней в тупу вместе с Остроглазкой. Они схватили ее, зашили в нерпичью шкуру и бросили в море. Вернулись к тупе, смотрят - ее и не стало. Остроглазка и говорит:

— Девкиной-то избы нету; где же теперь искать пояс?

Лягушка сказала:

— Ну, теперь поздно, не воротишь девку; ее теперь уже далеко унесло.

И пошли они ходить по лесам и болотам и по сю пору, верно, ходят.

Девушку же принесло волнами к берегу. Она распоролла ножичком кожу, вышла на берег и пошла, куда глаза глядят. Ей очень хотелось есть, и она ела по дороге ягоды. Наконец, пришла она к какой-то тупе.

Зашла в нее — в тупе пусто, только крови на полу налито, словно озеро. Она начала вычерпывать кровь; два раза вычерпала, но кровь опять выступала. Наконец, после третьего раза крови не

стало видно совсем. Тогда она вымыла избу. Потом она начала искать, нет ли чего в тупе поесть; увидела за печкой лепешки, взяла одну, отломил кусок и поела. Но ей было страшно, потому что в тупе всюду проступала кровь. Она взяла, обернулась веретеном и спряталась за печкой. В этой тупе жили сполохи. Они приходили сюда ночью и бились друг с другом: тогда на небе делалось светло, точно огни горели, а люди говорили: «Сполохи опять режутся».

Вечером вернулись домой сполохи; они сейчас же сказали:

— Здесь был человек-женщина, но ее не видно.

Начали они все есть; взяли по лепешке, а у одного лепешка начата. Звали его Найнас. Сполохи сказали ему:

— Найнас, этот человек тебе родня.

Найнас крикнул:

— Покажись, кто здесь есть! Если ты старик, ты будешь мне отцом; если старуха, будешь матерью; молодой — братом; женщина — сестрой, а девица — женой.

Как только он сказал это, веретено выпрыгнуло из-за печки и обратилось в девушку. Найнас обнял ее, поцеловал и сказал:

— Ты будешь моей женой. Но жить тебе здесь нельзя: тут сполохи режутся. Пойдем, я провожу тебя к моей матери.

Он привел ее к дороге, дал клубок ниток и сказал:

— Брось его на дорогу; куда он покатится, туда и иди. Смотри на клубок, а больше никуда не гляди, иначе сполохи унесут тебя на небо. Когда придешь к реке, зови перевозчика. Тебя перевезет моя мать: она живет на том берегу. Как придешь, сделай вежу; мы в ней будем жить с тобой.

Она бросила клубок на дорогу и пошла за ним. Шла она долго, днем и ночью. Ночью ее напугали сполохи, так что она чуть осталась жива: она слышала, как они пели: «Идет жена Найнаса, но скоро ее возьмет солнце». Она не оглядывалась, а шла все дальше и глядела только на клубок.

Наконец, она пришла к реке и стала кликать перевозчика. Ее перевезла мать Найнаса.

Девушка тотчас начала строить вежу, а вечером пришел к ней Найнас. Он сказал ей:

— Как только будет светать, я уйду: если солнце увидит меня, оно меня сожжет.

А девушка повесила над постелью свой серебряный пояс. Как ни проснется Найнас, она все говорит ему: «Спи, еще ночь; посмотри, как на небе блестят звезды». Так она обманывала его три раза. Наконец мать Найнаса закричала:

— Невестка, возьми оленьи шкуры: они присохнут от солнца!

Услыхав это, девушка испугалась и выглянула из двери, не покрыв голову платком. Солнце увидало ее и схватило ее за волосы. Она закричала:

— Найнас, дай мне воды! Меня жжет солнце!

Найнас выбежал, но тотчас солнце сожгло его, и он умер. Тогда девушка взмолилась:

— Солнце, ороси меня водой!

Солнце сжалилось, оросило ее водой, но не отпустило. Ему очень понравилась девушка. Оно взяло ее к себе, и сделалась девушка женой солнца.

Вскоре у них родилась дочь. Пока она была маленькая, ее учили всему, а когда она подросла, солнце решило опустить ее на землю, чтобы она нашла себе суженого.

Солнце и жена его сказали ей:

— Иди замуж за первого, кого встретишь; живите в любви, и у вас всего будет довольно.

Дали ей еще шелку и сказали:

— Приготовь три платка, продай их — и денег у вас будет довольно.

Солнце вмиг опустило свою дочь на землю. Она пошла по земле и скоро встретила пастуха. Она вышла за него замуж, как ей было велено. И платки она сделала, продала их, и стали они жить

богато.

Люди начали им завидовать и говорить, что они живут чужим добром.

Пастух обиделся и сказал им:

— У меня все добро от солнца; если я захочу, я могу даже подняться к нему.

Народ еще больше рассердился; говорят ему:

- Если так, то поднимись завтра к солнцу; а если ты не поднимешься, мы убьем тебя.

Пришел пастух домой и рассказал все жене. Она опечалилась, но сказала:

— Дождемся утра.

Утром они пошли навстречу солнцу и увидели, что оно едет на олене. Они остановили его и рассказали ему про свое горе. Солнце сказало пастуху:

— Садись со мной, поедем.

Жена пастуха пошла обратно. Соседи спросили ее:

— Где муж?

Она отвечала:

— Он поднялся к солнцу.

Солнце привезло пастуха к себе домой. Теща приняла его ласково и угостила.

Солнце сказало зятю:

— Теперь спи, а утром поезжай вокруг земли вместо меня. Утром ты поедешь на медведе; в полдень пересядь на оленя, а вечером на важенку.

Пастух так и сделал. Когда он ехал на олене, ему захотелось ехать скорее, и он начал гнать его.

Олень скоро упал мертвым. Пастух пересел на важенку и вернулся на ней к солнцу. На следующий день солнце поехало вокруг земли и увидало, что на дороге лежит мертвый олень. Вернулось домой солнце и расспросило об этом пастуха. Он рассказал, как все было. Тогда солнце сказало, чтобы он в другой раз не мучил животных.

На третий день солнце и его жена простились с пастухом, дали ему много добра и спустили его на землю. Он вернулся домой и зажил с женой еще лучше, еще богаче прежнего.

Мяндаш-пырре

(песня-сказ)

Из-за Каменского, из-за Имандры,

из-за нутра Матерой земли

бежит Мяндаш – дикий олень.

Мяндаш-пырре имя ему,

он начало дикарского кегору.

Мяндаш-пырре – начало жизни в краю.

От края до края земли,

от начала ненаших пределов

Мяндаш-пырре бежит.

Путь его – солнца путь, туда его бег.

Мяндаш-пырре летит, златорогий олень!

Белый, как снег, он бежит

из-за Лимандров далёких,

из-за Норвегии,

летит прямо к Каменскому Нижнему озеру.

Замарались копыта –

и не понравилась ему эта земля,
невзлюбилась вода.
На Сыйвынь побежал.
Стал на камень крутой.
Здесь!

Отсюда видна высокая Койва,
сытные земли Оаймкеджпоалла.
Отстоялся тут, ноги расширил –
Омочил нашу землю; отдых принял.
Встал и подумал:
«Думы, раздумья
Мой ум разнимают [иссушают].
На три-четыре стороны я гляжу,
На все три-четыре стороны!
И не знаю – куда же мне путь?»
Цокнул копытом о гладкие камни,
Лёгким скоком, играя копытцами,
Вновь побежал.
Хрустят его ноги, шелестят ему
кормные травы и белые ягели.
Мяндаш-пырре бежит,
Мяндаш-пырре идёт...
Оаймкеджпоалла – холмы под его
ноги растут.
Летний наволок приходит под ноги его.
Понравились сопочки эти,
и на летнюю землю пришёл он.
В родниках копыта омыл.
И ел тут, и жил, и кормился.
И отдыхал, и свой рог золотистый уронил...
И сказал:
«Эта кегора – Мяндаша тундра.
Вершинам этих холмов – рог Мяндаша,
рог головной».
И встрепетнулся.

О начале человека

Ничего не было. Была одна голова. Старик с колодцами на темечке. Была на нем шапка. Налетел гром и сокрушил шапку. И вырвалась из колодцев струя воды. Высокая, до самого неба. Сильно била струя, так сильно, что скоро затопила вода всю землю. И не было земли. Было одно морё - вода. И не было никакого человека. А уточка летала. Несколько времени уточка летала, и некуда уточке сесть. Некуда - одна вода! Кругом вода. Летала она несколько

времени и нашла травинку на воде. И она села на травинку. А не дёржит! Опять полетела. Летала она несколько
времени и прилетела к той же травинке - сыйнь называется эта травинка. Уточка летала, летала, а травинка росла
и росла. И травинка сыйнь выросла больше, и уточка стала летать кругом этой травинки. И глядит - растёт земля
от травинки вокруг. И уточка села, а не дёржит! Ну, еще несколько времени уточка летала, и от травинки стало
расти земли больше. И выросла земля! И уточка села! Та земля была Лавчепакх, она первой вышла из-под воды.
И уточка по земле стала бегать. И снесла яйцо, и снесла другое яйцо, и третье, и четвертое, и пятое яйцо она
снесла. И села уточка на яйца. И от первого яйца от земли стала расти трава разная и стал расти лес разный.
И первое дерево выросло - береза, а второе - ель, третье - ивняк, четвертое - сосна. И стал расти мох. Потом
отделились от земли острова и озера. И от озера до озера потекли ручьи.
От второго яйца пошли птицы и рыбы, а первая птица - уточка, а вторая птица - гусь серый, а третья птица -
лебедь белый, а четвертая - ворон и пятая - маленькая птичка по имени пыз-кыдцыньке.
От третьего яйца вышел зверь разный. И первой зверь - олень дикой, второй-то зверь - медведь, а третий
зверь - волк.
От четвертого яйца вышел человек мужской половины и женской. А уточка все летала и летала! Несколько времени
летала она. И вот летит она, и глядит в землю, и видит: идут двое - мужчина и женска пол.
Ну, и эта жёнка понесла. И от них родился мальчик.
Народу не было - так уж имен не клали в те времена. Мужик сделал прядинку из травинки сыйнь и связал сетку,
и поставил ее в озеро. И попала первая рыба - щука. И попала вторая рыба - окунь красной... И заловили они
разную рыбу. И стала земля большая и покрылась лесами.
Ну вот и достали люди пищу себе на пропитание. В поте лица.
Ну а сын уже стал большой. А от жёнки, от матери той же, родилась девочка. И они долго ли, коротко ли жили -
девочка стала уже девушкой на возрасте. И пришло время - сына надо женить, а девушке замуж пора. А народу-то
нет! Выйти девке замуж не за кого, мужику не на ком жениться.
Тогда сказали отец-мати:
- Подъте, дети, сюда.
И поставили их друг ко другу спинами, и толкнули их, и сказали им:
- Идите каждый прямо вдоль моря-окияна куда глаза глядят.
И они пошли друг от друга, пошли в разные стороны.
Год, два года шли. земля-то остров! И сошлись девка и мужик. Грудь со грудью сошлись. Были брат со сестрою -
стали муж со женою.
И выдумали себе поставить вежу, такую же как и ныне строят. И поставили вежу. Ну и стали жить.

И пошли у них дети. Вот и внуки явились. Отец-мати стали деды. И устроился у них целый погост, и вырос народ. И они выбрали себе Велика-человека. Велик-человек клал имя на рожденное дитя. И встали великие озера. Великою выросла земля. Леса и сузёмки великие выросли, и болота легли, и разной птицы развелось вдоволь, и много оказалось человеку всякого блага.

Как бедняк зимовал

Жил когда-то бедняк саам с женой и двумя сыновьями. Оленей у них не было. Кормились рыбной ловлей. Сушили рыбу на зиму. Снасти были плохие, рыбы ловилось мало. Осень пришла, зима впереди. Посмотрел бедняк на зимние запасы и задумался. Мало рыбы. Как перезимовать, как прожить?

Сыновья рыбы просят. Голодать будут. Бедняк был Молчаливым, редко говорил. И теперь ничего жене не сказал, в лес ушёл. Назавтра снег выпал. Несколько дней прошло, не возвращается он с охоты. Жена и дети забеспокоились, пошли его искать, но не нашли, домой вернулись. Пропал отец. Кое-как они перезимовали, дотянули до весны.

А как солнце пригрело, отец вернулся. Дети обрадовались, бросились ему навстречу. Отец был тихий, ещё более молчаливый. На расспросы жены ни, словом не ответил. Опять всё лето рыбу ловил и опять наловил мало. Пошёл снег. Бедняк куда-то исчез. Старший сын увидел, как его отец пошёл в лес, и рассказал об этом своей матери. Мать побежала вслед за ним и добежала до высокой пихты. Там она увидела, что её муж обошёл вокруг пихты три раза, и потом зашёл за большой куст... далее пошли медвежьи следы.

Она сама обошла вокруг пихты три раза, а потом зашла в куст, там она споткнулась, и упала на четвереньки и увидела, что вместо рук у неё мохнатые медвежьи лапы. Она тоже перевоплотилась в медведицу. Всё поняла и пошла вслед за мужем. Вот и берлога.

— Ай-ай-ай! — закричал муж-медведь. — Зачем ты пошла за мной? Ведь нам теперь до весны быть медведями. Сейчас мы не сможем стать людьми. А дети наши пойдут по следам и подумают, что нас съели медведи! Они убьют нас! Мы ничего не сможем им сказать — ведь мы сейчас говорим по-медвежьи. Что ж, будем ждать прихода сыновей. Пусть убьют меня одного. А ты постарайся спастись. Твоё спасение — на моей шкуре. Я выбегу навстречу старшему сыну, а ты сиди в берлоге, не шевелись. Он убьёт меня, снимет шкуру и расстелет её на снегу. Тогда выскакивай, беги и падай на мою шкуру. В тот же миг обернёшься человеком, примешь свой настоящий вид.

Жена заплакала и сказала:

— Нет, я не хочу спасаться на твоей шкуре. Давай уйдём далеко в тундру, будем жить вместе. А дети и сами не пропадут.

— Нет, — сказал муж, — мы останемся.

Они пролежали три дня. На четвёртый к берлоге пришли их сыновья. Бедняк выскочил навстречу старшему сыну, и тот метко уложил его своей любимой стрелой. Когда сын снял с медведя шкуру и расстелил её на снегу, из берлоги выскочила медведица, быстро подбежала к шкуре и упала на неё. Упала и обернулась женщиной, их матерью. Она сказала детям: — Чтобы оставить вам еду, чтобы вы зимой не голодали, отец обернулся медведем и проспал всю прошлую зиму. Он хотел проспать и эту зиму, но вы его убили.

Сыновья заплакали. А у матери одна нога осталась медвежьей: она не попала на шкуру, когда медведица обернулась человеком.

Сакка про птичку

Еще раньше потопа жили люди. А когда случился потоп, к ним корабль приплыл. Мужик - его звали Адам - хотел поскорее забраться на корабль с жёнкой своей и уже совсем было взошел на палубу, да баба помешала. Зацепилась ее юбка и не пускает на корабль взойти. Корабль на прибылой воде поднимается, того и гляди отчалит корабль, а бабу не пускает. Что такое прицепилось? Глянул - а то чертенок махонькой, однако мужска полу, цепляется за юбку и тоже хочет ногу на корабль поставить. А его откидывает. Он на сходни, а его обратно, назад на землю, кидает.

Адам набил его по рукам, потряхнул хорошенько, и "полетел дьявол ко всем чертям". Так оно с тех пор и говорят.

Ну, перекрестились мужик с бабой. Адам двери отворил, и они вошли в корабль.

Уселись, кому где положено, со зверями да с птицами вместе. Корабль отчалил и отправился в путь.

Ну и стали они плавать. И этот корабль плавал везде, по всем морям ходил. А морё-то, морё при потопе было одно на всю землю. Куда ни глянь - кругом морё. Не только что земли - ни единой травинки нигде не было. Жили они один год на том суденышке, и другой год, и третий год жили. а было ведомо: на исходе третьего года должно появиться уж чего ли то, а должна оказаться где ли там какая-нибудь статья. Обязательно. Так уж оно иначе и быть не могло.

Ну, как сказано, на исходе третьего года вышел Адам на вышку посмотреть: где что видно? Корабль плывет... Куда плывет? Кто знает?

Посмотрел Адам: кругом вода, одна вода, конца краю нет воде. А в воде этой утопленные, мертвые тела плавают.

Так оно было в начале первого года, так оно есть и в конце третьего года. А припасу-то на корабль было прихвачено всего-навсего на три года, день в день. Погодил Адам еще, поспал сколько-то времени и опять же подался смотреть: где чего видно? Ничего нигде не видно!

- Эх, непорядок,- сказал Йиммель-бог Адаму, - давно там дадена статья, непременно должна где-нибудь тут быть...

невдалеке. пошли-ка ты мою верную ворон-птицу белую в облет моря. Он тебе все узнает. Однако облетит он морё, как ряд делу положено!..

Послал Адам ворон-птицу белую:

- Лети кругом моря! Не увидишь ли землицу?

Летала, летала птица-ворон белая, только мертвые тела виднеются кругом да инде. Он еще летал и летал, птица- ворон белая, и устал, очень устал он. Кругом вода, ничего, кроме воды, не видно, да мертвые опять же плывут

и плывут. Сел он на мертвое тело отдохнуть. Сидел он, отдыхал, вперед глядел, кругом глядел, сил набирался.

Есть захотел. И показалось ему, что мертвое тело, на котором он сидел, должно быть вкусно.

Наклонил голову, посмотрел слева правым глазом, посмотрел справа левым глазом... и клюнул. И так-то ему захотелось есть, что наклевался он мертвечины досыта. Силы набрался. Обратно полетел, к Адаму. А тот посылает дальше, к Йиммель-богу. Побоялся ворон-птица белая предстать перед Йиммелем. Однако надо же хозяину показаться: так-то и так-то, вот был, лётал, надо ведь сказать?

Полетел он к Йиммель-богу и сел на пороге, у рундука.

- Ну, спрашивает Йиммель-бог грозно, - что ж несмело идешь как надо быть? Сказывай!

- Устал,- отвечает.

- Ах, ты устал... а какой дух от тебя идет? Ты мертвую человечину ел?
Молчит ворон-птица белая...

- Ты был мне дороже дитя - моя птица был, мой вещун, чистый был, белый, все тебя любили, а ты что сделал?

Человечье мясо съел! посмотри, что у тебя на груди,- брызги крови гнилой, а ты говоришь "вкусно". Душу свою испоганил; а то что велено тебе: "найди землю" - не исполнил!

Йиммель-бог проклял ворон-птицу белую:

- Будь же ты проклятой душой! Был ты птицей белой, будь птицей черной. И что бы ты не ел - не быть тебе сытым!

На другой день посылает бог на облет воды птичку чюдзай.

- Можешь ли принести травинку?

- Могу,- ответила, и порх... полетела. Глядела тут, глядела там... Кругом смотрела она, и здесь и инде, заглянула и подальше, и поближе... Глядь: растет среди моря травинка сыйнь и даже корешочки в воду пустила.

Птичка чюдзай травинку сыйнь взяла в клювик и понесла. Далеко несла, очень устала, а принесла же до места и на порог, на рундук тот, Йиммель-богу положила. Села, голос подала, а дверь открыть не может. Маленькой, ну где же ей дверь отворить? Она еще раз пискнула. Адам голос услышал, открыл ей двери. Птичка чюдзай травинку на порог положила, лапки у ней подогнулись, и легла она, пала без сил: очень уж она уморилась. Тут ее, не трогая, там где она упала, накормили, и напоили, и отдых дали маленькой птичке этой, а имя ей положили с тех пор Йиммель чюдзай - Йиммель-птичка, "божья птичка".

Дерево дружбы

Девочка и мальчик родились в одном селении на берегу моря. Он был сыном бедной старушки, а она была дочерью богатых и знатных людей. Однажды она гуляла по берегу моря и вдруг лицом к лицу встретилась с мальчиком. Так случилось не один раз. Однажды они заговорили друг с другом, и стало между ними знакомство. Дальше - больше, подружались эта девочка и мальчик. Возросли они. И стала девочка девушкой - красавицей, а мальчик пригожим пареньком. Полюбили они друг друга и дали клятву дружбы: никогда друг друга не забывать. Время шло. Родители ее умерли. Родственники решили выдать ее замуж. А она не соглашалась - отказ на все уговоры.

Тогда родня без ее согласия объявила на весь мир, что вот такую-то красавицу девицу выдают замуж. Начали съезжаться женихи. Со всех концов мира понаехало всяких купцов и королей. заняли все квартиры в той деревне, на берегу моря балаганов понастроили, орехи продавали направо и налево. Однако невеста не согласна! Упрямится невеста! А женихи все едут и едут, девать их некуда, во дворец к невесте просятся. Говорят: "Вызывали - так пускайте ночевать!"

Видит девица: делать нечего, надо сдаваться, а выходить замуж она все-таки не хочет. Подумала она, пораскинула умом-разумом и согласилась.

- Я согласна, - говорит, но с условием: моим мужем будет человек с золотым носом. Смотреть буду до паужины, в шесть часов вечера конец. Объявили смотр. С утра женихи стали доказывать, что они ребята золотые. А один свой настоящий нос вырезал, а золотой нос на то же место вставил.

Однако невеста разглядела фальшивый нос, схватила его за кончик, с мясом вырвала и бросила в море. Пока женихи подходили и подставляли носы, время-то шло, а ведь иные забегали по три, по четыре раза. Стало дело приближаться к сроку, иные женихи начали разъезжаться, а другие все еще шли и подставляли носы: охота им была хотя бы посмотреть на невесту.

До конца срока оставалась уже половина минуты. И вдруг примчалась тройка вороных. Лошади в мыле, взбешенные. Из саней выскочил жених - весь зеленый, как старый медный котел. Невеста от него поворот. "Поздно",- говорит, а он часы черные вынул и показывает: "Никак нет,- говорит,- в самый раз, еще полминуты осталось, успеешь полюбоваться". И требует, чтобы невеста осмотрела его нос, да еще приговаривает: "Повнимательней, повнимательней!"- и подставляет ей свою зеленую медяшку.

Нечего делать, взяла невеста свой ножичек, поскоблила нос у этого человека - из-под зелени золото блеснуло, а вовсе не медь. Царапнула раз, царапнула два - чистое золото.

"Неправда! Неправда! Нос приставной!" Схватила за нос, и правда - нос отвалился. На месте носа черная дырка виднеется, как в черепе.

- Я тебе не кто-нибудь,- говорит этот жених. - Я равк! Я настоящий золотой человек!- И открыл ей свою грудь. Она царапнула - из груди проступили капли крови золотой.

Нечего делать, пошла девица замуж за этого человека. Он тут же кое-как справил свадьбу, даже подарками никого не одаривал. "Некогда",- говорит. Забрал невесту, усадил в сани, укутал дорожными мехами, из которых сыпался золотой песок, гикнул, гаркнул - только их и видели!..

И привез он ее в свои хоромы. Жил-пожил и собрался в дальнюю дорогу. Садясь в сани, дал ей ключи от дома и сказал: "Учись в моем доме хозяйничать! Все двери отворяй и смотри: все, как ряд делу, производи. На вот ключи, держи!" А от одних дверей ключи-то он дать-то не дал, а двери те он отворять запретил, даже в замочную скважину не велел заглядывать. И уехал равк.

Она обошла весь дом, все двери, все ключи примерила, двери отпирала и запирала. Дошла и до запретной комнаты. Она ключ в замочную скважину вставила и вошла. Там оказался лось. Он был голоден и очень слаб. Два раза она приходила к лосю. Приносила ему еды и воды вволю, чтобы он подкрепился. На третий день они решили бежать. Она села ему на спину, лось прыгнул, и они помчались. Чтобы равк их не догнал, они позади себя бросали оборону. Гребешок бросили - вырос лес дремучий, бросили зеркало - озеро стало, черепок метнули - гора выросла, спичку чиркнул - лесной пожар поднялся. Но равк гнался за ними по пятам. Все их проделки были ему известны, однако пожар встал до самого до самого неба, тут и равку стало страшно. Пожар надолго задержал его.

Лось между тем привез девицу к морю, к своей старушке матери. Он велел старой в случае опасности превратить девицу в щепку и спрятать ее в подпол. В знак дружбы с девицей лось вырвал самую красивую, самую большую сосну, что росла около дома, перевернул ее корнями вверх, ветвями вниз и воткнул в землю. Он сказал: "Пусть моя сосна растет

корнями вверх, пусть дружба наша будет вечна и верна"- сказал так - и умчался за синие леса. прошло немало времени. Равк не дремал, он рыскал по всему свету - все искал ту девицу прекрасную. Прилетел он и к бабушке, увидел сосну, хотел ее выдернуть, но не тут-то было. Это не его была сила. Осмотрел он всю избушку и в подпол заглянул, а щепку не заметил... Старушку до смерти напугал. Ничего не нашел. Дальше полетел. полетел разорять все дома и народы, которые попадались ему на пути. Лось вернулся, взял девицу за руку, подвел к избушке, к матери подвел и спросил, не помнит ли она кого-нибудь в этом доме. Девица помотала головой и сказала, что нет, она не помнит в этой избушке никого. Лось подвел ее еще раз к матери: не помнит ли она эту старушку? Нет, девушка не знает и не знавала эту старую бабушку. Много на свете бабушек живет, и все старенькие. Тогда лось крепко сжал девице руку и повел к сосне, что росла вверх корнями.

Вспомнила подружка эту сосну и пала на грудь своего друга лоса. В ту же секунду лось превратился во взрослого парня - ее милого друга.

И они еще раз дали клятву - не разлучаться никогда, помнить друг друга крепко-накрепко, навсегда.

Миф о лунной деве

Одиноким великан по имени Лиейб увидел во сне чудесный остров на озере Сейтярв. Лиейб собрал пожитки и отправился искать этот остров. Сначала чудесный остров не давался великану и уплывал от него по озеру, но, наконец, он достиг его в тихой заводи и поселился там. Озеро то было центром мира: к северу от него высилась гора, где жили прадеды, но востоке пасся золоторогий олень (этот образ известен и марийской мифологии), на западе же находилась лесистая горка, Варака, где обитали злые духи, но там имелась береста, из которой можно было сделать и домашнюю утварь, и лодку.

Поселившись на острове, Лиейб обнаружил возле источника чудесную деву: на левом боку у нее сияла солнечным светом одежда, правый же бок был обнажен. Дева посетовала, что великан долго искал ее - она устала и проголодалась. Удивленный Лиейб поделился с девой своими припасами, но увидел, что она не прикасается к пище. Тут-то он смекнул, что дева эта неземного происхождения - она сестра или дочь Солнца. Лишь когда он дал ей разные шкурки и кожи, чтобы она сшила себе одежду, дева эта неземного происхождения - она сестра или дочь Солнца. Лишь когда он дал ей разные шкурки и кожи, чтобы она сшила себе одежду, дева превратилась в обычную женщину и поела. Лиейб стал называть ее Аккой. Акка научила великана строить жилище - вежу - и заклала все берега озера, чтобы чужие не проникали в их обитель, только не заклала Вараку.

Однажды Акка велела Лиейбу сделать люльку; ночью же произошло чудо - вместе с молодым месяцем взошла и луна. Тогда Акка повела старика в лес: там, в лунных лучах, на стволе ольхе они увидели силуэт девочки. Акка завернула ребенка в бобровые шкурки, и девочка стала настоящим человеческим ребенком. Лишь имя, данное ей приемными родителями, - Никийя ("не я"), да золотой башмачок, который Акка положила девочке в колыбель, напоминали о ее чудесном происхождении. Но девочку называли и простым именем Акканийди, что значило "дочь женщины". Остров оказался воистину райским местом - он всегда был освещен солнечным или лунным светом; даже в безлунные ночи морской владыка Инару в образе моржа посылал на остров витязя Найсаса, и тот освещал его сиянием своего меча.

Как-то раз Аккайниди отправилась за водой и с полными ведрами уже возвращалась домой, когда из-за камня выскочил злой бог Тала в образе медведя. Сначала Тала попросил напиться воды, а потом стал просить Аккайниди выйти за него замуж, угрожая в противном случае съесть девочку. Аккайниди отговаривалась тем, что она еще маленькая, у нее на голове нет перевеське, обруча, что носят девушки на выданье. Но Тала готов был подождать, пока она подрастет: он схватил Аккайниди и утащил к себе в лес, чтобы она стала у него маленькой хозяйкой.

Хозяйство же у Талы было большое: в хлеву стояли коровы и овцы, а одно зернохранилище было все опутано цепями. Тала велел девочке заботиться о скотине, в зернохранилище же не ходить. В этом амбаре зверь держал Горагаллеса, бога грома которого сумел ухватить за бороду и уволочь к себе во время битвы стихий. Каждый день Тала уходил на охоту и приносил всякого мяса, даже человечину, что особенно пугало Аккайниди. Однажды, когда она подошла близко к зернохранилищу, Горагаллес попросил ее помочь ему, ведь они оба были пленниками.

Аккайниди подпилила цепи и освободила Горагаллеса. Он велел девочке взять мешок сена, ельника и огниво и посадил ее на плечи, сам же полетел по небу так, что все кругом загрохотало. Тала пустился в погоню, но Горагаллес велел Аккайниди бросить вниз мешок с сеном. Пока Тала рвал мешок, Горагаллес улетел вперед, но скоро злой бог опять стал его догонять. Тогда Горагаллес велел Аккайниди бросить в преследователя горящую ветку - так возникла молния. Медвежья шерсть загорелась, и пока Тала ее тушил, Горагаллес отнес Аккайниди назад к ее жилищу. Теперь уже Горагаллес стал свататься к ней, обещая веселую жизнь на небе, но и ему отказала Аккайниди, сославшись на возраст. Горагаллес обещал подождать, когда у нее вырастут косы, и она станет девушкой.

Однажды страшная жара опустилась на землю, а в дымовое отверстие жилища - вежи - попал луч солнца. Акка радостно распахнула дверь, и в вежу вошел Пейвальке - сын Пейве, бога Солнца, ее родной брат. В руках он держал золотой башмачок - точно такой же, что положила Акка в колыбель дочери. Но башмачок был еще велик Аккайниди, и Пейвальке вернулся на небо - ждать, когда невеста подрастет.

Когда Аккайниди подросла и получила перевеське девушки, то стала проситься с чудесного острова на землю - к людям. По ее просьбе свежий ветер отнес остров на север, к людям. Но на земле в то время разразился страшный голод, и люди чуть было не съели девушку. Тут и пригодилось ей имя Никия - как только она его произносила, то становилась невидимой. Аккайниди стала молиться Инару, чтобы тот дал людям рыбы. Но пусты были золотые сети владыки моря. Тогда его супруга, Аккрува, в ледяной горе с Севера, пригнала к берегу кита, и люди наелись его мяса. Тогда женихи стали соперничать из-за чудесной невесты, но она тотчас исчезала, как только произносила свое волшебное имя. Отец девушки поведал о том, что ее мать - сестра самого бога Солнца, Пейве, и люди стали нести дары прекрасной гостье. Тогда охота стала удачной, а женщины, приносившие свое рукоделье Аккайниди, получали прекрасное шитье, стоило только ей прикоснуться к изделиям. После мать Аккайниди стала требовать новых и новых приношений. Тут люди начали возмущаться и вспоминать старых богов, при которых не было поборов. Злобные старухи, Рута и Ямба, отправились к Вараке и стали призывать старых богов, сейдов. Делать нечего - старик опять вернулся со своими домочадцами на остров Девы, остров же поплыл дальше к северу, в сторону Вараки.

Однажды Лиейб собралась на Вараку за берестой, но Акка, которая была ведуньей, нойтой, предупредила, чтобы тот не нарушал запрета, не работал при свете луны. Великан же не послушал жену и ночью при свете месяца стал драть бересту. Тут к нему и пристала Оадзь, мерзкая лягушка-паук, прицепилась к его загривку, а ее дети к ногам. Злобная тварь угрожала Лиейбу, что изранит его ножницами и высосет из него кровь, если он не возьмет ее в жены, а прежнюю жену проглотит.

Для лягушки пришлось делать новую вежу, чтобы в ней не было ни щелки; в этом жилище не разводили огня. Лиейб продолжал рыбачить, но Оадзь ездила с ним на рыбалку только ночью. Днем она забиралась в свое вежу под мокрые сети и заманивала к себе великана. От ее ласк тот совсем облысел и высох, Оадзь же вслух мечтала, как она сожрет старика и даст полакомиться своим детками. Ее сыновья разглядели Аккайниди, когда та приходила их кормить, и, конечно, захотели получить девушку в жены. Но отпрыски лягушки не смогли справиться с лунной девой. Тем временем сети, которыми накрывалась нечисть в своей веже, сгнили, и все меньше рыбы добывал старик своей единственной сетью. Все это пожирало семейство Оадзи. Наконец, нечисть сожрала самого ослабевшего старика и добралась до Аккт. Однако женщина успела перед смертью научить дочь, чтобы та собрала все ее кости и закопала в земле, а еще дала Аккайниди сонные палочки.

Расправившись с хозяевами, оадзь отправилась рыбачить, оставив одного своего сына сторожить Аккайниди. Та предложила сторожу поискать у него в голове, сама же закрыла ему глаза сонными палочками, так что тот уснул крепким сном.

Тут Аккайниди отправилась на горку и зарыла кости матери в земле. Из земли поднялся чудесный костяной дом. В доме лежало золотое шитье, а по столу струился мед. С лучами солнца в гости явился Пейвальке, и Аккайниди принялась шить ему пояс и пить с ним мед.

Настало время, когда должна была вернуться Оадзь, Аккайниди попрощалась с Пейвальке, топнула ножкой, и чудесный дом исчез. То же повторилось на следующий день, когда сторожить девушку остался другой сын Оадзи. Но на третий день в сторожах осталась дочь злобной лягушки, Гуэлле, а у нее было три глаза. Оадзь раскрыла тайну Аккайниди, и та бросилась к своему чудесному дому, но уже стемнело, и Певальке был далеко на небе. Напрасно девушка выкрикнула свое заветное имя и исчезла, ведьма Оадзь растянула тюленьи шкуры и поймала в них Аккайниди. Оадзь зашила несчастную девушку в шкуру и бросила в воду.

Волны вынесли деву на берег моря. Аккайниди поднялась на гору и попала в пустой дом, залитый кровью. Девушка стала отмывать кровь, устала и решила вздремнуть. Чтобы не попасть в чужие руки, она превратилась в веретено. Вскоре раздались шаги, и в дом вошли тени богатырей. Они почувствовали запах женщины, но не смогли найти ее.

Витязи принялись за еду, а потом за потеху: стали биться мечами, так, что кровь вновь залила весь дом. Чем больше распались витязи, тем гуще лилась кровь. А в небе в это время разгоралось Северное сияние. Наконец, забава прекратилась, и бойцы тенями вышли из дома. Остался лишь их предводитель - Найсас. Он принялся искать невидимую гостью. Наконец та смилоствилась, в лучах утренней зари приняла свой облик. Найсас стал мужем лунной девы.

Но Аккайниди не могла жить в доме мертвых героев. Найсас отправил девушку к своей матери, волшебнице Ябмеаймо, дав ей волшебный клубок, который укажет дорогу, если не оглядываться и не отвечать на зов, кто бы тебя ни звал. Аккайниди преодолела все соблазны, прошла через радугу, достигла реки и тут попросила у матери Найсаса лодку, которую делал он сам и поранился: Ябмеаймо поняла, что девушку прислал Найсас.

Она приготовила постель под крышей дома, и Найсас стал навещать жену по ночам. При свете солнца Найсас появляться не мог, днем его не видела даже собственная мать. И тогда две женщины решили задержать его хитростью, соткали звездный пояс и повесили под потолком, чтобы Найсас не отличил дня от ночи. Когда солнце уже ярко грело и Аккайниди вышла за водой, Найсас пробудился и в ужасе бросился от света. За ним побежала и Аккайниди, чтобы заслонить его от солнца, но было поздно, Найсас растаял в его лучах. Сама же Аккайниди впопыхах появилась при свете солнца простоволосой. Бог Пейве схватил Аккайниди, оказавшую предпочтение не его сыну, Пейвальке, а сыну Северного сияния, Найсасу, и забросил ее на луну. С тех пор в лунных пятнах различают силуэт девы с коромыслом, идущей по воду.

О нойдах

10 тысяч лет тому назад в этих краях властвовали могучие исполины - нойды. И было между ними постоянное соперничество. Самым могущественным из всех был нойд из Петсамо по имени Киевитса (Kievitsa). Но на противоположной стороне морского побережья обитал его жестокий и коварный соперник по имени Киипери (Kiiperi - сварливый, любитель ссор; собиратель дани; взимающий жертвоприношения). Оба нойда соперничали между собой в славе и колдовстве, в умении творить чудеса. Соперничество продолжалось до тех пор, пока решающее сражение не стало неизбежным. Нойд Киипери решил посрамить нойда Киевитса в глазах всего мира неслыханным способом. Пение-заклинание у саамов имело в те времена магическую силу и требовало большого умения и искусства.

Нойд Киипери встал, широко расставив ноги, возвышаясь над мысом; пением-заклинанием Киипери отделил часть его от Растиматунтури, которая прежде была на том самом месте, где сейчас находится бухта Киипери. Вскоре земля содрогнулась, задрожала и с грохотом стала раскачиваться; грянул гром. Повсюду на поверхность воды всплыла оглушенная рыба, от белых животов которой море стало серебристым. Затем покачнулась поверхность земли, и часть суровой тундры, медленно оторвавшись, мрачной тучей поднялась высоко в небо.

Тогда нойд Киипери, вскрикнув, прыгнул в свою лодку, которая была такой же длины, как голодный год, и борта которой были также бесконечны, как облачный пасмурный день. С каждым гребком вёсел лодка продвигалась на версту вперед. А высоко в небе, следуя за лодкой, плыла темно - синяя Растиматунтури.

В этот тихий безоблачный день нойда Петсамо Киевитса сидел на горе Сиебруоайви, опустив одну ногу в устье залива Петсамо, а другую - на мысок Нурменсятти. Он тоже пел, пел и смеялся, играя кольцами своих волос огромными пальцами толщиной со ствол сосны. И при полном штиле на море везде были видны киты, большие синие и малые белые. Они приплыли из разных мест, но все направлялись в сторону залива Петсамо. Киевитса пел именно для китов: зазывал их в самое основание залива, туда, где оно было в те далекие времена. Там во время морского отлива обнажались песчаные отмели, и можно было добыть китов, чтобы в долгие зимние дни лакомиться и поддерживать силы их жиром. Но вскоре внимание Киевитсы обратилось к плывущей с северо-запада темно-синей грозовой туче.

Киевитса смотрел, смотрел, смотрел... Он разглядел надвигающиеся оттуда горы, а под их темно-синей громадой увидел гигантскую лодку: нойд Киипери намеревался перекрыть, «заткнуть» горой-тундрой устье залива Петсамо. Взглянул Киевитса на море: киты исчезли. Взглянул на небо: туча нависла злобно и угрожающе. Заглянул под тучу: нойд Киипери стоял там в своей лодке, пел во все горло и, ликуя, размахивал руками, подобными огромным лопатам.

Тогда и нойд Киевитса начал петь. Он приподнялся повыше, крепко опираясь своей правой ногой в самое глубокое место залива и опершись локтем на согнутую в колене левую ногу. Песня его росла, ширилась, крепла. Воздух дрожал, и туча разрывалась, земля содрогалась, горы склоняли свои вершины, а море вспучилось, заклокоталось, покрылось бурунами. Деревья скрутились, покоробились, съезжившись, приникли к земле под натиском вызванной заклинаниями бури. Движение зловещей тучи по небу приостановилось, она замерла на месте, трепеща и содрогаясь. Нойд Киипери пел заклинания в своей лодке на море, а нойд Киевитса - на горе Сиебруоайви. Природа замерла перед стихией единоборства: рыбы скрылись от опасности в расщелинах скал, растения пригнулись к земле. Послышался оглушительный грохот, удар, все всколыхнулось и содрогнулось. Гора-туча обрушилась с неба в море. Водяным столбом вздыбилась ввысь вся морская вода между полуостровом Варангер и темными, прямыми, как стены отвесными кручами

Пумманки - мыса Земляного.

Нойд Киевитса из Петсамо одержал победу. Свершившееся стало очевидным, но штормовое море еще бросало на прибрежные скалы неистовые волны, достигавшие горных вершин. В пенном водовороте воды появилась новая земля: гора-тундра при падении с неба раскололась на две части. Так «родились» Айновы острова. Нойд Киевитса смеялся громовым смехом, глядя, как нойд Киипери прибывает в своей лодке к берегу мыса Пумманки, в крутых пахтах которого находят свой приют бакланы. И нойд Киевитса, лучший из певцов-заклинателей, заколдовал нойда Киипери и его суженую, превратив их в каменные изваяния на мысе Пумманки, где они до сих пор стоят рядом друг возле друга у всех на виду.

Сказка о ягеле

Мы не пахари, мы не косари... Мы олений народ. Наш хлеб – олень-батюшка. Его кормом живём: мох белый, ягель...

Мудрый зверь олень. и корм его непростой. Хочешь быть сытым - знай, как беречь и холить оленя, ну а первая причина всё=таки ягель. Умей пасти оленя на ягеле, и будешь счастлив человек - так надо сказать!

Мокро - ягелю плохо; не хочет он расти на прямой болотине. А вот где посуше – ну, однако, не вовсе сухое место выбирает, – родится хорошо: подушками расстилается и разрастается, заполняет собою всю землю. Оленю раздолье, а пастуху глаз да глаз: не слишком ли сухой ягельный росток? Сухой ягель очень хрупок. Олень, когда пасётся в жаркий день, травой кормится, ягель не трогает. а ногами он его крушит и рушит, отбивает живую верхушку, в которой вся сила ягеля. Думаешь, беда? Нет, это ещё не беда! Это даже хорошо. Олень порушит ягельный покров - свежий воздух проникнет в середину ягельной подушки, каждому ростку ягеля легче дыхание, лучший рост. Это во благо!

А вот беда бывает, когда неумелый или лихой пастух в сухой жаркий день, да хоть бы и не в жаркий, а в мокрый, когда земля топкая, прогонит стадо густо. Тысячи оленьих ног порушат ягель, повалят ростки, вондут их в землю, чёрная земля выступит – это "чёрная тропа" называется. Это горе! Это беда! Болеет ягель, болеет земля.

Ягель растёт тихо, очень медленно – это надо знать. Побитый ягельник возродится только через пятнадцать лет!

Теперь побили нашу землю, наши ягельники, наполовину побили их стадчики.

Деды и прадеды и прадеды наших прадедов учили нас: «Землю надо беречь. Как она досталась нам в поросли трав и во мхах, поросшая лесами и кустами и всякой зеленью, так и беречь её надо зелёною. Будешь беречь и холить землю зелёную, весёлую - и сам ты будешь сыт, здоров и весел человек.» Вот как говаривали старики, наши прадедки.

А ещё в старину говорили: «Землю люби, не брани землю: ты на ней живёшь, ты ею кормишься; ягель-мох кормит оленя, олень кормит тебя; грибы, ягоды и травы кормят оленя, да и тебя также, а ещё и лечат тебя. то надо знать, и землю надо любить. Ты хозяин – береги землю, она твоя кормилица.

Не брани землю, не кори ягели, и травы, и дерева... Это всё твоё, это ты, тебе на благо дано. Береги их, пусть растёт и цветёт, не ломай, не обижай землю без надобности.»

Не любит кровь, чтобы её на свет показывали. Видишь, тело-то твоё кожей покрыто, твою кровь бережёт? Великая беда, если кожу нарушить, если кровь на солнце окажется. Это рана, это боль, отсюда и болезнь, и смерть случаются. Так же и земля: нельзя её чёрною показывать! Пойдёшь ли сам или оленей погонишь так, что они ногами сделают "чёрную тропу", – то грех, то нельзя... Беда будет...

Вот что было у нас недалечко.

Один парень пошёл в лес перевязать оленей: надо было поставить их на свежую траву, на ягель.

Уже вечер насал, роса высыпала, верёвки, которыми были привязаны олени намокли и набухли. Не удавалось ему развязать верёвку последнего оленя. парень ругнулся и со злобы дёрнул вязку - земля вывернулась чёрная; застонало, заскрипело деревцо, к которому был привязан олень; сломилось оно.

Парень узел развязал, оленя переставил в кусты, где корму побольше, и пошёл себе домой. Лёг спать и крепко заснул.

Тяжело заснул. Во сне забрался в него бес – чонкаппер. Заболел парень.

Про Куйву и Сейдозеро

В книге Ферсмана "Воспоминания о камне", автор приводит следующий рассказ саами Аннушки Кобелевой: "Это было давно-давно, когда меня еще не было, не было и Василия Васильевича, что пасет оленей на Малом озере, не было и старика Архипова на Мопчегубе, очень давно это было. Нашли на нашу землю чужие люди, сказывали - шветы, а мы лопь были, как лопь, - голая, без оружия, даже без дробовиков, и ножи-то не у всех были. Да и драться мы не хотели. Но шветы стали отбирать быков и важенок, заняли наши рыбы места, понастроили загонов и лемм - некуда стало лопи деться. И вот собрались старики и стали думать, как изгнать швета, а он крепкий был такой - большой, с ружьями огнестрельными. Посоветовались, поспорили и решили пойти все вместе против него, отобрать наших оленей и снова сесть на Сейявр и Умбозеро. И пошли они настоящей войной - кто с дробвиком, кто просто с ножом, пошли все на шветов, а швет был сильный и не боялся лопи. Сначала он хитростью заманил на Сейявр нашу лопь и стал ее там крошить. Направо ударит - так не было десяти наших, и каплями крови забрызгали все горы, тундры да хибины, налево ударит - так снова не было десяти наших, и снова капли крови лопской разбрызгались по тундрам. Ты ведь знаешь, сам мне показывал, такой красный камень в горах - это ведь и есть та самая кровь лопская, кровь старых саамов. Но осерчали наши старики, как увидели, что швет стал крошить их, спрятались в тальнике, пособрались с силами и все сразу обложили со всех сторон швета, он туда, сюда - никуда ему прохода нет: ни к Сейявру спуститься, ни на тундру вылезти, так он и застыл на скале, что над озером висит. Ты, когда будешь на Сейявре, сам увидишь великана Куйву, - это и есть тот швет, что наши саами распластали на камне, наши старики, когда войной на него пошли. Так он там и остался, Куйва проклятый, а наши старики снова завладели быками и важенками, снова сели на рыбы места и стали промышлять...

Только вот красные капли саамской крови остались на тундрах, всех их не соберешь, много их пролили наши старики, пока Куйву осилили..."»

Откуда пришла радость

Вот как было.

Летала дочь Солнца Акканийди - Ясное Пятнышко по небу, смотрела с высоты небесной на землю, согревала оленей в тундре, птиц и зверей по лесам и оврагам, рыб в морях и озерах... Все живое она понимала, всем давала радость. Только люди были ей непонятны: то обрадуются ее теплоте взгляду, то нахмурятся, спрячутся в вежу*. По каким законам живут они? Отчего плачут? Отчего смеются? Почему враждуют друг с другом?

Пригляделась Акканийди к людям, видит: нет среди них ровни. Одни едят сытно, в собольи шапки рядятся, на охоту не ходят, не пасут оленей. Другие для них зверя промышляют, оленьи стада водят, а сыты не бывают, одеты бедно, ходят голову понутив. Пожалела этих людей Акканийди, захотелось ей дать им такую радость, которая никогда бы их не покидала.

Вот настал вечер, кончило Солнце свой путь по небу, свалилось за море спать-отдыхать. Стала просить его Акканийди:

- Пусти меня, отец, на землю к людям! Встревожилось Солнце, глянуло сердито, говорит:

- Чего ты там не видала? Мало тебе на небе простора?

- Скучно мне! - говорит Акканийди.

- Как так скучно? Играй с тучами в прятки, пляши с солнечными лучами, пой песни с ветром! А люди - им и обидеть недолго. Они такие.

- Вежа - старинное жилище саамов.

Примолкла Акканийди, а потом снова просит:

- Отпусти, отец, хоть ненадолго!

Подумало Солнце: "Не отпустишь - улетит без спросу!"

- Что ж, - говорит. - Ладно, полетишь завтра. А сейчас спи - отдыхай до утра.

Вот настало утро, проснулась Акканийди, видит: лежит она на оленьей шкуре в человеческой веже. Стоят перед нею старик и старуха, смотрят во все глаза на такое диво. Не было у них детей, жили одни, а тут вдруг девочка-подросток лежит на оленьей шкуре. Личико у нее круглое, румяное, как ягода морошка, смотрит на них теплыми глазами. Откуда только явилась?

Не говорит Акканийди, откуда явилась, а просит:

- Возьмите меня в дочки. Пустите пожить в вашей человеческой веже.

Старуха была знающая, живо смекнула, какое тут диво. Говорит она:

- Возьмем тебя в дочки. Живи сколько хочешь.

Стала Акканийди жить, стала осматриваться. А стояла старикова вежа на плавучем острове посреди озера Свято, под кудрявой сосной. И не было на том острове ни души, кроме старика и старухи. Поняла Акканийди, почему отнес ее сюда отец Солнце - боялся он за нее. А здесь - хоть и люди есть, однако безлюдно. Только не того Акканийди хотела. Стала просить она старика и

старуху:

- Отведите меня к людям! Говорит ей старуха:

- По людским законам ты еще маленькая: перевеське* еще не надела.

Погоди, придет твое время.

Помогает Акканийди - Ясное Пятнышко старухе по хозяйству, старику чинить сети, ждет, когда придет ее время.

- Перевеське - головной убор саамской девушки.

А старуха смастерила перевеське, сшила девичий наряд. Посмотрела Акканийди на ее работу и сама где камешек цветной прилепила, где ягодку сухую, где жемчуг. До того стало красиво, никогда еще такой красоты старуха не видала.

Сплел старик венок из можжевельных веток, обрядила старуха Ясное Пятнышко в девичий наряд, перевеське ей на голову возложила - стала девушкой Акканийди. Погляделась она в гладкую воду озера Свято, и весело ей стало!

Запела она песню, закружилась в пляске. Смотрят

на нее старик и старуха - никогда они такого не видали, не слышали: не то птица поет, не то ветер стонет, и кружатся над землею листья. Радостно у них стало на сердце.

Сказал тогда старик:

- Пришло, доченька, твое время идти к людям. Пусть же откроются их глаза и уши на то, что несешь ты им, Акканийди! Пусть не оскудеет твое сердце и умягчатся сердца людские!

А старуха сказала Акканийди осторожное слово.

Ночью, когда все спали, потянул свежий ветер, напрянул сосновые ветки, и поплыл остров по озеру Свято на Север, к устью великой реки - Реки Отцов. Наутро повел старик девушку Акканийди к людям. Взяла с собой Акканийди три маленьких замшевых кисы - мешочка. Сама она выделала для них замшу, сама сшила и набила сухими ягодами, разноцветными камешками и отборным жемчугом. Пришли они в ближнее селенье, подняли полог над дверью вежи, видят: сидят вокруг очага женщины, мужчины и дети, едят китовое мясо. Жир стекает у них по пальцам, а лица и глаза блестят от сытости и довольства. В тот год даровало море тому племени сытость на долгое время - принесли волны морские к устью Реки Отцов ледяную гору, а в ней замерзшего кита. Люди вырубали из льда китовое мясо, и каждый ел сколько мог, до отвала.

Вошла Ясное Пятнышко в вежу - вскочили на ноги женщины, мужчины и дети. Такой девушки они никогда не видали. Женщинам захотелось приласкать ее, потереться щекою о щеку, мужчинам крепко прижать ее к сердцу, а детям - поиграть у нее на коленях. Все тянули к ней руки, трогали ее наряд, теребили косы, тащили к себе, отнимали друг у друга.

Тогда сказала Акканийди осторожное слово. И люди, хоть видели, что стоит она на том же месте, не могли ухватить Акканийди - руки их проходили сквозь нее, как сквозь воздух. Испугались женщины, оробели мужчины, заплакали дети. Но Акканийди рассмеялась, взяла за руку юную девушку, всем велела взять друг друга за руки и повела за собой на берег Реки Отцов. Там она запела песню и закружилась в пляске. Никогда саамы не видали и не слышали такого. Но глаза и уши у них раскрылись, и такая радость вошла в сердце, что они запели,

вторя Акканийди, и стали кружиться вместе с нею.

А когда все устали и со смехом повалились на землю, Акканийди незаметно достала из маленьких кис горсточку жемчуга, камешков и ягод и подозвала к себе девушек и молодухек. Она прижала ладошку к земле и спросила:

- Есть там что? Ей ответили:

- Чему там быть? Ничего нету!

- А вот и есть! - подняла Акканийди руку, а там узор - круги, колечко в колечко, месяц и звезды, ножки сорочьи, гусиные лапки - все в жемчугах, все сияет на солнце.

- Это я сделала, - говорит Ясное Пятнышко. Потом смешала этот узор и велит: - А теперь вы сделайте!

Стараются девушки, стараются молодухки, раскладывают камешки, ягоды и жемчуг - а все не так красиво. Накроет Акканийди узор ладошкой, потом руку поднимет - и все видят: вот еловая веточка, рог оленя, солнце с лучами, волна морская. Все разноцветное, все сияет на солнце.

Стала раздавать Акканийди людям ягоды, камешки и жемчуг - сколько ни раздаст, все кисы ее полны. Стала учить она девушек и женщин разукрашивать узорами печки* да каньги**.

Приходят они к ней, показывают свою работу, а она дотронется рукой до узора - и становится он еще краше. Поцелует девушку в нос, потрется щекой о щеку и скажет:

- Другой раз сама сделай не хуже!

Надевают девушки разукрашенную одежду и бегут посмотреть в лужи - хорошо ли, красиво ль? Стараются друг перед дружкой. И суженым своим и мужьям стали расшивать печки да каньги, не велят им носить старую некрасивую одежду.

А девушка Акканийди ходит по домам и селеньям. Где тростинку срежет, дудочку смастерит и свистит то иволгой, то синицей. Где песенку споет, где сказку расскажет, где спляшет. И повсюду раскрывает свои кисы, дарит людям камешки, ягоды и жемчуг, учит составлять затейливые узоры.

Весело стало жить саамам, всегда у них в сердце радость. Одеты чисто, красиво. Сети ли чинят, в кереже*** ли едут,

- Печок - длинная меховая рубаха.
- Каньги - легкие меховые полусапожки.
- Кережа - санки в виде лодочки с одним полозом.

пасут ли оленей - складывают песни, как учила Акканийди, - песню Солнца и Моря, песню Ледяной горы, принесшей кита, песню Счастливой охоты. А настанет вечер, соберутся все на поляне, ведут хоровод и пляшут.

Только старейшинам племени, жадным старикам и старухам, не пришлось по душе Акканийди. Не раскрылись глаза их для красоты узоров, не раскрылись уши для сказок и песен, и сердца не смягчились. Смотрели они только на жемчуг и требовали от Акканийди:

- Дай нам побольше!

Акканийди давала, а они снова свое тянут:

- Ма-ло! Еще дай!

Узнала Ясное Пятнышко, что не для радости, не для доброго дела просят они у нее жемчуг. Меняют его у женщин на пологи, печки и каньги, у мужчин - на оленье шкуры, беличьи шкурки, мясо и рыбу.

Сидят они в своих вежах, жиреют от безделья - все им несут за тот жемчуг.

Сказала тогда Акканийди старейшинам и их старухам:

- Больше для вас жемчуга нету!

Обозлились старики, обозлились старухи, недобрым взглядом смотрят на Акканийди. Стали кричать:

- Что за песни, пляски да узоры! Никогда саами такого не знали! Когда же на охоту ходить, когда рыбачить, коли будут все наряжаться да смотреться в лужи? Убить надо Акканийди!

Но не могут они убить Акканийди, знает она осторожное слово. Тогда пошли старейшины на болото, понесли телочку оленью, стали выкликать злую болотную старуху Оадзь из трясины, просить у нее подмоги.

- Возьми, - говорят, - болотная старуха, приношенье, а нам за это скажи, как извести Акканийди.

Болотной старухе Оадзи давно стоит Акканийди поперек горла. Не стали саами слушать ее ночные лягушечьи песни, сами теперь поют да слушают песни Акканийди - на болото их не затащишь. Говорит Оадзь старейшинам:

- Вот возьмите замшелый камень, заманите Акканийди - Ясное Пятнышко в вежу да закройте дымник. Бросьте в нее тот камень, потеряет тогда силу ее осторожное слово.

Схватили старейшины камень, побежали в селенье, а там Акканийди сидит в веже, показывает молодайкам, как пуговку из раковины сделать. В злобе своей забыли старики прикрыть дымник, вбежали в вежу, кинули в Акканийди камень. Стала она вдруг едва видной, вздохнула, песню запела и с дымом очага улетела в небо.

Не стало на земле Акканийди. А песни остались, остались и пляски, остались узоры. Помнят их люди, передают мать дочке, отец сыну, придумывают сами. И раскрываются у них глаза и уши, умягчаются сердца, приходит к ним радость. Смотрит на них Ясное Пятнышко с высокого неба и радуется вместе с ними. Говорит она отцу своему Солнцу:

- Видишь, отец, это я сделала. Я - Акканийди!

Все, что сказано здесь, верно, как путь Солнца по небу, как бег времени, как смена зимы и лета, дня и ночи. Еще в стародавние времена сложена про это песня.

Похищение Разиайке

Каврай, Рухтнас и Разиайке пасли оленей на плодородных пастбищах. Рядом же обитал чужак - Тала. Сам он был богат - держал у себя не только оленей, но и коров, и овец, однако был при этом жаден и похищал оленей со стойбищ Рухтнаса. Он даже крал детей у саамов и заставлял их пасти свои стада. Покровители саамов не могли справиться с Талой, поскольку не знали, где спрятана его душа.

Однажды Рухтнас с братьями поднялся на небо, наказав Разиайке не петь песен. Но без пения

богини не плодились олени и не росла трава. Поэтому Разиайке запела в своей веже, и Тала услышал ее песню. Он похитил Разиайке и принес в свой дом. Хотел он жениться на Разиайке, да та задала ему трудную задачу - сломать железную паньгу, которой вожжи пристегивались к оленьей уздечке: похититель силился сломать или разгрызть железо, но только обессилел от этих попыток. Хитрая Разиайке междутем выведала, где спрятана душа Талы: за тремя озерами, которые надо было пересечь на чудесных лодках, управляемых мышами-гребцами - хтоническими тварями. Душа была заключена в яйцо, яйцо - внутри орла, орел жил в серебряном амбаре на верхушке сосны. Разиайке попросилась у Талы пойти по ягоды. Тот отпустил, но привязал пленницу вожжами к дому, навесив на них колокольцы. Разиайке перевесила колокольцы на скалы, сама же поспешила за душой Талы. Она вернулась в дом похитителя и бросила яйцо в кипящий котел. Тогда Тала в мучениях испустил дух, так что крыша его дома опала, а очаг погас. Тут вернулся Рухтнас и изгнал всех талов за море.

Леший-побратим

Лесные духи могли помочь человеку, если тот оказывал им услугу. Рассказывают, как один парень пошел в лес по дрова. Только хотел срубить сухую сосну, как та взмолилась, чтобы он не рубил ей ноги. Парень срубил дерево под корень, а сосна продолжала просить, чтобы он осторожно рубил ей вершину - не срубил бы голову. Лесоруб и тут справился с задачей, и из дерева вышел человек, оказавшийся варйелле - лешим: его заколдовали так, что он не мог выйти из дерева. В благодарность леший обещал принести парню золото и, действительно, принес целый мешок - так что лесоруб не смог его поднять. Но леший запросто забросил мешок к веже парня, и родители удачливого дровосека зажили припеваючи. Своему же названному брату леший дал свистульку и шапку-невидимку, чтобы тот мог в любой момент позвать лешего на выручку. Помощь лесного побратима скоро понадобилась, потому что парня забрали на войну. Тот взял шапку-невидимку, дунул в свистульку, и чудесный помощник вызвался воевать вместо него. Парень же оказался далеко на лесном озере, у родителей лешего. Старик-леший переживал за сына, и однажды дал выпить сыновнему побратиму чудесного зелья, чтобы узнать, что происходит в варйелле. Тут гость леших почернел, а глаз у него вытек: понял старик, что и лешему на войне приходится худо. Взял он у сыновнего побратима глаз и отправил сыну. Стало у побратимов два глаза на двоих. Война закончилась, и леший вернулся в свой дом. Предложил он побратиму жениться - ведь в селении его ждала просватанная невеста. Девушке страшно было идти замуж за одноглазого и почерневшего односельчанина, но он был богат, и отказываться от данного слова было нельзя. Странной была свадьба у побратима лешего - ее устроили в лесу, и собралась на нее всякая нечисть. Несчастной невесте оставалось только кормить связавшегося с нечистойю жениха. Нечистое богатство не приносит счастья. Лишившийся глаза дровосек и сам стал сродни нечистой силе.

Как самь Оллмэ Куйву победили

Происходило это так давно, когда наш север все называли холодной Лапландией. Тогда, когда главным среди сыййт оллмэнь — в селе у людей — был шаман-нойд. Ударял он в бубен свой под монотонное самь оллмэ пение и кружился в танце вокруг огня, испрашивая у духов удачной охоты, победы над врагами или исцеления от заболеваний различных. Жизнь у саамов шла по своему календарю: отел оленей — это весна, вольный выпас — лето,

имание — осень и долгие дни полярной ночи. Так и проходила жизнь этого маленького таинственного народа, затерянного в тундре, в далекой Лапландии. Однажды, после отела оленей, великий шаман созвал свой народ и предупредил о нависшей над ними беде.

Развел он шурр тол, что значит большой огонь, и уселись вокруг него все самые олмэ. Медленно пошел шаман по кругу, говоря такие слова:

— Шурр пидть пуадт мыйе чиррэ. Еннэ олмэде сонн уййтад. Что значило: — Большая беда идет к нам в тундру. Много людей она унесет. Имя этой беде — чудь иноземная.

И сам танец его подобен был агонии смерти. Лохматые черные волосы разлетались в разные стороны в бешеном ритме. Тело шамана извивалось, переламывалось, корчилося. Он закатывал глаза к небу и раскидывал в стороны руки, словно крылья птицы, трясясь всем телом. В такое мгновение бубен его тревожно дрожал, и все это скорее походило на безумную пляску, нежели на тайное гадание.

Все ближе и ближе шаман к огню, вот уже языки пламени лижут его пальцы, передают тайные знаки.

Огонь словно заморожен танцем колдуна, языки пламени то бешено вырываются в небо, то затихают, облизывая ноги шамана, и только он понимает язык стихии. Только он может разжечь пожар или потушить пламя. Ему подвластна сила великого колдовства. Разговор с духами подходит к концу. Шаман укрощает огонь и, распластавшись перед ним, уже сливается с духом Матери-Земли. Теперь он слушает слово ее.

Самые олмэ сидят, окаменев вокруг него, не смея нарушить священного таинства — разговора великого шамана с духами.

Через некоторое время нойд отрывает от земли голову, затем тело, и вот он уже вновь стоит, сотрясая свои руки, словно грозя невидимому врагу.

— Слушайте меня самые олмэ. Дух Еммьне-иннк мне сказал, что движется на нас большая сила иноземная и возглавляет ее коварный и злой предводитель Куйва. Огонь предвещает большую битву, в которой мы победим, но много самых олмэдите положат свои головы в ней. Есть один выход, сохранить ваши жизни, все мы должны уйти за дальнее озеро.

Словам шамана перечить нельзя, и самые олмэ сделали так, как он сказал, перебрались за дальнее шурр явьр — большое озеро, чтобы отсидеться, переждать беду.

Коварный Куйва со своей силой по тундре идет, не жалеет ни птицы, ни оленя дикого, уничтожая все на своем пути, убивая всех, кто мешал ему завоевывать эту часть Лапландии.

Среди самых олмэ молодой вождь Пас-сьтлесь Чальм — Острый Глаз был, смелый ловкий такой меххьцтэй олма. Собрал смелый охотник вождей рода своего и сказал им:

— Стыдно нам самым меххьцтэй олмэть прятаться шурр явьр тугкень, да бояться врага, когда еннь Емме стонет под пятой проклятого Куйвы иноземного. Должны мы чудь заманить кэсск сүллэе — вглубь острова Сеййть-явьр куэттка — к сердцу Сейд-озера и там перебить их, как поганых псов.

Поддержали слова вождя Пасьтлесь Чальм охотники смелые, поднялся на битву эту и стар и мал, так как даже удць пармэнч — ребенок умел лук держать, не говоря уже о лопинках.

Хорошо зная места свои, меххьцтэй олмэ заманили чудь к озеру, окружили плотным кольцом и началась тут битва не на жизнь, а на смерть. Полетели множество стрел меххьцтэй олмэ юксэнь — из луков и сразили врагов многих намертво.

Куйва воином злым был, но и в храбрости ему равных не было, и бросался так отчаянно он в битву, словно кровное свое защищал.

Много олмэдите положил бесстрашный враг и в месте том, где пролилась самая вэрр — кровь

саамская, превратилась она в капли красных камней.

А никто не смог уйти живым из иноземного племени, последним бился Куйва раненый.

Молодой вождь Острый Глаз загнал Куй-вуурът эл — на скалу и шамана великого призвал суд над врагом совершить.

Увидев нойда, почувствовал Куйва гибель свою и впервые страшно стало ему.

— В наказание всем непрошеным завоевателям, — стал медленно говорить шаман, — навеки веков в скале ты стой, нагоняя страх на чужь поганую.

Так наказал шаман жестокого завоевателя.

Много лет и зим прошло с тех пор, а Куйва в скале и по сей день стоит, словно чар — грозный часовой.

Н. Большакова

Как нойд Леффък нойда Моаксана победил или почему озеро Сейдозером называться стало

Явр таввял рынтэсьт — на северном берегу озера жил нурр нойд — молодой колдун Леффък. Жил он добротнo, сытно, ни в чем нужды не знал. И дошли до него слухи, что на южном берегу озера поселился другой нойд, по имени Моаксан. Решил нойд Леффък к нойду Моаксану в гости сплавать. Приготовил рыбы, шкур, мяса оленя в подарок, погрузил все это в карбас и поплыл явр соаййв рыннта — на южный берег озера.

Встретил его нойд Моаксан, стал дары принимать. Много подарков нойд Леффък ему привез, и при виде их у завистливого нойда Моаксана нестерпимо начало ныть сердце. Погостил немного Леффък и домой засобирался.

И спросил напоследок нойд Моаксан собрата своего:

— И как это тебе все удается добывать, нойд Леффък?

Простодушный Леффък ответил так:

— А мне, брат мой Моаксан, сейд помогает, — и поплыл на свой берег.

Сейд у саамов дух, что в камне сокрыт, но в горной местности обнаружить его не легко, так как внешне ничем не отличается он от обычных валунов. Но сейд, как и человек, нуждается в пище, внимании и без всего этого может потерять свои волшебные свойства.

Знал все это нойд Моаксан и решил подглядеть, где нойд Леффък своего сейда прячет. Очень уж позавидовал Моаксан нурр нойд удаче.

Втайне причалил он к нойд Леффък рыннта — к берегу, спрятал свой карбас и стал за ним подглядывать. А нойд Леффък, не подозревая ничего, набрал из своих запасов енмушша пудзэ пуййтэ — побольше жира оленя, крови и углубился в горы. Завистник по его следу идет, не отстает. Видит он, подошел Леффък к сейду, положил перед ним подношения и стал просить удачи в рыбной ловле и охоте. Затем поднялся и в обратный путь отправился.

Только скрылся Леффък, подбежал к сейду Моаксан, все дары расшвырял и стал поносить сейда грязными словами.

Рассердился сейд на обидчика, и поднялся ураган, но не прост был и нойд Моаксан: «сильным» нойдом он слыл, силами своими связал дух сейда и обезоружил его.

Прознал про это нойд Леффък и решил вызвать нойда Моаксана на поединок. Хоть и молод был Леффък, но догадался, с кем дело имел. Раз нойд Моаксан самого сейда победил то думать надо было, что и его, нойда Леффъка, победит.

Побежал Леффък к источнику горы Кар-насурт, в ущелье вошел, воды испил и стал просить у

покровителя нойдов Сайво-Олмако хитрости победить злого Моаксана. Рассказал он ему, как обидел тот сейда, и внял Сайво-Олмако словам нойда Леффыка, наградил его силой великой и хитростью.

Встретились на поединке два нойда и обговорили условия: «Кто из них застанет друг друга в полдня в том образе, тот в нем и останется».

Выпал первый черед нойду Леффыку прятаться. Отошел Леффык в сторону и думает, в кого бы ему превратиться. Хотел было коанньт пудзэ — дикого оленя облик взять, но подумал, что нойд Моаксан сразу догадается. И принял решение стать ягелем.

Бегают нойд Моаксан, ищет Леффыка, да не может найти. Уже Пеййв — солнце на закат пошел, а все не найти Леффыка Моаксану.

Вышло время его, и вновь нойд Леффык оллмэ — человеком стал.

— Не нашел ты меня, нойд Моаксан, теперь твоя очередь прятаться. Моаксан тоже решил, кем ему стать, и обернулся в камень-валун, что на озере.

Теперь стал Леффык искать нойда Моаксана, элля чарэсьт, элля урьтэсьт — нет в тундре, нет в горах, эхт яввьр — одно озеро осталось. Побежал Леффык к озеру и приметил на нем новый валун.

Понял Леффык, что за камень стоит, и крикнул: «Нойд Моаксан, тонн лях кеддкь яврэсьт!», — что значило «Нойд Моаксан! Ты — камень на озере!»

Заходили волны сильные, соаййв нурр пиннк — южный молодой ветер подул бешено, и вошел дух нойда Моаксана в тот валун, что стоял на озере, превратив его самого в сейда на веки вечные.

С тех самых пор стали оллмэ это озеро Сейдозером называть, потому как дух сейда теперь стал там хозяином.

Ну а нойд Леффык после поединка того вновь у себя яввьр таввял рынтэсьт — на северном берегу стал жить, рыбу ловить, зверя стрелять и дары свои подносить самому Сайво-Олмако.

Надежда Большакова

Тирьмесь-юккс (радуга)

У богини Земли была дочь на выданье. Звали ее Палл Кассв. Красивая была девушка, умная, да никто ей из парней на земле не нравился. Однажды взошла она на высокую гору, чтоб встретить рождение первой травы, и увидела молодца. Молодец тоже заметил красавицу и с первой минуты влюбился в нее.

— Кто ты будешь моджесь ниййт — красивая девушка?

— Я — дочь своей матери Земли, зовут меня Палл Кассе — Круглолицая, а ты кто будешь?

— Я — сын своего отца Неба и зовут меня Альм Алльк — Небесный сын.

— Что ж ты на земле делаешь, сын Неба? — смело расспрашивала молодца Палл Кассв.

— Я пришел отыскать невесту себе и, кажется, я ее уже нашел, — сказал Альм Алльк.

— И кто же невеста твоя, можно узнать, — любопытствовала девушка.

— Ты и есть невеста моя, Круглолицая. Ты мне понравилась, и я выбираю в жены тебя.

— Ишь ты, какой скорый, сын Неба. И меня не спросил, люб ли мне? — возмутилась дочь Земли.

— А разве Небесный сын должен спрашивать? Ты мне понравилась и будешь моей женой.

— Нет, молодец, ты завой сердце девушки сначала, а потом предложение делай ей.

— Что хочешь от меня, дочь Земли, говори, я все сделаю для тебя, — сказал Альм Алльк.

— Хочу я, чтобы ты соединил небо с землей мостом красоты невиданной. Вот тогда соглашусь я по этому мосту к венцу небесному идти. По силе тебе мое условие, Альм Алльк? — иронически

спросила девушка.

— Что ж, это интересно даже. Сын Неба завоеует любовь дочери Земли. Передай своей матери, чтоб готовила тебя под венец, — сказал молодец и исчез.

— Заволновалось сердце девушки, понравился ей юноша, но уж слишком самоуверенным он был, подумала Палл Кассв: «Надо спесь-то с него стряхнуть». Пришла в чум к матери и рассказала обо всем.

— Большая это честь, дочь моя, — сказала ей мать Земля, — если заключим мы союз с отцом Неба!

Прошло после встречи молодых несколько дней, и вот, как-то утром, выходит из чума девица и видит, поднялся в небо от самой земли мост из хрусталя, а по нему к ней Альм Алльк спускается.

— Что, красавица, нравится ли тебе мой мост?

— Мост, как мост, ничего особенного, — говорит Палл Кассв. У нас на земле на озерах Мунь — Мороз такие мосты перекидывает не в пример твоему.

— Обманываешь ты меня, дочь Земли, никому не под силу такой мост возвести, — рассердился Альм Алльк.

— Спускайся сюда, давай попросим мою матушку показать тебе это чудо великое.

Вышла мать Земля, повела по воде озера своей волшебной палочкой и увидел Альм Алльк чудеса из чудес.

Вэдзчалмэнг вэдзчалмне летит—снежинка к снежинке лети, узор плетет. Куэллт я чурмас — снег и град падают, возводя небывалой красоты сооружения. Лед воду заковывает в прекрасный мост, и все при этом искрится, серебрится, играет переливами разными.

— Что это? — спрашивает сын Неба.

— Это на землю Талльв — Зима пришла, — сказала мать Земля.

— Хорошо, ваш мост не хуже моего, только после этого все равно не откажусь от тебя, Палл Кассв. Я сумею сделать такой мост, какой вы на земле еще не видели, — сказал сын Неба и исчез вместе со своим мостом из хрусталя.

Проходит еще несколько дней, и вновь Круглолицая, выходя из чума, обнаруживает мост, только теперь он из разноцветных камней. Идет по нему Небесный сын, улыбается.

— Что, дочь Земли, хороший мост на этот раз я выстроил?

— Красивый, ничего не скажу, да только красота его холодная, таких красок в тундре видимо-невидимо и ото всех них теплом и жизнью веет, — ответила девушка.

— Значит, не нравится тебе мой мост, — рассердился сын Неба.

— Нравится! Такая красота не может не нравиться, да только души в ней нет, — смягчила разговор Круглолицая. — Иди сюда, моя мать покажет тебе красоту земли.

Вышла мать Земля, повела своей палочкой и стала вода картины рисовать. Вот тундра цветет, ягель узоры плетет и все цвета живут, дышат теплом и светом, не то что бесчувственные камни на мосту сына Неба.

— Да, это красота живая и ни с чем не сравнимая. Нет у меня на небе такой красоты, а значит и не с чего мне тебе этот мост выстроить, Палл Кассв, — расстроившись, признался Небесный сын.

Потеплело на сердце у дочери Земли, и сказала она ему:

— Но ведь тебе никто не запрещал использовать дары земли. Может, ты на ней найдешь то, что необходимо для твоего моста.

— Спасибо тебе, Круглолицая, что надежду оставила мне, об этом я подумаю, — сказал молодец и вновь исчез, а мост в воздухе растворился, словно его и не было.

Ждет Палл Кассв месяц, не появляется Альм Алльк, ждет второй, опять его нет. Расстроилась уже девушка, подумала, что обиделся молодец и больше уж не придет к ней.

А Небесный сын ходит по земле, цвета собирает для своего будущего моста.

Руппсьесъэввын — красный цвет у ягод тундровых — брусники, клюквы да гром-ягоды попросил.

Ручкесь — желтый у цветов, что растут на озере и около, да еще добыл цвета морошкового. Суйн-эввын — салатový у листочков дерна шведского. А руэнн эввын — зеленый цвет с листьев деревьев

и травы собрал. Алехь и чуввесь алехь — синий и голубой позаимствовал у рек и озер. Ну и последний цвет фиолетовый подарили ему цветы вереска,

Наплел он кукесь пуагкнетъ — пояса и окрасил каждый в определенный цвет. А пока он цвета собирал да пояса плел, на землю дождь пошел, землю омыл. За это время Альм Алльк работу закончил, встряхнул цветные пояса и перекинул их от края до края земли. Получилась у него Тирмесь-юккс, что означает радуга.

Отражается свет в каплях дождя и играет радуга цветами яркими, словно живая вся.

Вышла Палл Кассв из чума и увидала чудо невиданное. Перекинулся цветной живой мост через землю всю, от озера до озера и дошел вершиной своей до неба самого.

— Яннъ-ням, яннъ-ням, выйди, выйди из чума сюда, погляди какой, мост красоты не высказанной сын Неба сотворил. Неси мне, яннъ-ням — дорогая моя мамочка, подвенечный наряд, мой возлюбленный дожидается меня на вершине моста.

Снарядила мать Земля свою дочь и благословила на замужество.

Идет Палл Кассв по Тирмесь-юккс, радуется, значит, любовь пришла в сердце молодца, если для нее он чудо из чудес совершил.

Протянул руки сын Неба к девушке и сказал ей, встречая на вершине моста.

— Тиррв ялак, малса Палл Кассе! — Здравствуй, милая моя Круглолицая!

— Тиррв, тиррв, Альм Алльк.

— Научила ты меня, Палл Кассв, цвета земли любить, научила красоту ценить и за это шурр пассьпе — большое спасибо тебе. И спрашиваю я тебя, согласна ли теперь за меня замуж идти?

— Согласна, любимый мой Альм Алльк, потому что люблю только тебя одного.

Сыграли мать Земля и отец Небо свадьбу детям своим, и зажили они счастливо, а радуга, как вечный символ любви между Небом и Землей, стала появляться каждый раз, как дождь пройдет.

Надежда Большакова

Нойд-роавк

Просватали лопины девушку-сироту за нойда-колдуна старого и уж день свадьбы назначили, а нойд возьми да помри. Боятся лопины колдуна хоронить сами и позвали они нурр нойд — молодого нойда с другого острова. Молодой-то нойд не искушенный в этом деле был и, не понимая всей тяжести поступка своего, дал согласие.

Увез он покойника подальше от становища да и похоронил его, как простого лопина. Того нойд не знал, что хоронят колдунов вниз лицом, чтоб, значит, они из земли выхода не нашли, да беды не наделали.

Пришел нурр нойд в становище и объявил, что похоронил нойда честь по чести, как и положено, и все в селе успокоились.

Прошло какое-то время, Оанэсь, та самая нийт — девушка, полюбила лопина по имени Одгэм, и решили они судьбы свои соединить. Перед свадьбой снится Оанэсь сон, а во сне приходит к ней мертвый нойд и говорит:

— Не можешь ты за другого замуж идти, моя ты нареченная, и завтра я приду за тобой.

Проснулась девушка вся в холодном поту, побежала к жениху своему Одгэму и рассказала свой сон. Жених ее лопин умный был, решил он ну рр нойда сходить и выпросить, как тот их шамана похоронил.

Нойд, ничего не ведая, рассказал ему все, как было, и понял лопин, что дело предстоит не шуточное и не напрасны страхи его невесты, потому как грозит ей большая беда.

Пришел к Оанэсь и говорит:

— Нойд, что в нашем становище жил, роаввком стал, что значит упырь или живой мертвец. Сон тебе этот, ниййт, вещий. Собери пожитки, что-нибудь поесть, и бежим из становища. Когда-то в детстве мне дед мой рассказывал, если кто от роаввка спасается, надо тому три реки перейти, и тогда роаввк силу потеряет и оставит преследуемых. Сумеем мы с тобой эти три реки перейти — живы будем, нет — роаввк нас обоих убьет.

Запряг самых быстрых и самых выносливых оленей Одгэм, села Оанэсь в сани, и помчались олешки на ноги тундру наматывать. Едут весь день, а до первой реки еще далеко.

— Смотри, Одгэм милый, ночь на тундру спускается, скоро ль до реки доберемся мы?

— Скоро, скоро, моя любимая, — успокаивает Оанэсь Одгэм.

В это время роаввк из могилы встал и пошел в становище. Зашел в чум, где его невеста жила, и не нашел ее. Приложил роаввк ухо к земле и услышал, что парень с девушкой убегают от него. Понял роаввк, что обманула его Оанэсь-невеста, и разъяренный помчался за ней. Бежит долго, всю ночь бежит.

Вот уж упряжка с молодыми к реке подъезжает, и в этот самый момент Пеййв — солнышко из-за горы вышел и загнал роаввк в землю вновь.

— Слышал, любимый, роаввк дыхание за нашей спиной? — спросила испуганная Оанэсь.

— Слышал. Хорошо, что Пеййв вовремя подоспел.

Перебрались они через речушку по мелководью, сели в сани, и понесли олешки их по тундре опять. За много верст лежит река, успеют ли?

Целый день бегут олени, не останавливаются, вот уж полночь надвигается, а реки еще не видать.

Поднялся роаввк из-под земли и устремился в погоню за беглецами. Перекинул он дерево через первую речушку и без труда перешел ее. Снова бежит он быстрее быстрого. Вот-вот нагонит молодых. Хоть и далеко еще роаввк от невесты и жениха, да только топот его они уже слышат за своей спиной.

Остановил тогда парень оленей, срубил осиновый кол и стал чертить кресты вокруг упряжки своей. Большой круг из крестов сделал, а сам, Оанэсь да олени в кругу том остались, стоят, не двигаются.

Видит роаввк, что догнал молодых, и обрадовался. Сейчас, думает, расстерзаю я их. Да не тут-то было! Наткнулся он на круг из крестов и не может внутрь попасть. Бегаёт, кричит, страх наводит.

Зарылась Оанэсь в шкуру оленью, чтоб не видеть и не слышать его, да от жути не умереть. А Одгэм смотрит, не придумает ли роаввк хитрость какую и не перейдет ли круг. Но вот Пеййв вышел, и опять роаввку пришлось в землю уйти.

Спешат молодые, вот уж через вторую реку перебрались, да и до третьей немного осталось. А тут ослабили олени от гонки такой и упали, не могут шага больше сделать. До реки немного осталось, бегут Оанэсь и Одгэм к ней, да только нигде лодки поблизости не оказалось, чтоб перебраться на берег другой.

Роаввк же, перебравшись и через вторую реку тем же способом, как и через первую, достигает уже берега третьей реки.

Увидел парень, что близко роаввк, подтолкнул Оанэсь в воду и приказал, чтоб старалась вплавь

достичь другого берега, где роавк уже будет не страшен. Сам тоже не мешкая прыгнул и поплыл.

Видит роавк, уходят от него молодые, и решил на дереве за ними плыть. Хотя и боится он воды, да только злоба его сильнее страха. Вот он вырвал два дерева из земли, перекрутил ветки их и, забравшись на них, поплыл догонять парня и девушку.

Увидел это Одгэм, подумал: «Плохо дело» — и решился обхитрить поасс — злобного роавка. Нырнул он под воду, раздвинул деревья на которых роавк стоял.

Роавк в погоне за нийт выпустил из виду Одгэма и не увидел, как тот под него поднырнул. Раздвинулись деревья и полетел роавк прямо в воду. Зашипела, забурлила вода и сожгла страшного роавка.

Парень с девушкой на берег выбрались. Тут, в самое время, Пеййв из-за горы вышел, обогрел их своими лучами солнечными.

Так молодые освободились от преследований нойда и зажили далее счастливо.

Надежда Большакова

Сказка о том, как земля у саамов рост забрала

— Дедуля, дедушка, расскажи сказочку.

— Про что ж вам, внучатки, сказку рассказать? Поди-ко, вы все сказки уже знаете!

— Ты нам про жизнь саамскую, что раньше была, расскажи.

— Эвон, вы куда погибаете. Что ж, раз хотите знать, как жили наши прадеды, поди, расскажу.

Саамедна — земля саамская раньше была богата всем. Оленей видимо-невидимо на ней паслось, зверя разного, птица большая и мелкая водилась, а уж рыбы в озерах, хоть пригоршней лови... Жизнь была — что тебе рай!

Люди с дальних земель боялись Севера, считали места наши дикими, гиблыми. Зато саамам привольно жилось.

Мне рассказывал мой дед о том, что крепкий был тогда народ саамов — высокий, породистый.

Только прознала про богатства саамедны чудь проклятушая и нагрязнула неожиданно. Оленей побила, меха забрала, мясо, рыбу поела всю. Кто из саамов успел в лес убежать, тот и сохранил добро свое.

Так и повелось, поживут, поживут сама, только успеют зверя наловить, меха добыть, одежды себешить, чудь тут как тут.

И решили тогда прадеды наши у Матери-Земли убежище просить. Развели шурр тол — большой огонь, закололи оленя могучего и принесли его в жертву Богине Земли.

Носится вокруг шурр тол шаман, заклинания шепчет разные. Повалились на колени оллмэ — люди и стали Мать-Землю просить:

— Еммьне еннь пялэшть минэть! — это означало: Мать-Земля защити нас! Позволь в твоём теле спрятаться.

Услышала Земля саамская мольбу детей своих и укрыла их от врагов бесчисленных.

Чудь вновь в тундру пришла, да только ни одного саама не сумела найти.

А лопари в земляных своих домах живут, как мышки в норках сидят и бед не знают.

Устала чудь от поисков и подалась в свои леса дремучие, но по всей саамской земле посты свои расставила.

Саамы боятся из-под земли выходить, выдать себя чуду-юде проклятушему. Только самые смелые охотники покидают подземные домики и идут, чтобы мяса да шкур добыть.

Долго жили саамы под землей, уж и дети новые народились и тесно им в чреве Земли-Матери стало, не хватало воздуха, да и солнечные лучи под землю не проникали совсем.

И решили тогда вожди саамские войну чуди объявить. Как только чудь где-нибудь появлялась, тут ей и конец приходил. Сама земля стрелять, убивать чудь стала, потому как из укрытий своих били чудь наши прадеды.

И прогнали ворогов с земли своей.

А когда вылезли из-под покрова материнского увидели, дети, что народились под землей, совсем небольшого росточка все. И сказал своему племени шаман, что это Земля-Мать у саамов рост забрала, за то, что прятала их столько лет.

Но не расстроились лопари. Рост они потеряли, зато племя свое сохранили и землю саамеедину от чуди спасли.

— Дедушка, дедушка, а земля наша всегда такой богатой будет, как раньше была? — спросили деда любознательные внуки.

— Нет, внучатки, не такой уже стала наша тундра. Старые лопари говаривали-чудь для тундры не так страшна, а вот настанет время в тундру машины придут, вот те и погубят ее, родимую.

— Как же так, дедушка, ведь машины пришли уже, значит погибла тундра?

— Тяжелое время для тундры пришло, деточки. Веками саамы ягель берегли, на одном месте не пасли оленей больше положенного срока. А сейчас забыли об этом, сочные ягельники уничтожаются все. Не будет ягеля, олень пропадет, олень пропадет, сааму нечем жить станет. Вы — молодые, вот и подумайте, как тундру спасти.

Надежда Большакова

Судьба, выпрошенная у Имьлесьт-бога.

Имьлесьт лев алльк я нийт - у Бога были сын и дочь. Жили божьи дети в небесном чуме и мечтали никогда не расставаться друг с другом. Но вот Иммель решил просватать их. Вызывает к себе и говорит:

- Дети мои, вы уже взрослые, пришло время выдать вас замуж и обженить. Нашел я тебе, Пеййв, невесту среди планет, имя ей Лебедь, а тебе, Манн, в женихи хочу посватать Сириуса.

Заплакала тут Манн-Луна, запричитала:

- В чем мы, батюшка, перед вами провинились, что хотите вы нас с братцем-Солнышком разлучить? У нас есть мечта единая - на одной планете жить и друг друга во всем поддерживать.

- Но где же взять мне такую планету вам, дети мои, чтоб на ней жениха сыскать да невестушку?

- А вы подумайте, подумайте, батюшка, поищите. Может, и найдете что подходящее, - поддержал сестру Пеййв.

- Хорошо, дети. Раз такое у вас желание, я готов пойти на уступки.

Стал Иммель думать, вспоминать планеты разные, открыл книгу свою небесную и увидел в ней планету подходящую, на две части разделенную и подумал: "Вот то, что детям моим надобно". Вызвал их к себе и сказал:

- Нашел я планету вам, под общим названием Земля. Есть у Земли дочь Южанна на выданье, есть

и сын молодец, что Севером прозывается. Познакомьтесь с ними и, если милы они вам, заключу я с Землей вечный союз.

- Ах, отец вы наш великий Иммель-айя, рады мы тому, что вы предлагаете и согласны с вашим решением.

Иммель и Земля сыграли детям свадьбы пышные. И зажили привольно и весело Пеййв с Южанной, Манн с Севером.

Через время родила Южанна Пеййву двух близнецов, мальчиков, и назвали они их Белый День и День Солнечный, а у Луны родилась одна дочь, и назвали ее Ночка Полярная.

Росли пареньки быстро и весело, частенько тетю проведывали, что не скажешь про Ночь Полярную. Нелюдимой она росла, застенчивой, никогда не ездила она в гости к Пеййву-дядюшке и боялась его, как огня.

Вот однажды Луна, гостя у братца своего, порадовалась изобилию растительности, множеству плодов, птице и зверю разному.

- А у нас нет совсем всего этого, возлюбленный мой братец. Мой муж Север тем и славен, что умеет пургу напустить или снегом завалить, засыпать все и вся. Дочь нелюдимой растет, неласковой. При порядке таком, где уж чему-то у нас вырасти.

- Что ж ты раньше, сестрица моя, на заботу свою не пожаловалась. Ведь у нас два сына уже взрослые. И когда светим мы все, жара и сушь стоит невыносимая и то, чем только что восхищалась ты, погибать начинает. Поэтому вот что я тебе скажу, сестра: "Буду я к тебе сына своего Белый День месяца на три посылать, сам начну почаще заглядывать, глядишь, и тебе польза выйдет, и нам от жары облегчение".

- Как уж хорошо было бы так, братец мой Солнышко.

Как решил Пеййв, так и сделалось. На все лето уезжал Белый День к тетке гостить, а отец частенько наезжал его проведывать, хорошо ли сын его там справляется. И чем чаще Солнце сына навещал, тем обильнее урожай был у Севера и Манн.

С шумом таял снег на озерах и реках весной, цвел багульник, из земли трава пробивалась, зрели ягоды. Птицы бойкие птенцов высиживали, из-под мха появлялись грибы головастые. Так в чар-тундре жизнь за лето короткое расцветала красками радуги.

Душа Луны ликовала теперь, ведь и ее часть планеты, хоть на не долгие три месяца, но превращается в прекрасный цветок.

Белый День старался светить: понимал он, что за время его пребывания здесь все должно успеть расцвести и плод принести. Знал Белый День, что как время его закончится, выйдет сестра из укрытия, и все вновь во тьму холодную обратит.

И точно: как только лето кончалось, вновь из чума Ночка выглядывала, торопя братца Белый День

отправляться домой и поглощая все в темноту свою. Ее время приходило хозяйничать.

Ничего не поделаться тут, коль у Луны и Севера такая дочь уродилась. Отец очень любил свою доченьку Ноченьку, забавлял ее снегами да вьюгами, заставлял нянек Метель да Пургу песни ей петь колыбельные.

Так вот и по сей день брат с сестрой Пейв и Манн на планете единой живут, одна замужем за Севером, другой на Южанне женат. И ни один из них не пожалел еще, что такую судьбу у Иммель-отца выпросили.

Надежда Большакова. Подарок чайки (Сказки о Лапландии). г. Кола, "Русский Север", 1994.

О зеркале и снежном ожерелье

Однажды Хозяин Тундры Талл ловил в стремнине лосося: подкарауливал рыбину и сильным ударом лапы вышвыривал на берег - то есть самым обычным медвежьим способом. Летевшая мимо птичка Чудзай - посланница Иммеля, небесного повелителя - решила подшутить над ним. Она присела на высокую ель и обратилась к Таллу:

- Зачем ты мутить воду в реке? От ударов твоих лап идут волны, они докатываются до плёса и возмущают его гладь. А ведь в воды плёса как в зеркало смотрится любимая дочь повелителя Иммеля - Рана-нийта. Что-то она скажет, когда вместо своего прекрасного лица увидит исковерканную маску? Уж верно не обрадуется, и от этого не будет добра ни людям, ни зверям!

- Какое мне дело до людей? - ответил Талл, с неохотой отвлекаясь от рыбалки. - Если людям так важно душевное спокойствие Рана-нийта, то пусть они оторвут зады от оленьих шкур и принесут ей в дар нормальное зеркало, которое выменяют у поморов или норгов на те же шкуры. И если уж на то пошло, то пусть-ка Иммель наперво запретит богу ветра Пиннк-олма раздувать щёки так, что качаются вековые ели - от ветра волны поднимаются гораздо сильнее, чем от медвежьей рыбалки!

Рассмеялась птичка Чудзай:

- Разве ты не знаешь, старый и мудрый Талл, что бог ветра не просто так качает ели в тайге - их верхушки щекочут пятки Иммелю, и от этого у него улучшается настроение.

- Не пытайся меня запутать, глупая птица! - рассердился Талл и треснул проплывавшего лосося с такой силой, что тот вылетел из воды к самому небу и чуть не сбил с ветки птичку Чудзай. - Если из двоих - Иммеля и его дочери - одновременно может быть доволен лишь кто-то один, то в этом никто более не виновен!

- Таки послушайте меня, уважаемые, - вдруг прошелестел примостившийся на еловых ветвях лосось. - Кажется, я знаю, как можно решить создавшуюся проблему. Я сам отправлюсь к Рана-нийта и, глядясь в мою серебристую чешую, она утратит интерес к водной глади. А чтобы она развеселилась еще больше, я попрошу своих братьев собрать ей в подарок ожерелье из белого снега, что лежит на вершинах гор и, истаивая, питает наши реки и озера. Проводи же скорее меня на небо, о быстрокрылая птичка Чудзай!..

Хитрый лосось не сказал всей правды: ему просто очень хотелось оказаться поближе к жилищу богов и жить с ними одной жизнью (по его мнению - гораздо более привлекательной, чем обычное рыбье бытие). И ему почти удалось провести даже мудрого Талла, не говоря уж о маленькой птичке Чудзай, как вдруг та неожиданно обернулась самой Рана-нийта, прекрасной дочерью небесного владыки.

- Что ж, - сказала богиня-дочь, обращаясь к лососю, - Ты хочешь на небо? Будет тебе небо!
И с этими словами она схватила рыбину за хвост и забросила высоко-высоко, обратив в молодой месяц. А после этого сама поднялась в жилище отца и устроила скандал по поводу ветра, в результате чего Пиннк-олма ничего не оставалось, как прекратить резвиться в тайге и улететь к вершинам гор, прислав Рана-нийта в знак покорности прекрасное снежное ожерелье.
С тех пор в воде серебрится лунными ночами лосось чешуя, в спокойных водах плесов отражается снежное ожерелье Рана-нийта, а старый Иммель сам чешет свои пятки.

Морская бабушка

С давних пор на берегу Териберской губы, заливе морском стоял погост. В те времена одни саамы там жили.

Морским промыслом занимались, рыбу ловили. Лодки у них деревянные, оленьими жилами шиты, маленькие такие, верткие. Трудно на этих лодках рыбакам в плохую погоду. Баренцево море суровое, шторма на нем частые. В плохую погоду и в губе не укрыться. Волны в ней гуляют - почище чем в открытом море.

Собрались как-то саамы и стали думать: не поискать ли другое место для погоста. Уж больно открытая для всех штормов и ветров Териберская губа.

А жила в этом погосте Моресь-аканч - Морская бабушка. Слушала-слушала и говорит:

- Мой прадед в этом месте рыбу промыслял, и дед, и отец, и муж, а теперь вот сыны и внуки.

Стыдно мне вас, рыбаки, слушать. Кто же это из родных мест уходит?

Заспорили с ней рыбаки.

- Ладно.- говорит Морская бабушка,- избавлю я вас от непогоды, от бурь.

Не поверили ей саамы.

- Как же ты избавишь нас от непогоды?- спрашивают.

- Скоро увидите.- ответила старушка.

- Нет,- говорят саамы,- скажи, где ты защиту возьмешь?

- Возьму я ее у Цып-Наволока и приведу в Териберку.- сказала бабушка.

Вот так бабушка! Что надумала!

А она говорит:

- Вы спать ложитесь и из вежей не выходите, на море не смотрите, пока я вас сама не позову.

Пообещали саамы сделать так, как старушка велела, и спать пошли.

Развела Моресь-аканч большой костер, положила в него треску. Суп варит, китовым плавником помешивает, да слова тайные говорит. Поднялась на море страшная буря, на землю и на воду густой туман пал. Морская бабушка вмиг по нему до нужного места добралась, оторвала от полуострова Рыбачьего большой кусок земли и поплыла на нем по морю на восток, к Териберке. А тут и утро настало. Небо прояснилось. Туман рваными клочьями пошел да и весь растаял.

Плыват земля мимо устья Кремневой реки. А в устье том саамское поселение - Пошгост Истертой Скалы. Его так называли, потому что скалы там штормами сильно разбиты были. Саамские женки рано поднимаются. вышли две женщины поглядеть на море, не пора ли мужей поднимать, да за рыбой отправлять. Видят: земля плывет.

Закричали они:

- Люди, просыпайтесь! Чудеса делаются! Было на море чисто, теперь земля на нем появилась!

Выбежали саамы из своих веж - и глазам не верят. Стоит против их погоста большой остров.

Кильдин он теперь называется.

Вот как все получилось. Не знали женщины те: нельзя было кричать, когда плывущий остров увидели.

Кусок земли тот от человеческого крика и остановился. А Моресь-аканчь, что на нем плыла губу Териберскую от непогоды защитить, вмиг окаменела. И стала она главным морским сейдом, добрым духом моря. Много раз саамы-промышленники к каменной бабушке ходили, китовые позвонки ей в подарок приносили, рыбу всякую.

И всем она удачу в морском промысле давала.

Много лет прошло, столько, что и не сосчитать. Стоит и стоит сейд - большой камень, над морем возвышается. Да только однажды шел мимо острова военный корабль. Увидел капитан в бинокль: камень над морем стоит. Стал у матроса, что из местных, спрашивать, что за камень такой. Тот и рассказал эту историю про сейд-бабушку. Посмеялся капитан. И велел по тому камню из пушки пальнуть.

И по сей день стоит Моресь аканчь на том же месте, только груда обломков от той пальбы вокруг нее. А она сама цела-целехонька.

Вот как бывает.

"Семилетний стрелок из лука" Е.Я.Пация

Два брата

Лапландцы рассказывают, что вначале Ибмел, бог богов, сотворил двух братьев. Они жили вместе в стране гор и болот. Зима была не слишком суровой. Затем появился первый буран, угрожая похоронить этих двоих людей. Один из них быстро смекнул, что делать: он нашел в горах пещеру и скрывался там, пока не закончилась буря. Его брат остался под открытым небом, упорно борясь за жизнь. От него произошли лапландцы, выбравшие для своей страны самую холодную землю. Тот, кто нашел укрытие, был предком южан.

Роберто Боси "Лапландцы. Охотники за северными оленями"

Улда

Мир лапландцев населяли не только злые духи. Были также и Улда, в некоторых местах известные как Халде. Это были добрые духи, они заботились о медведях, когда те впадали в зимнюю спячку, обеспечивая их свежей пищей. Улда жили под землей и в озерах, которые считались саиво – счастливыми. Лапландцы были убеждены, что каждое место, где были похоронены их сородичи, было саиво. Улда ездили на санях, запряженных белыми северными оленями с тысячью серебряных колокольчиков, и их сопровождала стая собак, которые выли не переставая, особенно ночью, когда какая-либо хозяйка не позаботится о том, чтобы Улда расположились на поверхности земли, около стоянки живых людей. Люди, которых Улда действительно любят, имеют черные волосы и острый язык. Однажды эти Улда поднялись наверх из недр земли, подошли к ближайшему лапландскому лагерю и унесли детей, оставив взамен своих собственных (сказать по правде, довольно уродливые маленькие существа).

Наступило утро. Лапландская мать увидела, какую злую шутку сыграли Улда. Что же делать? Она сорвала несколько ветвей можжевельника и выпорола маленьких пришельцев. Женщины Улда не могли не услышать жалобных криков их собственных детей, поэтому они отдали украденных. Но впредь ради безопасности лапландская мать вешает нож рядом с маленькой колыбелью сыновей или иглу – рядом с колыбелью дочерей.

Некоторые Улда жили в горных озерах и были чем-то сродни эльфам и гномам, которые встречаются в фольклоре многих народов. Эти Улда были очень суетливыми и раздражительными маленькими существами, и люди должны были считаться с их капризами. Например, рыбаки, плававшие по спокойным северным озерам, должны были бросить монету в воду, чтобы умилостивить Улда, которые обитали в глубинах и при желании могли помешать хорошему улову. В конце концов, на дне озера собиралось довольно много мелких монет, ёре, и в ответ Улда могли проявить к человеку благосклонность: шепнуть женщине, собирающейся стать матерью, или ее шаману наилучшее имя, которое можно дать новорожденному ребенку. Они могли сделать богатыми.

Часто в ночной тишине пастух северного оленя мог услышать цокот копыт стад Улда, проходящих под каким-нибудь склоном. Если бросить кусок железа в их направлении, то олень Улда превратится в настоящего северного оленя, которого пастух может получить в свое владение.

Однажды один лапландец встретил в горах прекрасную молодую женщину. В порыве чувств он взял свой нож и бросил его над своим плечом. Девушка стала его возлюбленной, и он женился на ней. Он научил ее своему языку, и она рассказала ему, что стояла в том месте, где можно получить великое богатство, и убедила его пойти туда. Но прежде молодой человек должен был лечь, положив голову на ее колени, держа глаза закрытыми, и попытаться заснуть. Все это он проделал. Вскоре, услышав сильный топот копыт северного оленя, он открыл глаза. Стадо было настолько большим, что нельзя было увидеть, где оно заканчивалось. Но в тот же момент юноше стало ясно, что если такое богатство станет его, то он навсегда останется в повиновении у своей жены и не сможет делать ничего без ее приказа.

Роберто Боси "Лапландцы. Охотники за северными оленями"

Гигант Стало

Из всех чудовищ и гигантов, которые жили в далеких лесах Лапландии, самым могущественным и огромным был Стало. Его женой была Лутакис. С ее плеч свисала колыбель, в которой было несколько ужасно надоедливых детей. Молодые члены этой семьи имели в центре лба один-единственный глаз, что отличало их от нормальных лапландских детей. Однако очень немногие лапландцы боялись Стало. В старинных преданиях они всегда высмеивают его. Однако Стало служил одной полезной цели – им можно было пугать непослушных детей. Он был старый-старый великан-людоед, который наблюдал за всем, что делал ребенок, и мог появиться из ничего всякий раз, когда это ему заблагорассудится. Лапландцы рассказывали своим детям, что Стало и Лутакис (в некоторых местах Рутакис) были не только поедателями ящериц, но и похитителями детей, которых они запирают в загоны, как северных оленей.

Каждый раз, когда лапландцы покидали место стоянки, они заботились о том, чтобы оставить для Стало воды. Тогда людоед остановился бы напиться воды, что помешало бы ему нагнать семьи, которые мигрировали за северным оленем. В некоторых регионах Швеции лапландцы полагали, что Стало охотился за человеческим мозгом. Он и его жена, особенно во время Святок, искали какого-нибудь молодого человека, чтобы убить его.

Однажды гигант наблюдал за несколькими лапландскими детьми, спускавшимися на лыжах с холма. В голову ему пришли дурные мысли. Он взял какие-то сети и сделал западню, чтобы

поймать детей. Но их отец обладал острым зрением и вовремя увидел Стало. Поняв, какую беду детям готовило чудовище, он, ни секунды не колеблясь, погрузился в ближайшее болото. Надлежащим образом промокнув, он позволил поймать себя в сети, которые Стало предназначал в качестве ловушки для его детей.

Гигант обнаружил сеть полной движущимися цветными пятнами – это был лапландец в своей яркой разноцветной одежде. Но к тому времени, когда Стало вынул его из западни, его тело замерзло. Стало торжественно понес его к хижине, где его жена готовила ужин. Лутакис схватила лапландца и подвесила его над огнем, чтобы тот оттаял. Стало начал искать кастрюлю, чтобы в ней сварить его. Тем временем его сын заметил, что лапландец оправился: он двигал глазами и шевелился. Сын Стало позвал свою мать, однако внезапно лапландец соскользнул с веревки, на которой висел, и ударил сына Стало по голове, повалив его. Затем настал черед его матери. На шум явился Стало, который тут же был ослеплен кипящей водой из котла. Теперь лапландцу не представляло никакого труда убить также и гиганта, после чего он возвратился живой и невредимый в свою хижину.

Роберто Боси "Лапландцы. Охотники за северными оленями"

Ослепление Стало

Молодой лапландец, потерявшись в непроходимом лесу, набрел на хижину, где жил гигант Стало. Хозяин принял гостя и предложил ему присесть у огня. Однако вскоре лапландец уловил в глазу гиганта злобный огонь. Предупрежден – значит, вооружен, и гость тут же придумал план.

«Если я посмотрю в огонь, – сказал он, – я увижу золото и серебро».

Стало удивился.

«Ничего странного в этом нет, – ответил лапландец. – Любой может увидеть то, что я вижу. Все, что он должен сделать, – это вложить в свой глаз немного свинца».

«Это все, что нужно сделать?» – спросил Стало.

«Да, конечно», – сказал хитрый молодой лапландец.

Стало минуту подумал. Затем сказал:

«Ты должен вложить немного свинца в мой глаз».

Молодой лапландец попросил, чтобы тот лег. Затем, после того как он расплавил немного свинца, он влил его в глаз гиганта. Стало взвыл и завизжал, и земля под ним затряслась. Вскочив на ноги, он понял, что полностью ослеп. Мало того, что он не мог увидеть никакого золота и серебра, он не мог увидеть никакого огня! Он попытался схватить лапландца, но, разумеется, лапландец без труда увернулся от его рук. Стало подумал, что пришла его очередь проявить немного хитрости.

«Выгони коз», – сказал он, занимая место у двери и расставив ноги.

Чтобы выйти из хижины, козы одна за другой должны были пройти мимо гиганта, и Стало ощупывал их руками.

«Теперь козел», – скомандовал он.

Последнего козла лапландец убил, натянул на себя его шкуру и на четвереньках прополз между ногами великана.

«Отлично, – сказал великан, – теперь иди ты».

Но молодой человек был уже за пределами хижины и весело кричал:

«Я уже ушел».

Стало почувствовал себя побежденным. Только его сыновья, казалось ему, могли теперь взять верх над этим хитрым гостем. Он попросил лапландца, чтобы тот сообщил ему свое имя.

«Конечно, я скажу тебе, – ответил лапландец. – Мое имя – Я сам». И как только он сказал это, тут же убежал. Когда вошли сыновья Стало, они увидели, что их любимый козел был мертв. «Кто убил нашего козла?» – спросили они разгневанно.

«Я сам», – ответил Стало. После чего на него напали его сыновья и убили его.

Роберто Боси "Лапландцы. Охотники за северными оленями"

Красивая Настя

Жила в саамском селе одна семья. Муж-старик, жена-старуха и их дочь – Наст красавица, которую родители любовно Наця звали. Семья жила неплохо. Олени были, овец держали, летом рыбу, ягод на зиму заготавливали. Отец Наст прекрасно сани делал для перевозки груза в поездках по тундре, лодки шил. Мать тоже мастерицей была, все в семье ходили с ног до головы её руками обшитыми, и дочь возле неё рукоделие женское постигала. Вещи, её руками сшитые, были не только теплыми, но и на загляденье красивыми. Смотрели родители на свою дочь и не могли нарадоваться.

Однажды сказал отец Наст, что посватался к ней богатый оленевод из соседнего села, осенью надо свадьбу играть. Наст заартачилась:

- Не пойду за него замуж я, старый он.

Рассердился отец, стал жену винить, что разбаловала Наст, перестала та слушаться слово отцово.

В селе, что стояло на берегу моря, жил красивый парень рыбак, и пошёл он из села в село, невесту себе искать. Пришёл в село, где Наст жила, увидел её у реки набирающей воду для ухи в котёл, и с первого взгляда влюбился. Стоит, любитесь, а Наця мимо прошла, смело в глаза взглянула, и взглядом своим точно приковала к земле. Далеко ушла, когда парень опомнился и как сокол полетел за ней вслед. Догнал, попросил воды напиться. Наця пригласила в дом его зайти, зачерпнула воду ковшом, парню подала. Парень воду пьёт, а глаз не сводит с неё. Вдруг услышал

вопрос:

- Чей ты, молодец, будешь, и куда путь держишь?

Только тут парень спохватился, что не заметил стариков-хозяев этого дома. С почтением с ними поздоровался, и сказал, что он рыбак, живет в селе у моря со своими родителями.

- А кто отец твой? – снова спрашивает старик. - Чем занимается? Кто мать? Рассказывай, мы слушаем.

- Отец мой помор, тоже рыбак, а мать, как и вы, саамских кровей. Мне настала пора семьёй обзаводиться, вот я и иду из села в село, невесту себе ищу.

Старик как услышал эти слова, запротестовал:

- Нет, нет, я свою Наця на чужбину не отдам, за богатого оленевода она у нас замуж пойдёт.

Наст заплакала:

- Не пойду я за него замуж отец, он, как и ты, старик.

Рассердился отец и выгнал парня прочь.

Тот вышел из дома Наст, но куда бы ни направлялся, ноги его вновь к дому красавицы Наст вели.

Под вечер принялся отец Наст аркан для ловли оленей мастерить, мать возле очага села, шерсть прясть, а у Нацы ни к какой работе сердце не лежит. Обидно ей, что выгнал отец того молодого парня из их дома.

А рыбак сидит неподалёку от дома Наст, протяжную песню поёт:

Красивая Наця, на сердце легла
Чёрные брови, большие глаза...
Понял я, не жить мне без этой девушки,
Изболится сердце без взгляда её.
Выйди, Наця, пожалей меня
Ла-ла-ла, ла-ла-ла...

- Слышишь, Наця, – обращается к ней отец, – как рыбак зовет тебя, какие слова находит. Ладно, не зверь я какой, оденься по красивей и беги с ним на танцы сходи, сегодня молодёжь на сирпэрртэсь собирается. А там посмотрим, можно ли за него тебя отдавать.

Наця, обрадованная милостью отца, быстро переоделась, косу переплела, одела на голову свой расшитый перьевеск и вышла на улицу. Так рядом они и пошли, а родители к окну прилипли, смотрят вслед. Мать, вздыхая, говорит:

- Красивая пара, муж, наша Наця и этот рыбак. А какие он хорошие песни поёт! Ну чем не жених нашей Наст.

Муж в ответ:

- Одной красотой сыт не будешь.

Старуха-жена сердито воскликнула:

- А сам-то забыл, с каким достатком ко мне свататься приходил? Но мой отец отдал меня за тебя, за твои песни красивые, такие же, как у этого рыбака.

Задумался муж-старик, вспомнил свою молодость и согласился, что неправильно будет любимую дочь силком старику-оленеводу отдавать только потому, что он богат.

А Наст после танцев весёлой, радостной домой пришла, призналась матери:

- Как он, мама, кадрили хорошо играл, а какие песни душевные пел, а ещё сказал, что завтра сватать меня придёт.

На следующий день рыбак и в самом деле сватать Наст пришёл.

Старик в ответ ему говорит:

- Угадаешь загадку, отдам дочь за тебя. На столе будет всяко кушанье, а что любит есть моя дочь? Приходи вечером, там и поглядим.

Вышел парень на улицу, думает, что хочет от него этот старик? К речке подошел, прилёг на траве и не заметил, как на солнышке под птичьими трели прикорнул. И привиделся ему сон. У берега озера варит Наст саамский явв. Кругом ягода морошка растёт. Наст кошёлку берестяную взяла и пошла ягоду собирать. Ходит точно по красному ковру. Наполнилась у неё кошёлка, она вновь к котелку подошла. Взяла деревянную ложку и стала ею из кошёлки ягоды зачерпывать и в суп бросать. «Ты зачем суп испортила?» – закричал он, и от крика собственного проснулся. Сел, задумался, а ведь этот сон ему на руку, теперь знает он, что Наст любит есть.

Вечером пришел в дом стариков, посадили те его за стол, а на столе чего только нет: явв в деревянной миске налит, солёная икра, большая миска с мясом стоит, морошка, вороника, рыба... Старик и говорит:

- Ну, что ж, рыбак, отведай-ка те три блюда, что дочь моя Наця любит больше всего.

Вспомнил парень свой сон. Взял деревянную ложку, зачерпнул морошку, положил её в явв и стал есть. Наст смотрит, что он ест, и сердце её радуется, а он нахваливает явв:

- Вкусный суп, такой вкусный, что век бы ел, - хотя пробовал рыбак явв с морошкой в первый раз.

- Молодец, – похвалил его старик, – угадал ты первое любимое кушанье моей дочери. Посмотрим, на что дальше твой взгляд упадёт.

А парень вспомнил, что видел однажды, как мать его солёную икру с вороникой ела и нахваливала, тогда он над матерью посмеялся, а теперь положил себе в миску, добавил к ней вороники и стал есть.

- И второе любимое кушанье моей дочери ты угадал, – похвалил его старик.

Вот, значит как, - подумал рыбак, - значит, мать ему помогла, поблагодарит при встрече её.

- Теперь тебе осталось последнее кушанье угадать, – сказал старик, и подмигнул своей старухе-жене.

Парень смотрит, взяла старуха с плиты сковороду с растопленным оленьим жиром и поставила на стол. А жир в сковороде кипит, шипит, такой горячий. Старуха парню и говорит:

- Съешь этого жирка, тогда Наця и будет твоей.

Поглядев на кипящий жир, парень подумал, что вот конец ему и пришёл. Тут возле уха комариный звон услышал:

- Смотри куда сяду я, с тем и будешь топлёный жир есть.

Уставился парень на комара, следит, на что сядет тот. А комарик весь стол облетел и на кошёлку с вороникой сел. Тогда парень смело подвинул к себе сковороду, зачерпнул ложкой вороники побольше и стал ее в жир накладывать. Как только ягода оказалась в сковороде, кипение жира тут и прекратилось, а вороника из черной превратилась в белую. Зачерпнул парень её, и принялся есть да Наст нахваливать:

- Вкусно готовишь, Наця, хорошей женой станешь мне.

Пришлось старику признать, что справился рыбак с загадкой о любимых кушаньях его дочери, и отдал за него замуж её.

Три дня они свадьбу гуляли, три дня ели разные саамские вкусности, да запивали всё настоями брусничными да морошковыми, черничными и вороничными.

И сейчас едят саамы свои национальные кушанья, так же, как их предки ели, и дети их такими же красивыми и здоровыми растут.

Софья Якимович

Перевод Надежды Большаковой

Северное сияние – длинная рука

Морозным зимним вечером дети дома играют. Печка топится. Старая старушка возле тёплой печки сидит, пряжу прядёт.

В саамской семье много детей. Отец и мать в лес на заготовку дров уехали, а молодые девушки и парни в сирпэрртэсь собрались, песни петь, да кадрили играть. С бабушкой только младшие дети сидят. Одна девочка взглянула в окно и восхищенно произнесла:

- Посмотрите, как красиво на небе Сияние играет. Какие разноцветные ленты выкидывает, точно у наших девушек с оборок сарафанов снял.

- Дай и нам посмотреть, - загалдели остальные, стараясь подлезть к небольшому окну.

Бабушка, вздохнув, произнесла:

- Не смотрите на небо, а то Воавсхэс вас на небо-то утащит. Лучше садитесь вокруг меня, буду вам сказку рассказывать. Дети подсели к бабушке, сидят тихо, сказку ждут. Бабушка отложила веретено и стала рассказывать.

Бежит по небу Воавсхэс – длинная рука, смотрит, сирпэрртэсь девушки с парнями собрались, кадрили играть, и залюбовался, как красиво одеты они! Сарафаны пышные с лентами, на головах красные перьевьски, украшенные разноцветным стеклярусом, в косах ленты яркие. Я тоже такие ленты красивые хочу,- подумал Воавсхэс, с ними стану еще красивее. Буду по небу кружиться, как эти саамские девушки. Только как мне их добыть? И придумал. Решил свою длинную руку на землю опустить и схватить девушек. А те так играли, так в кадрили кружились, что совсем запарились, выбежали на улицу, в этот момент Воавсхэс и схватил их за длинные косы, намотал себе на руку и потащил на небо за собой. На небе девушки вырвались от него, оставив в руке его только свои яркие ленты. А северное сияние давай их теми лентами на небе дразнить, то вниз побежит, то вверх взовьётся. Ленты девушек в его руке так и развиваются...

Девушки саамские, увидев свои ленты в руке Сияния, решили отобрать их у него, стали бегать за ним, да, умаявшись, взмолились:

- Отпусти ты нас, Воавсхэс, на землю домой, родители наши печалются, ждут, не дождутся своих дочерей. А если тебе ленты наши понравились, забирай их себе, только домой отпусти.

А Северному сиянию это и надо. За щедрый подарок он каждую девушку обнял, поцеловал и на землю отпустил, но когда соскучится по ним, начинает по небу бегать и их своими яркими лентами вновь к себе на небо заманивать.

Однажды, когда он вот так на небе играл, стоял сильный мороз, и девушки на улицу не выбежали. Рассердился на них Воавсхэс и позвал на помощь себе брата двоюродного – Соайвь пиннк - ветра южного.

- Для чего я тебе понадобился?- Спросил его брат.

- Да вот ждал, когда девушки из сирпэрртэсь на улицу выйдут, да со мной играть начнут, а они решили не выходить, накажи их по-своему.

И стал дуть и свистеть южный ветер так сильно, что от земли до самого неба снег поднял, а Воавсхэс этот снег стал крутить, сказав, что теперь они до самого утра из дома не выйдут. И точно, как не пытались парни с девушками дверь открыть, ничего из этого не получилось, так им до самого утра и пришлось танцевать и играть.

После этого случая стали девушки остерегаться Воавсхэса, когда он на небо для своих забав выходит...

Закончила бабушка сказку рассказывать, глянула, а самые маленькие дети возле неё прикорнули уже, поднялась их спать укладывать.

Софья Якимович

Перевод Надежды Большаковой

Лэн – мальчик с пальчик

Ходит по земле Лэн – мальчик с пальчик в красных штанишках, и волосы у него такие рыжие, как огонь в печи. Ходит Лэн, в дома людей просится, но кто его знает, никогда к себе не пускает. Однажды увидел Лэн–мальчик с пальчик, как к нему навстречу девочка идет, и захныкал, что ему холодно, стал проситься, чтобы девочка взяла его к себе в дом.

- Я с тобой в прятки буду играть. Знаешь такую игру?

- Да, - ответила девочка, и пустила его к себе, спросила, – Как тебя звать?

- Моё имя Лэн, - сказал мальчик с пальчик.

Девочка никогда не слышала такого имени, а Лэн стал говорить считалочку:

Пришёл в дом Лэн, нюэзсь нэм,
спрятался в нос, никто не найдёт.
Я вышел, а ты осталась водить.

Только девочка глаза закрыла, а Лэн и заскочил ей в нос. Откуда было девочке знать, что Лэн – это насморк. Ходит она ищет мальчика с пальчик, ищет и чихает, чихает, вычихаться не может. Устала, прилегла. Мать пришла, смотрит, как дочь её чихает, как носик её распух, покраснел, и спросила, что с ней? Девочка и рассказала матери, что в прятки с Лэн-мальчиком играла, тот спрятался, а она не может его найти.

- Глупая, ты глупая, - говорит ей мать, - кто играет с Лэн-мальчиком? Теперь придётся тебе дома сидеть, ума не приложу, как теперь того мальчика из носика твоего выгнать?

Тут к ним старичок заглянул, смотрит на озабоченную мать, на плачущую девочку и спрашивает, что стряслось. Мать поведала, как дочь по собственному желанию в нос к себе Лэн-мальчика впустила. Выслушал ее старичок, и сказал, чтобы не беспокоилась, он этого Лэн-мальчика быстро выгонит.

- Выгони, - умоляет мать, - мы всю жизнь тебя добрым словом поминать будем.

Вытащил старичок из кармана деревянную табакерку, постучал по бокам её, и спросил:

- Ну, кто тут без дела сидит?

А ему в ответ:

- Это я, крепкий Табачок.

- Знаю, знаю, какой ты крепкий и злой, - говорит старичок. – Вот девочка плачет, тебе нужно ей помочь, выгнать из её носика Лэн-мальчика.

- О, я давно его ищу,- отвечает старичку Табачок, - для того и живу, чтобы бороться с ним. Насыпал из табакерки старичок Табачок на ладонь и приказал девочке подойти.

- Ну-ка, милая, вдохни себе в носик моего Табачка.

Шмыгнула девочка носиком, вдохнула в себя Табачок, и как начала чихать. Чихает, по дому бегают, а в её носу борьба Лэн-мальчика с Табачком идёт. Кто кого победит. Вскоре обессилел Лэн-мальчик, не выдержал напора Табачка и выскочил на пол, а от красных штанишек только лохмотья остались. Старик наступил на него ногой, и лишь мокрое место от мальчика-насморка осталось.

Вот так и победил ядрёный Табачок Лэн мальчика. После этой борьбы девочка выздоровела, поправилась, а со временем выросла в красивую девушку, но на всю жизнь запомнила доброго старичка и его крепкий Табачок.

Софья Якимович

Перевод Надежды Большаковой

Плач сосульки

В одном селе жили бабушка и дедушка, дом их стоял на берегу реки, и потому летом дед рыбу ловил, а зимой на охоту за куропатками ходил. Вместе с ними жил и их внучок Оця, который с дедом на лыжи вставал и бежал делать силки из ниток, привязывая их к веткам берез, а на следующий день проверял, не попался ли кто. Охота хорошей была. Собирали они с дедом со снега куропаток, запутавшихся в силках, привязывали к поясу, и возвращались довольные домой. Дома их ждала бабушка, приготовив горячий чай. Как-то Оця пожаловался ей:

- Ох, и надоела мне эта длинная зима, когда же весна придёт?
И за чаем рассказала ему бабушка сказку о весне.

Давно это было. Жил на Севере злой колдун. Захотел он в жены взять красивую и добрую девушку по имени Каця, но девушка отказала, сказав, что есть у неё уже суженый, за которого она замуж и пойдёт.

Рассердился колдун на девушку и заморозил всё и вся вокруг неё. Спряталось солнце, наступила тьма. А Кацю за отказ в сосульку превратил. Вот так висит сосулька на крыше своего дома, хрусталём светится.

Обрадовался колдун своей выдумке, засмеялся и зло произнёс:

- Живи свою жизнь во льду чуэлльчэмь - сосулькой, а я буду на тебя глядя, радоваться.

Суженый Каци, молодой добрый молодец, у моря жил, и ничего о трагедии невесты не знал. По весне свататься к ней отправился. Добрался до места, удивился, везде весна хозяйничает, а здесь зима-зимой, окутано всё в холод и тьму. Люди, спрятавшись, в своих домах сидят, без нужды боятся нос наружу высовывать.

И упал взгляд парня на необыкновенно красивую чуэлльчэмь, которая висела на доме невесты его, вся сверкая и искрясь.

Подошел он ближе к ней, смотрит, а сосулька на его глазах вдруг точно заплакала. Удивился парень, кругом леденящий холод стоит, а с сосульки вода капает, и пришла ему мысль, а что если и не сосулька это вовсе, а его невеста заколдованная, Каця, плачет. Протянул к сосульке руку, она ему в руки сама и свалилась. Поднес к своим губам, прикоснулся ими к прозрачному льду. Вдруг выскользнула сосулька из его горячих рук, стукнулась о ледяную землю, и вновь превратилась в девушку, ставшую еще краше прежнего.

- Каця, милая, так это и впрямь ты, не обмануло сердце моё, - кинулся обнимать её молодец.

- Я, конечно, я, и как хорошо, что ты спас меня от заклятий колдуна.

Откуда ни возьмись появилось на небе солнце, и на домах стали вырастать большие и малые чуэлльчэмь, и все они дружно заплакали. От такого необычного дождя снег стал чернеть, таять, а злой колдун лишаться сил. Запели ожившие птицы, из земли поросль зелёная полезла. На улицу из домов выбегать стали обрадованные весной и теплом люди, а их дети бегали по молодой траве и пели:

Чоп-чоп – чоапэнтэ вэдз

Кап-кап – почернел снежок

Прилетели гуси-лебеди, подхватили на крылья весну и понесли дальше по всей Лапландии. Весна стучалась в окна домов, несла людям добрую весть: победил молодец с моря ненавистного колдуна, освободил свою любимую и дал весне дорогу. А Каця вышла за молодца замуж, и дети её были такие же красивые, как сама весна.

Софья Якимович

Перевод Надежды Большаковой

Гирвас - озеро

Больше всего на свете саамы оленей ценили. И не удивительно это. Олень для них главным кормильцем был. В старину саам на оленя всегда аккуратно охотился. Никогда всё стадо не уничтожал, лишнего не убивал. Думал о завтрашнем дне.

Жил на берегу одного озера охотник с сыновьями. Время подошло - состарился. Да не очень тужил: двоих сыновей вырастил, есть кому на старости лет его кормить.

Радовался на своих сыновей глядя: хорошими охотниками те стали.

Начнут парни погоста в меткости из лука состязаться так лучше его сыновей стрелков не было.

Подошла пора сыновьям на охоту собираться. Стал старик им секреты свои открывать.

- Пойдёте, - сказал старик, - охотиться на верхнее озеро, там много оленя-дикаря пасётся.

Подождите, когда стадо оленей озеро переплывать будет. Всякого оленя стрелять можно, но только не троньте вожака, гирваса.

- Всё сделаем, как ты сказал, - отвечали сыновья и пошли на верхнее озеро. Смотрят: и правда, большое стадо озеро переплывает. А впереди всех - гирвас. Гордо несёт он голову с огромными ветвистыми рогами.

Залюбовались братья: такого красивого и сильного оленя не всякий даже бывалый охотник добывал.

-Как же мы такую добычу упустим? - говорят братья. - Убьём гирваса - нам же весь погост завидовать будет.

Забыли они про отцовский наказ. Друг друга толкают, каждый свой лук удобнее ладит, метит в гирваса. Пустили стрелы. Вонзились они прямо в оленя. Затряс он головой, вспенились воды озера - и окаменел олень, в остров каменный превратился. А стадо, что за ним шло, без вожака повернуло обратно. Вспомнили тут братья про слова отца, да поздно было. Три дня и три ночи ходили они по тундрам, совсем обессилели, но ни одного дикаря больше не встретили. С тем и домой пошли.

Увидел их отец, обо всём догадался и сказал сыновьям:

- Из-за бахвальства вы от себя охотничье счастье на всю жизнь прогнали. Не быть вам охотниками. Идите с девками корзины плести.

А озеро с тех пор Гирвас-озером называть стали. Так и по сей день зовут.

Чакли

Недалеко от города Колы жили старик со старухой. детей у них не было.

Старик охотился, а старуха управлялась дома.

Однажды ходил старик по лесу и вдруг заметил, что между корнями одной старой-престарой ели дымок курится. Подошел он ближе, смотрит: дыра в земле. Он лег на мох и опустил голову в дырку: что там такое? Что там делается?

И видит: там, под землю, житье такое же, как у нас, саамов: погосты стоят - одни в лесу, другие у моря, пастухи оленей пасут, рыбаки рыбу ловят. В погостах вежи - шалаши из тесаных досок такие же, сверху берестой и дерном покрыты, стоят как положено, в два ряда. В вежи люди входят и выходят из них, и детишки по улицам бегают. Вон бабенка выскочила из одной вежи и бежит к себе домой, в руках у нее головешка дымится, искры сыплются - это женщина заняла у соседки огня, надо ей распалить огонь в очаге своего дома. Какой-то мужичок учит своего оленя кережу возить. Кережа такая же, как у саамов, словно лодочка, на лыжный полоз поставленная. Там, еще подальше, пастух гонит стадо оленей; в речке девушки белье полощут. Все там, под землей, как у людей, а не люди. Какой-то человечек вышел из вежи: ружье на плече, собачоночка на шнурке зади бежит; ружье-то кремневое, старинное - гремяхой называется.

Это он на охоту пошел. Только сам-то уж очень маленький, а собачонка его и того меньше. да и домик-то его крохотный.

Смотрит: детишки собрались у лесины и лезут по ней вверх, к нему, на землю. Старик назад подался. Притаился за елкой и стал ждать: что дальше будет?

И вот из-под земли вышли маленькие детки, головки большие, глазки как щелочки на березовой коре, на тоненьких ножках пребольшие каньги, белые, из оленьего меха, с носками, загнутыми вверх. Сами-то собой ребятки ядреные, только очень уж толстозадые.

"Вот чудо, - думает старик, - это чакли! Подземные жители!" детки эти вышли на свет, на верх земли, и давай играть. И прыгают-то они, и кувыркаются, и друг друга передразнивают, и все-то смеются они, весело хихикают и заливаются от смеха, словно их кто-нибудь щекочет под мышками.

Умильно старику смотреть, какие это чакли веселые да забавные. Своих-то детей у него нету, вот он и этим бесенятам рад, любитесь ими. А они, словно маленькие белочки, играют и резвятся на мхе, под елью.

Старик загляделся на них, да и задумался. Вернулся он домой и сказал старухе своей:

- Сшей-ка ты мне большую каньгу, да обору к ней привяжи.

Сшила старуха большую каньгу и подвязала к ней обору. Старик добавил к ней еще длинную веревку.

Взял он эту каньгу и пошел на то место, где чаклей видел. Подбросил каньгу поближе к дыре и стал поджидать: что будет?

Свечерело. Как только солнышко осветило последними лучами вершины деревьев, из дыры в земле выбежали эти ребята и начали играть. Один из них увидел каньгу и давай с нею возиться: то на себя оденет, то прыгнет через нее, то кувырнется вместе с нею, наконец заправил обе ноги в каньгу, да еще и оборой вокруг обмотался.

Тут старик дернул за веревку и крикнул. Все ребята в дырку попрыгали, а тот, который в каньге был, упал и остался лежать на боку.

Старик поднял его. Освободил от каньги, взял на руки и спрашивает:

- Как тебя зовут?

дите это смотрит старику в глаза, смеется и тоже спрашивает:

- Зовут тебя как?

- Ярасим, - отвечает старик, - Ярашкой тоже.

- Тоже Ярашкой, Ярасим, - повторяет чакли и заливается, смеется.

И назвал старик веселого найденыша своим именем - Ярашкой.

- Ну, теперь пойдём, Ярасим домой.

- Домой, Ярасим, пойдём теперь? Ну? - повторяет чакли.

Принес он парнишку домой и говорит жене:

- Не было у нас детей, - вот тебе сын.

Ярашка повторяет вслед за отцом:

- Сын тебе вот, детей у нас не было, вот тебе сын.

Старуха обрадовалась. Ну и стали жить да поживать. И все бы хорошо, да одно беда: что ни скажет ему отец или мать, он все слова передразнивает и все смеется. Смеется, заливается от смеха - такой веселый чакли попался.

И весь разговор с ним такой:

- Ярашка, пойдём обедать! - скажут ему.

- Обедать пойдём, Ярашка - отвечает.

Ну, однако, попривыкли и ладно зажили. Он и в работе был такой же - что бы ни делали, он все передразнивал. Бывало, и плохо кончалось.

Раз пошла мать сети чинить и взяла с собой Ярашку. дала ему ножичек и челнок с пряжей, сказала:

- Вырезай рвань, а на место старого новые ячейки вяжи.

Ну, показала она все, что следует делать, и начали они работать. Мать чинит быстро: рвань долой, а на место дырки челноком раз, раз, и сетка готова, как новенькая. А чакли смотрит, что мать руками делает, так же и он ножичком раз, раз порвал сети. Челноком раз, раз - в сетях новые дырки, больше прежних. Все сети порвал, а сам смеется, заливается, хихикает. Ну чего он

хихикает? Ему, вишь, не работа, а забава.

Старуха разозлилась и прогнала его. Кричит старику:

- Забирай чаклю, куда хочешь! Неси его в ямку, откуда взял, а сети ему не чинивать!

Но тут беда. Мать гонит его от сетей, а он на нее наступают, и ее же прогоняет, да теми же словами на нее кричит, что она на него, сам же все смеется, заливаясь от смеха.

- А сети ей не чинивать! - кричит, Куда хочешь ее забирай! В ямке ее взял! Откуда взял - в ямку и неси. Куда хочешь ее забирай!

да еще ножичком машет и сети портит. Под конец подпрыгнул и давай старуху щекотать, а сам смеется, смехом заливаясь, хихикает. Ну чего он хихикает? Старуха от щекотки совсем уже обезумела, а Ярашка хихикает, и щекочет ее и от себя не отпускает.

Тут прибежал отец. Наказал его. Старик взял его за руку, Ярашка взял старика за рукав, и пошли. Старик с левой ноги шагает, а Ярашка ближней, правой ногой идет. Так и шагают они нога в ногу, правой-левой, левой-правой. Идут толкаются.

Отца Ярашка очень уважал и слушался. Вот старик научил сына доски тесать. Это у него шло хорошо, и старик был в надежде, что скоро они поставят новый амбарчик.

Показал старый, как надо тесать, и Ярашка начал тесать. И тешет, и тешет, и тешет, не остановить его, сам тешет и посмеивается, да еще и подхихикивает. Пока ночь не пришла, все тесал Ярашка.

Ну, вот они и жили. Амбарчик поставили, и старик был очень доволен. Он умел управляться с Ярашкой. А старухе была от него одна поруха: то он сети порвет, то посуду побьет, то в саже вымажется. Она просила старика, чтобы он отвел чаклю в лес и оставил его там, пусть идет к себе домой и там хихикает.

Ярашку тянуло куда-то уйти. Каждую весну он порывался убежать. Но старик берег сына и не отпускал его ни на шаг.

Прошло несколько лет. Ярашка подрос и возмужал. Он стал крепким и разумным, но по-прежнему оставался тем же малорослым человечком.

Времена были плохие. По земле саамов ходила вражья сила - чудь. Они грабили народ. Саамы ушли в леса, вырыли себе в земле дома и жили в землянках, чтобы враги не могли их найти.

Однажды весной старик не доглядел, и Ярашка ушел из дому. далеко убежал.

По горам бегал, бродил по лесам, все искал дыру под землю. Он искал свой дом. И не мог найти. Так он блуждал, пока не наткнулся на чудь.

Чудины ехали на лодках по реке. Они пробирались к городу Коле. Им надо было разграбить город. Увидели Ярашку, схватили и спрашивают:

- Где живешь?

- Живешь где? - отвечает он, а сам посмеивается.

- Ты кто такой?

- Такой, ты кто? - отвечает он вопросом, да еще и хихикает.

- Как тебя звать? - кричит тот.

- Звать тебя как? - спрашивает он атамана и опять: - хи-хи.

И как ни спросят его, он все по своему, теми же словами отвечает, какими его спрашивают, только обратно, с последнего слова, и прихихикивает вдобавок.

Озлобились чудины. Порешили бросить его в реку, в водопад. Схватили парня и швырнули в воду. И вдруг видят все: вместо саамского парня в реку полетел свой же воин. Повторили еще раз, и опять отправили в падун своего человека.

- Заколоть его на месте! - приказал атаман чуди.

Рубанули его мечом, смотрят: своих троих человек в строю как ни бывало, а Ярашка стоит живой и невредимый и опять смеется, подхихикивает.

Заробел атаман, приказал ему, чтобы вел к своим, к отцу-матери. Но Ярашка сказал:
- Если вы дотронетесь до моих стариков, так и знайте: ни один человек из вашей команды живым не дойдет до Колы-города.

На этот раз Ярашка не смеялся.

- Хорошо, - сказал атаман, - веди нас в город Колу.

Ярашка сел в переднюю лодку и поплыл впереди всего отряда. И вел он их по реке, через пороги и через волоки и по тихим плесам, целых пять дней и пять ночей. Привел их к той же Туломе-реке, к большому водопаду и широкому разводью, к малому островочку.

- Тут, - говорит, - привал. Будем ночевать, потому что в Колу-город ночью входить нельзя.

Ну вот и устроили на острове ночлег.

Сам Ярашка стал сторожем при лагере.

Чудь заснула. Стало тихо.

Наступила ночь.

Тогда Ярашка связал все лодки, одна с другою. Только себе он оставил самую маленькую лодочку, а остальные спустил в пучину водопада.

Лодки разбились в щепы. Ярашка переплыл реку и ушел домой к своим старикам.

А чудь пропала.

Комментарий:

Сказитель - Архипов Калина Иванович (ок. 1864-1937), один из проводников научных геологических экспедиций. О деятельности и знаниях Калины Ивановича давали высокие отзывы академик А.Е. Ферсман и другие ученые.

Основатель поселка на Мончегубе, где ныне построен город Мончегорск.

Знал много сказок. Рассказывал по-саамски и по-русски. Записи 1936 г. на русском и саамском языках. В сказке "Чакли" использованы варианты, записанные у детей.

Сергевань-охотник

Пошёл на охоту Сергевань — сын Сергея, внук Андрея, правнук Матвея, праправнук Эвана, прапраправнук Пеура. Идёт по старым отцовским, дедовским, прадедовским, прапрадедовским тропам. Идёт день, другой, третий. Всю еду, что с собой из дому взял, приел — ни одного зверя не убил.

Рассердился Сергевань:

«От деда слышал, от отца слышал — в этих местах диких оленей много, только бы стрел хватило! А теперь одни тропы истоптанные остались...»

Тут Сергевань увидел еш.ё тропу. Давно, верно, по ней никто не ходил, вся травой заросла.

Сергевань на эту тропу свернул.

Шёл, шёл и подошёл к избушке, поросшей мохом. У избушки на камне сидит старуха. Старая-престарая старуха. Увидала охотника и говорит:

— Вот и привела тебя тропа ко мне, Сергевань! Сергевань удивился.

— Здравствуй, бабушка, — сказал, — никогда я тебя не видел, не знаю, кто ты такая.

— Ты не знаешь, — отвечает старуха, — я знаю. Я твоего прапрапрадеда прапрапраневеста.

Видит Сергевань — старушка совсем худая, одна кожа да кости. Может, давно ничего не ела, голодная. Порылся в кисе, на самом дне наш.упал сухую корку, дал старушке.

Старуха взяла корку, принялась сосать. Корка-то сухая, а зубов нету.

Сергевань спрашивает:

— Ты, верно, в молодости красивой была?

— Красивой не красивой, а молодой всё-таки была.

— Почему же ты замуж не вышла за моего прапра-прадедушку?

— А вот потому и не вышла: я говорю — холодно, он говорит — жарко, я ему — снег, он мне — дождь, я скажу — направо, он идёт налево. Эх, Пеур, Пеур, как бы мы с тобой хорошо жили, если бы ты хоть раз мне уступил!

Сказала так старушка и заплакала. До того горько и жалобно заплакала, что Сергевань не выдержал и тоже заплакал.

Тогда старуха засмеялась и говорит:

— А ты чего плачешь над тем, что целый век назад случилось? Смотри — услышат вороны, разнесут по всей тундре, будут над тобой смеяться все, у кого рот есть.

Так поговорили, посмеялись-поплакали, поплакали-посмеялись и легли спать.

Встали утром, Сергевань говорит:

— Надо на охоту идти, а зверя в тундре нет. Перевелись в тундре олени.

Старуха говорит:

— Есть звери. Не перевелись в тундре олени.

— Как же есть! — рассердился Сергевань. — Я три дня шёл, по сторонам смотрел — ни одного не убил.

— Не так шёл, не туда смотрел, — стоит на своём старуха. — Вот твой прапрапрадед, мой прапрапрадед, оленей песней подманивал, а когда к зверю крался, заходил с наветренной стороны, чтобы ветер в спину дул. Вот у твоего прапрапрадеда...

Не стал Сергевань дослушивать, схватил лук и стрелы и выбежал из избушки.

Полдня ходил Сергевань по тропам и без троп. Всё песни пел — оленей подманивал. Наконец устал петь, замолчал. Тут и увидел оленя. Зашёл с наветренной стороны, только начал подкрадываться, олень махнул хвостом и ускакал.

Очень сердитый вернулся Сергевань к старушке.

— Всё ты мне не так рассказывала! — кричит. А старушка смеётся.

— Ты, прапраправнук, совсем такой, как твой прапрапрадед, мой прапрапрадед. Я одну сказку рассказываю, он другую к концу ведёт. Не дослушал ты, Сергевань, с утра, послушай вечером. А я с того слова начну, с которого ты из избушки убежал: вот у твоего прапрапрадеда... потому и добычи не бывало. Песней зверя не приманишь — только отпугнёшь. Ветер со спины человеческий запах зверю несёт. Зверя надо скрадывать тихо.

а ветер пусть тебе в лицо дует, твой запах ^подальше от зверя отгоняет.

Засмеялся Сергевань от радости.

— Ну, — говорит, — сейчас опять на охоту пойду. По-твоему буду делать.

— Эх, Сергевань, Сергевань, прапраправнук своего прапрапрадеда! Куда ты на ночь глядя собираешься? С вечера спать ложатся, на охоту утром идут.

В этот раз послушался Сергевань. Лёг спать, чуть свет на охоту отправился.

Идёт тихо, не идёт — крадётся. Увидал вдали оленя, песца увидел. Зашёл с подветренной стороны — так, чтобы ветер в лицо дул. Подобрался поближе, не торопясь натянул тетиву, стрелу выпустил.

К вечеру пришёл с богатой добычей. Поел! они со старушкой мозг из оленьих костей. Сергевань говорит:

— Эй, прапраправнучка моего прапрапрадеда, нету у меня ни матери, ни бабушки, иди ко мне жить, будешь мне вместо матери, вместо бабушки.

Покачала старушка головой.

— Нет, Сергевань, целый век я тут прожила, здесь деревья на моих глазах выросли, камни мохом покрылись. Сам знаешь — каждую птицу в своё гнездо тянет, каждый зверь в свою нору бежит.

Никуда я отсюда не пойду.

— Что ж, — говорит Сергевань, — можно и по-другому. Ты ко мне не идёшь, я к тебе приду. Возьми меня в прапраправнуки.

Так и зажили они вместе — старый ум, молодая сила. Песни в лад пели.

Урма

Много лет назад. Далеко на севере, в далекой Лапландии, за семью холмами, жила была прекрасная девушка Урма. Она жила в обычной семье саамов, и ни чем не отличалась от своих ровесников. Но пришла пора взрослеть, и она влюбилась в одного ловкого охотника, которого звали Золотой Лис. Он всегда улыбался ей и говорил ласковые слова, когда встречал ее. Он относился к ней как к ребенку и не воспринимал ее всерьез. Но она была влюблена в него, уже как молодая женщина и очень обижалась на то, что он воспринимает ее как ребенка.

Однажды, после удачной охоты, в их стане был праздник. Самого крупного оленя добыл Золотой Лис, и он очень гордился своей добычей. Все хвалили его за его удачную руку, за меткий глаз и за мастерство, которого у него было не занимать. Все племя было сыто, в то время и все были благодарны за это Золотому Лису. Жизнь саамов была не из легких, как впрочем, и сейчас. Далеко не каждый день они были сыты, по этому это значило так много. Иногда они долгие полярные ночи ели лишь лепешки, сделанные из березовой муки. То есть они мололи дерево и сильно разбавляли им пшеничную муку, которую выменивали охотники на меха песца, лисицы, медведя или волка. Но у саамов было очень много земель, хоть эта земля и была расположена далеко за полярным кругом, они очень дорожили ей. Так вот, когда Золотой Лис был в зените своей славы, к нему вдруг подошла красавица Урма и поцеловала его в губы, что означало, что он ее избранник, и она отдала ему свое сердце до конца своей жизни. Золотой Лис хоть и был старше Урмы, но он очень любил ее. Он никогда не рассчитывал на то, что она захочет стать его невестой. После этого поцелуя он обезумел от счастья. Он до ночи пил заморский чай и разговаривал с другими охотниками, прославляя Урму. Его соратники были рады его счастью и хвалили их обоих. После праздника, Золотой Лис увел Урму в свой чум, и они были счастливы до утра.

На следующий день погода испортилась и мела вьюга несколько дней, но эти дни были самыми счастливыми для влюбленных. Это были редкие дни покоя у саамов, когда почти никто не выходил из чумов, без полной необходимости.

Когда буря утихла, и над тундрой поднялось редкое зимой солнце, охотники отправились в путь. С ними ушел и Золотой Лис. Урма провожала его до ближайшей горы и долго махала руками ему вслед.

Прошла неделя, а охотники все не возвращались. Их жены вместе ждали их возвращения, деля последние запасы мяса. На севере невозможно быть вегетарианцем. Даже рыба не обеспечивает организм человека необходимым запасом жира, необходимым, чтобы дожить до весны. Суровая полярная природа не терпит революций, как на южной части нашей страны.

Через вторую неделю вернулись охотники, но Золотой Лис не вернулся с ними. Охотники рассказывали, что он вместе с охотником Проньрой, ушли по следу оленя и не вернулись. Никто не знал, что случилось с Золотым Лисом. Лишь зловеще кружили вороны, неся страшную весть. Прошла еще неделя, потом другая. Урма каждый день ходила по окрестностям, в ожидании Золотого Лиса. Но каждый день уносил последние надежды, на его возвращение. Урма, не спала по ночам, проводя их в слезах. И ночам не было конца. Все в стане заботились о ней, понимая ее горе.

После другой вьюги охотники пошли на поиски Золотого Лиса, но через неделю вернулись обратно, не найдя даже следов от двух молодых охотников, и принесли всего два зайца, которых

надо было разделить на всех, что бы не умереть с голода. Для саамов началась тяжелая жизнь. Охотников стало мало, да еще в конце зимы, когда всегда было тяжело.

Урма перестала плакать, но она перестала общаться со своей семьей, что было особенно странно для саамов. Они всегда были охотниками пообщаться и держались все вместе. Без этого просто трудно выжить в их суровых краях.

Пришла весна. Ее встречали с радостью, не всем удалось дожить до этого счастливого времени, в этом году. Урма, не смотря на общее веселье, держалась в стороне. Однажды ей приснился сон. Во сне пришел к ней Золотой Лис и сказал, что ее ждут большие перемены, и она станет великой целительницей на земле саамов.

На утро Урма собрала немного вещей в дорогу и навсегда оставила своих родственников. Она отправилась к старой шаманке, которая жила у пяти озер.

Урма шла по весенней тундре и наслаждалась весенними запахами свежей хвои и земли. Весело бежали весенние ручьи, унося с собой зимний мусор тундры. В горах таял снег. Тепло пригревало весеннее солнце. Урме приходилось переходить ручьи вброд, но солнце и весенний ветер сушил ее одежды из оленьего меха. Ей предстояло перевалить последнюю, двуглавую гору и по ущелью спуститься к озерам, где жила шаманка. Вдруг, из-за скалы, к ней прибежал медвежонок и стал обнюхивать ее. Урма испугалась, как бы не пришла медведица. Она хлопнула в ладоши, медвежонок испугался и бросился прочь. В этот момент она была на самой вершине двуглавой горы. Отсюда открывался прекрасный вид на озера, а с другой стороны была видна большая гора, за ней жила ее семья.

Урма спустилась по ущелью к озеру. Там стояла хижина старой волшебницы. Говорят, ее охранял огромный медведь. Урма боялась встретиться с ним. Но она верила в свою судьбу и если суждено прийти к старой ведьме, то медведь не помеха. И на самом деле, она вскоре увидела огромного медведя. Он сначала грозно зарычал, потом подошел поближе, и, увидев, что девушка не убежала прочь, подошел и недоверчиво нюхал воздух, подняв морду к небу. Потом он подошел еще ближе, и лизнул в щеку застывшую девушку. После этого он развернулся и пошел в сторону, оглядываясь на Урму. Она не знала, где живет старая шаманка. Это знали только очень старые охотники, которые всегда берегли своих шаманов, даже сейчас, когда все саамы давно приняли христианство.

Урма пошла за медведем, преодолевая страх. Через несколько минут, они пришли к ветхой хижине. Дверь открыла старуха и улыбнулась, глядя на Урму. Вид ее был жутковатый, на ней была парка, которую та носила уже несколько десятилетий. Она никуда не ходила, разве что за дровами, на несколько сотен метров.

- Хозяйка, я принесла вам немного муки, - сказала Урма.

- Я знаю тебя, - ответила старуха и захихикала.

От ее смеха у Урмы побежали мурашки по спине.

- Заходи. Выпей чаю, - сказала шаманка, перестав смеяться – У меня чай настоящий из трав и ягод.

- Спасибо хозяйка, - ответила Урма, заходя в хижину.

- Сходи, принеси дров. Разговор у нас будет длинный, - приказала старуха.

Урма выбежала из хижины, и набрала упавших веток по окрестности. Она вернулась в дом и бросила ветки около очага.

- Пей чай детка, суши одежду.

Урма взяла чашу, сделала несколько глотков, и сказала взволнованно:

- У меня был сон. Ко мне пришел мой погибший муж и сказал, что я должна стать целительницей на земле саамов.

- Я уже знаю об этом, детка. Хаара стала совсем старой. Саамам нужна свежая кровь, что бы лечить их охотников и спасти их от бури. Я отдам тебе все знание, которое я накопила за эти

долгие годы. Ты будешь сильнее меня, гораздо сильнее.

- Что я должна сделать? – спросила Урма.

- Ты должна слушать меня, – сказала старуха, повернувшись спиной – И все у тебя будет хорошо. Так хорошо, как еще не было у саамов.

- Пойди к озеру, там, в проталине рыбы пытаются выпрыгнуть на лед. Собери их, мы сварим с тобой уху, – сказала она после недолгого молчания – Когда-то я пришла сюда такой же молодой как ты. Ступай.

Урма вышла из хижины и пошла в сторону озера, с мешком в руках. Когда она зашла на лед, она услышала плеск, справа у берега. Туда приплыло множество рыбы, подышать воздухом. Урма тихонько подошла и выловила руками три рыбы, они были довольно крупны и отчаянно трепетали в мешке. Урма решила, что этого достаточно, для них со старухой, и не стала ловить остальных, хотя их было большое множество. Урма понесла их в хижину.

- Ну как, поймала? – спросила старуха.

- Да, три штуки.

- Если бы ты была дурой, то наловила бы полный мешок. Случайные люди не ходят по этой земле. Здесь магия в каждом дыхании, будь внимательной. Теперь возьми котел и принеси воды.

Урма пошла за водой. Воду пришлось брать из той же проталины. Она растолкала рыб, жадно глотающих воздух, и набрала пол котла воды. На берегу сидел огромный медведь и довольно урчал. Урма вернулась в хижину.

- Ну вот, детка, а теперь почисть рыбу и брось ее в котел. Потом мы туда еще кое-что добавим. Возьми этот нож, его сделал мой погибший муж.

- У тебя был муж Хаара?

- Да, когда-то у меня тоже был муж, но это было совсем, давно. От него остался только этот нож.

- У меня тоже есть нож моего мужа, Хаара.

- Прибереги его, он тебе еще пригодится. Жизнь длинна, детка, а у тебя она только начинается.

Урма очистила рыбу и бросила ее в котел. Старуха молола в мельнице какие-то корни.

- Что ты делаешь Хаара?

- Я молю кони голубики, чагу и березовые почки. Запоминай и ты никогда не умрешь в тундре. Только надолго не оставляй свой дом. Иначе придут духи с озера, а им тут не место. Мой Урсул стал совсем старым, у тебя будет свой. Ты уже видела его сегодня. Это будет великий медведь. Хаара бросила в котел содержимое мельницы.

- Теперь надо перемолоть немного корней багульника. Займись этим сама, а я посплю часик. Хаара отдала мельницу Урме и дала ей немного корней. Она легла на топчан, который стоял в углу. Урма около часа молола корни, пока они не превратились в муку. Потом она высыпала ее в котел, в избушке запахло багульником. Урма поварила уху еще немного, потом сняла котел с очага. Она долго не решалась разбудить Хаару, пока остывал котел. Та проснулась сама, от благоухания. Она по хозяйски разлила уху по мискам, и они принялись за трапезу. Они съели по две миски и насытились.

- А теперь ложись спать, Урма. Ведь ты уже давно не спала по ночам. А я буду готовить снадобье от ветра.

Урма послушала старуху, и как только легла на топчан, сразу заснула.

Прошло несколько дней, а Урма все продолжала спать. Но пришло утро, когда она вдруг открыла глаза.

- Что ты делаешь, Хаара?

- Я собираюсь в путь. Духи будут говорить с тобой моим голосом, но ты не пугайся, и по чаще слушай биение собственного сердца.

- Зачем ты уходишь?

- Двум хозяйкам не место в одном доме, а этот дом теперь твой. Ты сильнее меня. Духи зовут меня в дальний путь.

- Но ты можешь жить здесь сколько захочешь.

- Нет. Прощай.

Хаара надела котомку и вышла за дверь. Урма стояла на пороге и долго смотрела в след удаляющейся старухи, но та не разу не обернулась. Могучий Урсул шел за ней следом, он несколько раз обернулся и долго с грустью смотрел на Урму.

Они ушли. Урма осталась одна. Она вышла на берег озера и долго смотрела на плавающие льдины. Весна шла полным ходом. Вокруг щебетали птицы, перекрикивая друг друга, каждая на свой лад. На берег пришел молодой Урсул и тоже смотрел на озеро. Потом ему стало скучно, и он подошел к Урме и предложил поиграть, ведь он был еще совсем маленьким, глупым медвежонком.

Урма вернулась к хижине и налила ему в миску уха, которая осталась еще от старухи. Урсул подошел, понюхал еду, облизнулся и начал есть, с удовольствием чавкая. Урма сходила к загону для рыбы и достала из него два больших хариуса. Она почистила рыбу, принесла воды и бросила ее в котел. Раздула угли в очаге и подбросила дров. Она услышала голос Хаары, это духи говорили ей, что нужно бросить в котел, для магического снадобья.

- К тебе идут три охотника, - говорил ей голос – Ты должна помочь им. Они сражались со стаей волков, защищая своих оленей. Одному из них пришлось очень нелегко. Он истекает кровью. Ты должна спасти его от смерти. Для этого брось в мельницу немного чаги и немного рыбьих костей и перемели все в муку. За тем собери немного березовых почек и брось их в котел целиком. Потом брось листьев голубики большую горсть. Брось в мельницу сушеных мухоморов и мели их с песней о ветре и брось их в котел. После этого поднимись на самую вершину двуглавой горы и попроси дух ветра встретить гостей. Охотники приведут тебе оленя, в снадобье нужно добавить немного его крови.

Урма все сделала так, как ей велел голос. Пришли три охотника. Привели оленя. Один из них был сильно ранен, двое других несли его на руках. Они положили его на топчан. Урма сделала надрез на ноге оленя и собрала немного крови в миску. Снадобье уже студилось в стороне от очага. Урма заставила больного выпить три миски снадобья, добавляя туда кровь оленя. Больной вскоре заснул. Два других охотника ушли, оставив своего оленя Урме. Она пустила его в загон.

Больной охотник спал несколько дней. Урма дремала у очага, иногда ударяя в бубен, что бы прогнать духов с озера. Молодой Урсул охранял ее лежа у порога.

Охотник пришел в себя. Его раны исцелились, за что он был очень благодарен молодой волшебнице. Он был молод, силен и красив. Урме он очень нравился, хотя она не подавала виду. Его звали Быстрый Ворон. Он прожил три дня в хижине Урмы, помогал ей загонять рыбу в загон, зарезал для нее оленя, заготовил огромную кучу дров, сложив их около хижины. Но Урма была непреклонна, ведь теперь она служила духам, а духи служили ей. На четвертый день Быстрый Ворон ушел в тундру, что бы встретить своих друзей и свое стадо оленей. Урма проводила его до ущелья. Он поцеловал ее в щеку, это все что он мог себе позволить. Урма и Урсул вернулись к хижине.

Пришло лето. После чудесного исцеления Быстрого Ворона, по тундре прошел слух среди саамов, о молодой волшебнице, живущей у подножия двуглавой горы. К Урме стали приводить больных детей, и она исцеляла их. Все кто был болен, шел к Урме и находил исцеление для тела и души утешение. Теперь она ни в чем не нуждалась, у нее были олени и все необходимое для жизни в тундре. Урсул подрос и повзрослел. Он был гораздо крупней своих одноклассников. Он бродил по берегу озера и очень радовался, когда хозяйка выходила из хижины. Куда бы она не шла, он нигде не оставлял ее одну. Иногда к Урме прибегал большой волк и вилял хвостом как щенок. Урсул

недовольно ворчал, но не трогал нового знакомого. Иногда к ней прилетал старый ворон и зорко смотрел вокруг, сидя на крыше хижины. Сама природа хранила ее тайны. Люди стали называть ее хозяйкой тайги, но старики знали ее настоящее имя.

Шли годы. Урма росла в своем ремесле. Урсул превратился в огромного медведя. Большой волк тоже навещал их, и ворон нередко садился на крышу хижины. Жизнь шла также естественно, как течет вода, или как огонь поднимается вверх. Урма гуляла по склонам двуглавой горы и ее долинам. Вся эта земля принадлежала ей. Люди никогда не охотились в этих местах, что бы ни нарушать ее покой. Каждая живая тварь знала ее дыхание, ее голос. Люди приходили к ней только при крайней нужде. Урма никому не отказывала в помощи, и люди любили ее за это.

С тех пор прошло много сотен лет. Урма уже давно ушла туда, куда летает только старый ворон. Но люди до сих пор называют двуглавую гору Урмаварака.

Олешек - золотые рожки

Сделал старик человека из глины. Сделал и поставил у себя под окошком. Потом пошёл к старухе и говорит:

— Посмотри, какого я человека сделал.

Старуха посмотрела в окно, а глиняный человек ожил.

Испугалась старуха и говорит:

— Что ты, старик, сделал? Ведь он теперь убьёт нас.

А уж за окном слышно: туп-туп-туп! Глиняшка идёт.

Отворилась дверь, вошёл Глиняшка в избу.

Посмотрел туда-сюда: в углу старик сидит, сети вяжет, а старуха поправляет.

Схватил Глиняшка старика и старуху и съел, сразу обоих съел — с руками, с ногами и сетью.

Проглотил и пошёл на улицу.

А по улице девушки идут, одна — с ушатом, другая — с коромыслом. Ну, он их обеих и съел: одну — с ушатом, другую — с коромыслом. Идёт дальше.

Навстречу ему три старухи ягоды несут, он и старух съел вместе с ягодами. И опять пошёл.

Смотрит — трое рыбаков лодку чинят. Он всех троих съел вместе с лодкой и опять пошёл дальше.

Дальше идёт, а там трое дрова рубят. Он и тех троих съел с топорами вместе и опять пошёл.

Идёт, идёт. Видит — гора стоит, а на горе молодой олень пасётся.

Говорит оленю Глиняшка:

— Я тебя съем.

Олешек с горы ему отвечает:

— Глиняшка, Глиняшка, ты стань под горой, рот пошире открой, а я с горы прямо к тебе в рот прыгну.

А Глиняшка и рад.

— Гы, гы! — смеётся.

Вот он стал под горой, открыл пошире рот и смотрит, как олешек к нему в рот прыгать будет.

А олешек как спрыгнет сверху да как рогами ему в живот — трах!

Глиняшка и рассыпался.

А все, кого он съел, вскочили на ноги и побежали по домам: старик со старухой сети тащат, девки с коромыслом бегут, бабы с ягодами, дроворубы с топорами, рыбаки в лодке плывут, а олешек за ними бежит.

Тут девушки золота принесли, мужики оленю рога позолотили, и стал он с тех пор олешек — золотые рожки.

Легенда

В давние времена в Нотозерском погосте, недалеко от Финляндии и 60 верст от г. Колы жила девка-нойда. Раз утром она встала рано и разбудила всех в погосте. Ее спросили: зачем ты это делаешь? Вот я вам, что скажу: Приготовьте себе хлеба и воды на три дня и из туп никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будет видно ничего. Делайте скорее так, как я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану. Все лопари так и сделали, как она велела. Сама она легла спать. Едва-едва она заснула, как поднялась такая буря и метель, что нет возможности это и выразить. Все лопари даже испугались. Через три дня буря кончилась, и девка-нойда встала. Она опять собрала лопарей и сказала: возьмите пищали и подите на мох (разбойничий). Лопари послушались ее, пошли. Когда пришли туда, то увидели много шветов, шедших разорять погост. Большая часть их замерзла, а которые были живы, тех убили. Так нойда и буря спасли от смерти и грабежа погост.

Записано со слов бывшего Нотозерского лопаря Сергея Герасимова.

К. Щеколдин

Сказка о Нойде, проводнике оленей

Жил-был в Пазреке один Нойда (колдун), и ему захотелось, чтобы дикие олени были и в Пазреке на Вилемском наволоке, а их тогда нигде нельзя было найти, как только в Норвегии. Однажды он подобрал себе товарищей и сказал им: поедем за добром в Норвегу. Сам сел в карбас на корму, а товарищи сели на нос и стали грести, работать веслами. Приехав в Норвегу, они пристали к берегу. Ну, вы теперь сидите в карбасе, никуда не ходите и дожидайтесь меня. Нойда сам пошел на гору и там взял олений рог. Пришел с ним в карбас, сел опять на корму и сказал: Если я этим рогом буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалейте. Ваше дело только грести обратно на Вилемский наволоку. Сделав наставление, он приказал ехать. Сам рогом провел из Норвегии к Вилемскому наволоку и стал его грызть - есть. Грыз и глотал рог, и дошел до того места, где у рога отделяется другой, как бы ветвь. Вот в рот-то ему более не входит, он и показывает одной рукой товарищам, чтобы ему кто-нибудь пришел и отсек сторонний отросток. Этого между тем никто не понял, да и не смели подойти. Он между тем на одном месте у рога все позорился и вложить его в рот никак не мог. Олени дикие в то время, как птицы, плыли за карбасом и в большом количестве. Доехали до Вилемского наволока и пристали к берегу. Вышел Нойда на берег и сказал товарищам: "Никто из вас не догадался отрубить ветви от рога, и поэтому я всего не смог сгрызть. Теперь дикие олени придут к нам только те, которые успели до нашего приезда зайти в море, а остальные останутся в Норвегии, да и те, которые пришли, будут здесь не долго". Рассказчик прибавил: "Вот их теперь и нет".

Записана со слов Василия Летова.

К. Щеколдин

Коддь ачка (Дикая старуха)

Очень давно жила-была одна старуха - нойда, колдунья. Ей наскучило быть в человеческом виде. Она захотела быть важной, оленем - самкой. Это с ней и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленем, этого верно сказать нельзя. Наконец она сделалась беременной и наступало время

ей родить. Оборотясь оленем она, однако, должно быть, думала иногда по человечески. Перед самыми родами она испугалась, что от нее родится олень, и желая избежать этого, опять превратилась в женщину. Это ей однако не помогло. У нее родился не человек, а олень-бык. Как ни неприятной было, но все таки теленка она кормила своей грудью. Он у нее вырос и стал даже возить дрова к веже, где она жила. Они друг друга понимали. И вот когда он стал большой, захотелось ему на волю. Мать этому не препятствовала, только попросила привезти более дров. Мать нарубила дров, а он притянул их к веже. Он был сильный и стал пособлять ей и дрова колоть. Так они заготовили дров довольно. Мать хотела дать ему еще при расставании груди, но он отказался, и только просил сказать, кто его отец: человек или олень? Мать на этот вопрос ответить не хотела. Видя это, он показал вид, что еще хочет поколоть дров. Стали колоть толстую чурку. Когда у нее один конец раскололся, тогда поставили клин в щель. Сын после этого и показывает матери, чтобы она поставила ногу в щель, а он другим клином будет колоть. Мать послушалась его, и положила ногу в щель. Он вместо того, чтобы вставить клин, взял из щели зубами и первый. Ногу у матери прижало и она от боли закричала. Скажи кто отец у меня, и тогда пособию тебе вытянуть ногу. Ей не хотелось открыть тайны, но наконец сказала: У тебя отец олень - ирвас. После этого вложил он в щель клин, придавил ногами и мать была свободна. Он простился с ней и ушел в тундры - свое отечество.

Записана со слов М.Федотова

К. Щеколдин

Чадць иллий (Живущий в воде)

На острове Шалиме (в истоке Пазрецкого залива) жили два лопаря и оба они были хорошие промышленники. Однажды они ходили около морского берега и увидели почти у самого берега: сидит женщина на камне и чешет голову. Один из лопарей и сказал другому: я стрельну. Нет, не стреляй, это не человек, а чадць иллий - живущий в воде. Он не послушался его и стал стрелять. В это время другой вскричал: "Берегись, женщина, в тебя стреляют!" Она соскочила с камня в воду, недалеко она опять показалась на воде и вскричала: "Добрый человек, пожалевший меня, приходи завтра в это время сюда., а ты, который хотел убить меня, где будешь пить воду, тут и утонешь". "Не дикой же я, что пойду или побреду в глубокое озеро или реку пить. Вольно тебе врать".

После этого, оба товарища поспорили не много и разошлись для промысла зверей в разные стороны до вечера. Стрелявший в женщину пришел к ручью, наклонился и стал пить ртом, свалился в ручей и утонул. На другой день утром товарищ пошел его искать, потому что он вечером не явился на означенное место. Нашел его он в ручье. Тело утонувшего обернул в бересту и предал земле. Окончив это дело, он пошел на вчерашнее место, куда звала его женщина. На дороге встретила черная лисица. Он убил ее, снял шкуру и с ней пошел далее. Пришел к морю и стал дожидаться женщины. Она вскоре вышла из воды и вскричала: Пришел ли ты, кого я звала?

- Здесь, ответил он.

"Поди сюда к берегу, сказала она".

Он подошел и получил от нее золота и серебра довольно и стал жить после этого как кухман - купец.

Записана со слов Василия Летова

К. Щеколдин

Куихть вилль (Два брата)

Некогда жили два родные брата - лопари. Жили они мирно, как между собою, так и с другими. Раз один из братьев поссорился с нойдой - колдуном, который и пригрозил ему: вспомнишь ты меня. Лопарю от этого сделалось плохо. Он стал думать, что-то со мной сделает нойда. Стал бояться, и без брата своего никуда не ходил. Куда брат, туда и он в след за ним. Другому брату это стало надоедать и он стал думать: как бы сделать, чтобы он за мной не ходил. Раз утром встал он и сказал брату: я пойду сегодня по ангасам (подобие силья для промысла диких оленей) один и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое место: они под ногами около себя ягель - белый мох - уже съели. Услыша это, поссорившийся с нойдой брат испугался. Однако он промолчал про ссору и подчинился воле брата. Тот ушел, а другой остался печальным. Немного спустя к нему пришел нойда или, под видом нойды, другой кто и сказал: пойдём бороться со мной: кто кого поборет, тот и прав. Нойда был, нужно заметить, в шапке-невидимке. Отошли они от вежи и начали бороться. Незнакомец сейчас же убил его. Отрезал после этого нойда от убитого на левой руке мизинец. К отрезанному месту руки поставил трубку, дунул, и кожа вся сошла с тела. Тело без кожи недалеко отнес, положил на землю, а с кожей пошел дальше, чтобы не догнал его брат убитого и не отомстил бы за смерть. Брат возвратился к веже и увидел, что из вежи дым не идет, а олени стоят на старом месте. Подумал, что брат не здоров. Зашел в вежу, но брата нет, а дрова лежат все те же, что и были. Ему стало неловко. Вышел из вежи, вскричал, но ответа нет. Прошел дальше и увидел следы. Сейчас и догадался, что был, значит, Чудоорчь или нойда. Пошел после этого, оленей отпустил на волю всех, а себе оставил одного ирваса (нехолощенный олень-бык) хорошего и собаку. С ними и пошел разыскивать брата. Время приходило к зиме, и на земле было немного снега. Следы поэтому он скоро нашел. Подъехав немного на олене, он увидел покрытое землею тело человека без кожи и по величине его заключил, что это его брат. С поспешностью он обернул тело в бересту, вырыл неглубокую яму и похоронил его. Слезы не проронил ни одной, оставил их до удобного времени. Сам после этого сел в кережу и погнал скорее вперед по слеам за злодеем. Не мало он переехал рек и окружил озер, потому что лед был некрепок, но наконец таки перед вечером увидал огонь. Сейчас он соскочил с кережи, привязал ирваса к лесине, чтобы он не хрюкал, и сам пошел посмотреть, кто сидит у огня и что делает. Зная однако, что собака может залаять и тогда убийца брата может убежать, он надел ей на нос шапку. Так принял он все предосторожности, чтобы не выдать себя. Подошел к огню он с собакой поближе и стал из-за лесинок смотреть. Огонек в темноте горел светло. Подле нойды в стороне лежала его одежда, а на нем сверху надета была кожа брата. В ней он поворачивался к огню и спиной, и брюхом, и боками, чтобы ее высушить. И вот когда она подсохла, он снял ее с себя и стал складывать пластами. Лопарь-брат несколько раз в это время прицеливался выстрелить, но слезы не давали ему навести на него пищаль. Наконец он осилил себя, выстрелил и попал в нойду. Тот однако вскричал: стреляй другой раз. Нет, меня не обманешь, ты хочешь еще встать, ответил ему лопарь. Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты как собака. Шапка невидимка теперь тебе более не поможет,- поэтому не хочу портить и пули. Сказав это, подошел к нему, вырвал кожу брата из рук и пошел обратно. Тело нойды осталось на съедение птицам и хищным зверям.

Нужно еще заметить, что нойда всегда ходил за убитым братом до смерти, и он его видел, но старший не видел, потому что к нему он не имел никакого отношения. Невидимка же шапка нойду или Чудоорча скрывать может, пока он не убьет человека. После он ее теряет, или она сама скроется от него.

Записана со слов Ефима и Василия Летовых и Максима Федотова

К. Щеколдин

Ергаль Кувдчь (Оборотень медведь)

На одном озере жили лопарь да лопка. У них была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, лопарь ушел в тундру к оленям, а старуха с дочерью остались дома. Вечером они сидели в веже, починяли сетки и разговаривали. На середине у них горел огонь, над которым висел котел, с варящейся рыбой. Они бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдруг повешенная вместо двери постель открылась, и в вежу зашел медведь, весь покрытый льдом. Мать с дочерью испугались. Дочь сидевшая одна по другую сторону огня, перескочила через огонь к матери. Медведь занял ее место и растянулся против огня. Мать с дочерью сидели и смотрели на него. Сколько не смотрели на него и сколько не показывали на двери, чтобы он вышел, но медведь не двигался никуда, а только смотрел на них и на котел. Хозяин не приходил между тем, и им было страшно. Наконец лопка заключила, что это не медведь, а должно быть оборотень. Она поэтому сняла котел с огня и стала тянуть рыбу на две кары. Одну кару она взяла себе, а другую подала медведю.

Медведь съел всю рыбу и лег спать.

Мать с дочерью только смотрели на него, а спать боялись. Боялись подойти к нему, ожидая, скоро ли будет утро, или не придет ли хозяин.

Медведь всю ночь проспал крепко и спокойно. Шерсть на нем уже высохла. Перед наступлением зари он проснулся и посмотрел на хозяев. Смотрел он на них несколько времени наконец поклонился и пошел из вежи. Мать с дочерью тоже вышли в след за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Медведь недалеко от них стал на задние лапы, а передними стал показывать на озеро, откуда пришел вечером. Мать с дочерью смотрели на него и ничего не понимали. Наконец медведь встал на все ноги и пошел в лес. Мать с дочерью радовались, что он ушел, не сделав никакого вреда, и в тоже время думали: что такое им он показывал. По следам его на озеро идти боялись.

Вскоре возвратился лопарь. Ему все рассказали, и он задумался. Подумав несколько времени, он сказал: Вероятно у него был товарищ и как лед еще не крепок, он утонул. Пойдемте по следам его к озеру и тогда узнаем, на что он вам указывал.

Пришли они на озеро и увидели большую прорубь.

Опустили туда карбас и увидели, что тут утонул медведь. Стали его доставать и с большим трудом вытащили на берег. Медведь был большой и черный. Положили его на кережу и притянули к веже. Здесь положили его к огню, чтобы оттаять. Через несколько времени лопин снял с него шкуру и увидел, что это был не медведь, а человек оборотень - олмашь ергаль. Под шкурой кругом себя у него был пояс - чересь, наполненный серебрянными и золотыми деньгами. Лопин взял его себе, купил оленей и зажил так богато, как никогда и не думал.

Записана со слов Василия Летова

К Щеколдин

Медведь и девочка

Пошли раз ребята в лес кататься на санках. А мимо медведь шел. Переловил он всех ребят и запихнул в мешок. Взвалил мешок на спину и понес к себе домой.

Шел, шел. Вдруг видит - след оленя. "Дай, - думает, - оленя догоню".

Положил медведь мешок на снег, чтоб налегке оленя догнать, и говорит ребятам:

- Никуда не уходите, я скоро приду!

А у одного мальчика был ножик. Разрезал он мешок, и все ребята вылезли и побежали домой. Только одна девочка не убежала. Она положила в мешок большие камни, а сама сверху села. А то медведь вернется, спросит, тут ли дети, и побежит за ними.

Вернулся медведь. Спрашивает:

- Все ли ребята здесь?
- Все здесь, все в мешке, - отвечает девочка.

Взвалил медведь мешок на спину и понес.

Приходит домой и говорит медведице:

- Разжигай, старуха, огонь, будем мясо варить!

Налил медведь в котел воды и стал вытряхивать мешок.

Первой из мешка упала девочка. Выскочила из воды, а в котел камни посыпались, пробили дыру, а через дыру вся вода вытекла и огонь залила.

Закричала медведица на медведя:

- Ах, ты, старый дурак! даже оленя не можешь догнать! Что ты мне принес! Завтра же веди девчонку, откуда взял!

Привел медведь девочку к отцу с матерью и стал прощенья просить:

- Вы уж меня простите. Меня старуха-медведица за вашу девочку чуть со свету не сжила.

Обрадовались отец и мать, что девочка вернулась, а медведю сказали:

- Как же ты, такой большой, маленьких обижаешь! Мало тебе оленей в лесу?

Устыдился медведь, заплакал:

- И старуха-медведица меня ругает. И здесь меня стыдят. Век жить буду - к маленьким детям не подойду.

Обхватил голову лапами, заревел и ушел в лес.

Эту сказку рассказал в 1936 году И.А.Телышев, житель Сосновского погоста на Мурмане. Записал ее В.Кондратьев.

Пеный майнас (Собачья сказка)

В былые времена жил старик со старухой. Старик был человек, как есть человек, а старуха была полчеловека, потому что одна половина была у нее человеческая, а другая подобная зверю или, вернее собаке. Над старухой все смеялись заочно, а когда были вместе с ней, то боялись и уважали.

Старик умер раньше, и вскоре после смерти его у нее родился сын на подобие ее. Сын рос не по годам, а по дням. И вот когда он вырос, из него сделался хороший промышленник. Он ежедневно ходил на промысел зверей и никогда не возвращался без ничего. Мать любила его, но он захотел наконец жениться.

Возвратясь раз с охоты, он сказал матери: "Ты стала стара, тебе тяжело; поэтому я хочу жениться. Ты найди мне невесту".

старуха по любви к сыну согласилась на его просьбу и сказала: "Недалеко от нас живет старик со старухой.

У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать тебя за старшую. Они живут бедно и поэтому, полагаю, отдадут".

На другой день сын ушел в лес, а мать пошла искать ему невесту.

Старик с семейством, увидя старуху, удивился ее приходу, потому что она никогда у них не

бывала. Старуха с ними поздоровалась и, ее, как гостью, просили сесть.

Старуха поблагодарила их и прибавила: "Ничего, я постою. У меня, бабушка есть до тебя просьба: не хочешь ли с нами породниться? Меня послал сын и просил, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У нас мяса довольно, ей будет хорошо."

Старик поговорил с дочерью, и та согласилась идти сейчас же со старухой. Она прибавила еще: "Нас три сестры, и ждать мне долго не следует". Простилась она после этого с родителями и сестрами и пошла, как с настоящей свекровью, к своему мужу.

Пришли они в вежу, - старуха и говорит невестке " мужа твоего еще нет дома, он скоро придет. Ты пока ложись (указала ей в одной стороне место)- спи и не смотри, как я буду варить ужин. не исполнишь этого, худо тебе будет".

Невестка, повидимому, послушалась. Сейчас она легла спать, а сама изредка тихонько и смотрит, что будет варить свекровь и как?

Она увидела, что свекровь стала варить мясо в кожаном мешке. Мешок, повешенный над огнем, вскоре, однако, потек. Старуха рассердилась и вскричала: "Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же теперь камнем". Не успела она этого сказать, как молодая окаменела, а в вежу зашел сын и спрашивает:

"где моя жена?"

- "Смотри вот там". И указала на окаменевшую.

- Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мне жену. Начали снова варить и, когда готов был ужин, поужинали молча.

На следующий день сын пошел в лес, сказав матери: "Не забудь привести жену".

Мать после него опять пошла к старику и сказала ему: "дочери твоей на первых порах скучно, потому что муж ходит в лес. Дозволь идти в гости к ней другой сестре."

Старик согласился, и другая дочь пошла со старухой.

Пришли в вежу. Старуха сказала ей, что она будет не гостья, а жена ее сыну. Указала ей и на окаменевшую сестру, прибавив: "Не послушаешься меня, тоже будет и с тобой".

Невестка легла спать и уснула. К несчастью своему, она скоро проснулась и увидела, что свекровь варит в мешке.

Старуха опять рассердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменела.

Пришел из леса сын, спросил жену и мать указала на другую каменную человеческую фигуру. Сын посмотрел, посмотрел и сказал: "Завтра должна быть у меня жена непременно, а нет - прощайся и со мной".

Мать ответила: "Эти были непослушны и потому в жены тебе не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: из нее быть может и выйдет тебе жена".

Молча они сварили, молча и поужинали. На третий день сын пошел в лес сердитый.

Мать после него сейчас пошла к старику и стала просить его, чтобы он отпустил и меньшую сестру в гости.

Старик, не зная ничего, и последней дочери дозволил идти. Пришла она со старухой в вежу и увидела, что сестры ее окаменели. Она испугалась сперва, но старуха сказала: "Не бойся. Они не слушались меня и сами себя к этому приговорили. Будь послушна мне, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына".

Старуха стала приготовляться варить ужин, а невестка легла спать и уснула крепко. Она не видела ничего.

Старуха, наконец, услышав лай как бы собаки, разбудила невестку и послала ее встречать своего мужа, а ее сына. Вскоре оба они вошли в вежу, поужинали и стали жить, как муж с женой, любя друг друга.

Вскоре у них родился сын, очень похожий на отца. Оба они были рады, и муж сказал жене:

Смотри, чтобы от сына нашего оленья постель под ним никогда не была мокра от его мочи. Сын рос, как и отец, скоро.

Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Раз, однако, сын помочился на постель, и ее положили сохнуть.

Пришел муж и увидел это. Он спросил: Кто это сделал? Мать ответила: сын. Услыша это, он сказал: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь от вас уйду. Вы живите как хотите. Сын стал также проситься идти с отцом. Он согласился взять его. И их никак не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и от них после родились дикие олени. Мать при прощании с сыном, который разлучил ее с мужем, сказала ему:

черных зверей бойтесь, а белых вам нечего бояться. Не бойся также и гангасов (подобие сила для диких оленей), делаются они для пользы людей и тебе не повредят. Отец с сыном ушли и более об них не было никакого слуху.

Записана со слов Ефима Летова, Максима Федотова и Василия Летова.

К.Щеколдин

Айновы острова

Мы лопари не были еще христианами, а в наших погостах, в Лапландии диких оленей почти не было, или было да очень мало. В Финляндии и Норвегии было очень много. Вот и стали наши старики думать, как бы сделать, чтобы дикие были и на нашей земле. В это время жили в Печенге, около становища Вайуо-губы, силачи-нойды три брата, и у них была мать старуха-агка. Братья, как нойды, знали все и умели пособить горю. Вот однажды они и сказали матери и своим приятелям: Мы пойдем в Норвегу и отрежем кусок земли, на котором бегают много диких оленей, и приплывем сюда на этой земле со всем добром. Жизнь наша тогда пойдет богаче. Сказано, сделано. Нойды отправились в Норвегу. Мать старуха в одну ночь спит и видит во сне, что ее дети возвращаются на норвежской земле с оленями. Она вскочила как шальная, побежала из тупы-избы на пахту (высокая каменная гора против Айновых островов) смотреть, как детки едут с добром. Старуха увидела: земли идет много и гул от хрюканья и бега оленей раздается далеко, далеко. С радости она запела:

Вот мои детки идут, вот они везут живота, везут оленей и важенок. И от радости еще вскричала: Не даром их называют нойдами и силачами. После этого она сейчас же окаменела, окаменела и изба, и остатки от этого, говорят, можно видеть на Земляном наволоке и поныне.

Земля, плывшая по океану, от слов старухи разорвалась на два острова и остановилась. В промежутках между ними дети и все добро потонуло. Айновы острова славятся теперь мурошкой. Говорят еще, что все морские острова, на которых растет мурошка, приведены нойдами из Норвегии. Другое предание касательно Айновых островов и Кильдина, сходное в одном, противоречит цели.

В Печенге и в Коле в это время, говорят, преподобный Трифон уже просветил крещением многих лопарей. Нойды, или Кебуны за это сердились на него, а также и на лопарей, которые крестились. И вот на зло лопарскому апостолу и крещенным, они вздумали запретить Печенгский и Кольский заливы, и для этой цели поплыли на отделившейся земле к заливам. Когда нойды подъезжали к заливам, то их заметили на берегу люди и закричали: земля идет, земля. Кричавшие окаменели, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильдин.

Записана со слов Василия Летова, а предание слышал от умершей 100 летней девицы Сусловой.

К. Щеколдин

Что бывает со скупыми на том свете

Жил давным-давно очень богатый лопарь, а был очень скупой. Бедным никогда никому ничего не давал, да и дорожных никого не кормил. Наконец, он 70 лет умер, и когда душа его пришла к Господу, то Он сказал: “Мне не нужно тебя, потому что ты не помогал Моим ребятам”. — “Твоих ребят я, Господи, никогда не видал, — ответил он, — а если бы видел, то помог непременно”. — “Мои ребята, — сказал Господь, — это все бедные люди и нуждающиеся”. — Господи, будь милостив, спусти теперь меня на землю, и я буду помогать всем бедным людям. Дай мне там пожить еще, и я буду помогать всем бедным, сколько могу, непременно”. Бог помиловал его, и он пробудился, восстал от смерти.

“Жил он после этого на земле хорошо. Бедным всем помогал и дорожных-проезжающих кормил. Так прожил он два года. После этого же времени из доброго опять сделался таким же, каким и был. Господь увидел его злость, опять наказал его: он сделался сильно болен, так что, говорят, был ни живой, ни мертвый. Явился к нему раз ангел и сказал: “ты стал жить по-своему, а не так, как сулился Господу, и он тебя наказал”. Старик со слезами просил здоровья, говоря: “прости меня, я после этого буду жить хорошо”. Бог на этот раз не помиловал его; после своих тяжких страданий он, наконец, умер. Когда душа его пришла к Богу, Он принял и послал её к чёрту. Чёрт дал душе старика холодную избу; она жила там в холоде, от которого постоянно едва-едва не замерзала. Стал он там молиться Богу и просил прощения и другого себе места. Чёрт через несколько времени сказал: “Мне тебя не нужно”. Его выгнали из холодной избы прочь.

“Душа его после этого опять пошла на небо, и там дали ей доску, и ее повалили тут. На этой доске на воздухе, никем не поддерживаемая, она и висела, и при ветре качалась так же точно, как маленький карбас в море на волнах. Живущие на небе вверху люди ходят над ним и видят. Ему было очень стыдно. Так грешная душа его мучилась тут три года, а после этого времени Бог послал ее в ад. В аду бросили ее в большой котел, и тут она стала вариться. Когда одна половина у неё сгорит, тогда другая опять вырастет на месте её. Это повторялось много раз.

“Было у этого старика три хресника (крестника), и они увидели его страшные мучения. Они стали думать, как бы ему пособить, и придумали следующее. Сначала один хресник сделал уду, привязал к ней веревку и бросил уду в котел. Удил, удил, и хресной, наконец, на уду попал. Он потянул его. Тянул, тянул и дотянул уже до края, т.-е. на самый верх котла, как его там кто-то в это время за ногу захватил, и веревка от сильной тяжести сорвалась, а старикъ пошел опять вариться. Очередь была теперь другого хресника. Он сделал сак, каким поднимают из воды рыбу, и стал сачить. Долго он не мог поддеть своего хресного, но наконец, поддел и стал его тянуть. Дотянул уже до краю, когда он мог выйти, но в это время он сделался как маленькая рыбка, прошел сквозь сак и опять ушел до дна. Третий хресник после этого сказал: “я свяжу самый частый и крепкий невод, и будем в котле неводить. Если это не пособит, тогда уже, значит, нам ничего не сделать, никак не пособить ему”. Невод приготовил и стал им неводить в котле. Старик, хотя не скоро, но опять попал в невод. Потянул и вытянул опять до края, как в это время невод под хресным прорвался, и он опять ушел в котел. После этого хресники сказали: “против Господа сделать ничего нельзя, и верно он большой грешник”. Старик поэтому и теперь варится в котле за свои грехи.

О лисе

Зачала лиса к лопину в амбар лазить, рыбу искать. Пришел раз лопин в амбар, а лиса тут и лежит, как мертвая. Взял ее лопин и бросил в кережу с рыбой: думал,дохлая. А лиса всю рыбу из кережи повыкидывала дорогой и съела. Приехал и лопин домой, видит, нет рыбы. Взял он собак и пустился в погоню за лисой. А лиса в норе уже сидит и сама с собой говорит. “Что, уши, вы делали?” — “Мы слушали, не идет ли лопин, не лают ли собаки”.- “Что, глаза, вы делали?” — “Смотрели, нет ли близко лопина”. — Что, ноги выделали?” — “Уносили тебя от врагов твоих”. — “Что, ты, хвост, делал?— “Мешал тебе бежать”. — “Вот какой ты товарищ”, говори: лиса и выставила хвост собакам. А те вытащили лису за хвост и разорвали.

Шапка невидимка

Некогда жил-был царь и у него была дочь красавица. Он послал объявление по всей земле, кто достанет звезду с неба, тот и получит в замужество его дочь. Люди знатные, узнав об этом, сперва удивились столь странному объявлению, полагая, что со временем царь уничтожит его. Не видя однако отмены приказа, не стали и думать о красавице. Царское объявление дошло и до Лапландии. Вот один Лопарь и похвастался, что он может достать звезду. Сказано - сделано. Лопарь пошел по высоким тундрам и горам, чтобы оттуда достать звезду. Он перебивал на многих высоких тундрах и горах, но звезды достать не смог. Когда приходил на высокую тундру, то ему представлялось, что с другой более высокой можно достать, но когда приходил туда, опять видел тоже. Так он ходил долго, и наконец потерял надежду, что можно достать звезду. Стал горевать, потому что в объявлении сказано было еще, если кто скажет: достану, но не достанет, тот предан будет смерти. Горевал он немало времени, и хотел наконец лишиться сам себя жизни, как в это время откуда не возьмись явился пред ним незнакомец и сказал: "Что ты такой печальный, разве что потерял?".

"Как мне не печалиться, когда сам себя я за хвастовство приговорил к смерти. Желая сделаться счастливым, я сказал что достану с неба звезду, думая что можно это сделать высокой горы, но между тем ошибся: сколько ни пытался, но успеха никакого не было. Теперь не только мне не жениться на царевне, но еще придется умереть".

Незнакомец сказал:"Не знаю, как пособить твоему горю. Впрочем попытаем счастья. Ты садись ко мне на спину и держись крепче. Мы полетим вверх, и ты только вниз не смотри. Вот они и полетели, как птицы, к облакам. Летели они долго; наконец Лопарь устал даже и держаться. Незнакомец в это время и сказал: смотри вверх лучше. Он смотрит и видит, что звезды у него под руками и все большие.

Ну, что видишь, спросил опять его незнакомец. Звезды у меня почти в руках, ответил он. Возьми же одну скорее руками. Он сейчас взял звезду, сперва одной рукой, а после и другой. Как двумя-то руками он взял звезду, незнакомца вдруг и не стало. Лопин остался у звезды висеть и думает: звезда у меня и в руках, но и с ней опять горе. Ветер между тем его бросал со стороны на сторону, а он все таки от звезды не отступается. Наконец его оторвало вместе со звездой и он полетел вниз. Упал он с высоты на мох и просел до половины туловища. Звезду он положил в карман, а сам стал стараться выйти из мха. С большим трудом он освободился и тогда пошел искать дороги. Шел он немало времени, и наконец услышал, что недалеко кричат люди. Он пошел туда и увидел, что между собою дерутся три человека. Подошел к ним и сказал:"что вы за люди и о чем спорите, чуть даже не деретесь".

-"Мы все родные братья. У нас ныне умер отец, и у него осталась одна шапка - каппер. Вот ее то

мы и не знаем, как разделить. Каждому взять хочется, а другим-то ничего не останется".

- "Очень сожалею, что вы из-за такой безделицы спорите и даже чуть не деретесь".

- "Да, легко тебе это говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто оденет ее, того никто не увидит, что бы он не делал. Эта шапка лучше всякого богатства".

- "Нельзя ли посмотреть мне, покажите пожалуйста, я вам буду очень благодарен".

Они согласились и принесли.

Он взял в руки и стал рассматривать. Да, шапка действительно хороша, и стал поднимать себе на голову. Братья, видя это, сейчас сказали: нет, не одевай себе, мы тебя не увидим.

- "Ничего, не надолго можно примерить. Правду ли вы еще говорите, стоит ли и спору-то. Я только удостоверюсь в справедливости ваших слов и возвращу вам".

Не успел он одеть, как его перестали видеть, и он пошел далее путем-дорогою.

Братья после этого еще более заспорили, но наконец сказали: "Шапки более нет, перестанем же и спорить, потому что из троих из нас теперь никому не завидно. Будем жить лучше по прежнему, согласно, и поблагодарим незнакомца, что он избавил нас от неприятности. Быть может, во время спору мы бы убили еще один другого".

Лопин в шапке-невидимке шел себе к царю и никого не боялся. Знал теперь, что у него никто не отнимет и звезды. Вдруг он опять услышал крик и пошел посмотреть. Когда стал приближаться к людям, шапку снял. Теперь он увидел, что дерутся три человека. Он опять спросил их: "что вы за люди и зачем обижаете один другого"?

- "Мы братья. У нас был отец и теперь умер. У него остались одни только каньги,- каммай, но каньги только непростые. Если их поворотишь на левую сторону, то они сами идут, или вернее несут на себе человека".

- "Нельзя ли мне их посмотреть?" Братья принесли и стали показывать.

Лопин рассматривал их внимательно и хвалил. Они будучи польщены его словами, дали ему и померить. Лишь только он одел их, как в то же время надел на себя шапку и пошел от них далее с благодарностью за простоту.

Братья еще поспорили между собою, но наконец и они помирились, подобно первым.

Лопин теперь продолжал свой путь очень скоро, и через несколько времени услышал крик. Пошел на голос и увидел, что между собою три человека. Он спросил их: о чем вы спорите и что делите между собою?

Мы братья и сейчас похоронили отца своего. Денег и имущества у него не осталось никакого.

Остался у него только один посох,- соббъ; посох этот непростой: если рукоятку поставить в землю во время войны, тогда на той стороне, где находится посох, не убьют ни одного человека, а неприятели все умрут от моровой язвы. Он попросил посмотреть и, как только взял в руки, сейчас же рукоятку поставил в землю, и братья умерли. Он положил их в землю и пошел в веселом расположении духа к царю. Шел, шел и дошел до большого красивого дома, окруженного со всех сторон полями и садами. Он стал ходить около дому, в надежде не увидит ли кого. К сожалению, людей не видел, а видел только, что летают разные птицы, и гуляют по саду. Перед вечером пошел он в дом и, лишь только отворил двери, сейчас увидел толстую женщину. Она, увидав его, сказала: "вот мне теперь будет праздник, хорошее мясо само пришло ко мне".

- "Нет, любезная! на мое мясо лучше не надейся. Я уже хожу много, много времени, и у меня остались только кости да жилы. Будь лучше добра, и помоги моему горю: скажи, в какой стороне живет царь с красавицей-девицею".

- "Вот этого-то я уже не знаю. Сижу постоянно дома и мне во всем помогают птицы. Спрошу у них". - Вышла она в сад, и птицы по ее знаку все прилетели к ней. Она спросила их: где живет царь и красавица девица. Птицы отвечали что не знают, и прибавили, что нужно спросить у самой

большой птицы - Куддалвь, которая носит людей. Она, быть может, и знает. Явилась наконец и эта птица, спросили у нее, но она не ответила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить и так как она молчала, взяла ее в избу и бросила на печь. Птицу ожидала тут настоящая смерть, и она сказала: отпустите меня с печи, я скажу. Ее взяли оттуда и хозяйка сейчас же велела ей отнести Лопина к царскому дворцу. Лопин поблагодарил хозяйку и сел на птицу. Птица поднялась высоко и понесла его через реки, озера и моря. Летела она долго, наконец захотела есть, сказала Лопину: брось на море платок и кусок серы. Лопин бросил и образовался остров - Суло. Здесь они отдохнули и закусили. На другой день опять утром рано полетели они и перед вечером увидели стадо коров. Птица опустила Лопина на землю, указала ему дорогу к царю, а сама схватила быка и полетела с ним обратно. Лопин вскоре пришел к царскому дворцу, надел невидимку-шапку и пошел во дворец. Здесь он увидел много людей, ходил за ними и рассматривал везде и все. Наконец прошел он в комнату к царской дочери. Она сидела и шила себе хорошее платье. В это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а Лопин отрезал от звезды кусок и положил в чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взяв в руки чашку, увидела, что в воде плавает звезда. Она изумилась и поставила питье в сторону. Попросила другую чашку, но и с этой Лопин сделал тоже самое. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала, думала и наконец сказала: "кто здесь из посторонних, пусть покажется, наказания не будет". Лопин снял шапку, и она его увидела. "Кто ты такой и зачем сюда пришел, расскажи подробно".

Лопин рассказал о себе все сначала и до конца и спросил, где царь? мне нужно явиться и к нему. Царевна сказала: "К сожалению, его нет. Он уехал на войну, откуда и получены сегодня известия, что войска его все разбиты. Едва ли он жив теперь и сам, прибавила она со слезами на глазах". Спросил он еще, в которой стороне война, и узнав, сказал, что пойдет на войну. Увижу я там сам, так ли дела плохи и не могу ли пособить.

Царевна стала его уговаривать и упрашивать, говоря, что теперь у ней вся надежда на него. Наконец, убедившись, что он не останется, стала и сама проситься с ним. Он уговаривал ее остаться и сказал: если я пойду, то возвращусь скоро, да и царь возвратится, а если нет, то с ним может случиться действительно несчастье. Царевна наконец осталась, а он в своих каньгах сейчас же явился на войну. Лишь только он поравнялся с царем, как сейчас же посох поставил рукоятку в землю.

По неприятелю немедленно прошла моровая язва и войска все умерли. Царь, стоявший на коленях, прослезился и возблагодарил Бога за спасение, и сатл собираться к отъезду во свояси. Лопин, видя, что война кончилась счастливо, в своих каньгах поспешил к царевне, чтобы передать о случившемся. Пришел он во дворец и рассказал, как и от чего погиб неприятель. Она поблагодарила его, и стали дожидать возвращения царя. И вот, когда пронеслась весть, что царь возвращается с победой, царевна и Лопин вышли его встречать. Царь не успел еще увидеть у царевны звезды, как она и Лопин стали просить благословения на брак. Царь на радостях сейчас же благословил их и дал пир на славу всем. Новобрачные стали жить да Бога славить. Вот и сказка вся.

Записана со слов М. Федотова.

Свящ. К. К. Щеколдин

Лисица и лопарь

Жили лисица и лопарь; жили очень дружно. Мужик пошел на охоту: мужик только что ушел, лисичка натянула на палочку пойду и стала жарить у комелька. Сало каплет - она лежит; у ней все

лицо сгорело. Мужик как пришел, как плеснет воды в комелек - она и не услышала. Пойда от палочки отлетела и прямо ей в глаза; она и ослепла: не видит ничего. Лопарь пришел, она и говорит: "кто-то воды налил в комелек, и сало в глаза пошло; у меня все глаза сгорели". Мужик и говорит: "пойдем со мной; поправим твои глаза". Мужик привел лисицу к дереву - к сосне. Лисица стала кланяться: "Сосна-матушка! Дай мне глаза". Мужик отодрал кусок смолы и прилепил к глазам лисицы; она и говорит: "вижу, только слипаются глаза, открыть не могу". Он и говорит: "пойдем, посетим березу". Пришли к березе: береза-матушка, говорит лисица, - дай мне глаза и кланяется. Береза и дала лисице глаза, только что узкие: прилепила кусочек бересты к глазам и лисица стала видеть и говорит: "вижу". Тогда мужик говорит: "коли видишь, иди одна домой". Она и пошла домой, а он за ней, лисица видит - на дороге дерево скривилось, а лисица другая под деревом яму копает - она и думает что дом. Мужик и говорит: "Куда ты пихаешься, ведь это не дом"; она говорит: "полно молоть-то, это дом наш". Мужик стал лисицу за хвост дергать; он дергал, дергал за хвост и хвост выдернул. Потом мужик пошел домой, а лисица тут под деревом и осталась жить. Мужик стал искать, искать нет ли чего у лисицы; искал и нашел золота и серебра много. Стал жить и богатеть.

Сонгелы

Н. Харузин "Русские лопари"

О медведе и лисице

Пошла раз лисица гулять, легла на дороге - притворилась мертвой, и ноги вытянула, словно замерзла. Едет лопарь; много, много за ним саней; на последних санях лежит рыба: увидал лисицу, положил ее на сани и поехал. Ехал, ехал, лисица и упала нарочно с саней; он поднял ее и положил на вторые сани. Опять ехал, ехал - лисица опять упала: он поднял и положил на третьи сани. Так продолжалось до тех пор, пока лисица не добралась до последних саней, в которых была рыба. Лисица стала грызть веревку за которую были привязаны сани. Грызла, грызла - перегрызла - сани остановились. Лопарь не заметил; лисица и стала есть рыбу. Съела. Что осталось взяла в зубы и пошла в лес. Медведь увидал - говорит: "откуда у тебя, лиса, рыба?" Она и говорит: "поймала - хвост опустила в воду и поймала." Медведь говорит: "научи". Лиса привела медведя на реку, пробила камнем дырку во льду, и медведь стал хвостом ловить рыбу; в то время хвост у него большой был. Лисица уходит, возвращается через несколько времени и заметив, что у медведя хвост примерз, начинает кричать. Медведь с испугу сильно рванулся и оборвал хвост; с тех пор у него хвост маленький.

Массельга

Н. Харузин "Русские лопари"

Сталло-стал и два брата

Жили при озере два брата. У них была только одна сестра, и они, уходя куда-нибудь из дома, оставляли ей всегда и дров, и воды, чтобы она не выходила из дома и чтоб, таким образом, кто-нибудь, не похитил ее. Раз они пошли и почему-то не оставили ей ни дров, ни воды. Девушка пошла на озеро за водой: из озера вышел человек, схватил ее и увлек к себе. Братья воротились и увидели, что сестры нет. Пошли они к озеру нашли лишь одно ведро, а сестры, сколько не искали, найти не смогли. Они и кричали и звали ее, наконец сказали: "верно утащили ее". Им было жаль сестры и они стали думать, как бы вернуть ее обратно к себе. Они нарубили березовых ветвей и

сплели из него кольцами веревку: работали они так семь лет, и когда сделали веревку, то один из братьев (младший) спустился по ней в озеро; прежде чем спускаться, он сказал брату: "ты меня спусти в воду и до тех пор не тяни веревки обратно, пока я не начну дергать ее - тогда и тяни". Спустившись через воду до дна, он привязал веревку к камню, а сам пошел искать сестру. Прошел он не очень много - увидел избу. Он подошел к ней и сказал: "избушка, повернись окошками к лесу, а ко мне дверью (пырть ергаль мянца икиней, муу гар мунне и сей)". Как только он это сказал, так избушка повернулась, и он увидел дверь. Отворил дверь, вошел в избушку, видит в ней сидит старуха. Старуха и говорит: "вот ко мне мясо пришло". Он и говорит: "мое мясо негодно - худо: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра: скажи, не знаешь ли моей сестры, кто ее сюда взял - вот уже восьмой год". "Я не знаю,- говорит старуха,- у меня есть меньшая сестра - она живет дальше - она скорее это знает". Он и говорит: "как я могу ее найти?" "Я тебе опаса (проводника) дам; а теперь пока, коли ты голоден, садись и ешь, и что дам, съешь все". Она дала ему полсвиньи. Он сел и стал есть, но всего съесть не мог. У него было на руке кольцо, он снял его и бросил на пол - кольцо зазвенело; собака, бывшая в избе, залаяла, и старуха вышла на улицу посмотреть, нет ли кого. В это время он мясо припрятал подальше в угол, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашивает: "Что, неужели все съел?" "Да, говорит, благодарю". "Ну вот возьми опаса", говорит старуха и дала ему клубок шерсти, "брось на землю, как выйдешь из избы: куда он покатится, туда ты и иди". взял его, поблагодарил, простился и пошел. Бросил клубок, как ему велела старуха; он покатился; лопарь и пошел за ним. Прошел он довольно далеко и опять увидел избушку. Подошел к ней и сказал то же, что и перед первой, и она повернулась к нему дверями. Зашел он в избу и увидел женку средних лет. Она языком своим подметала пол, а руками из печки без всякой лопаты тянула хлебы. Увидя его женка сказала: "вот ко мне и мясо идет". "От мяса, тетушка, говорит он, сыта не будешь; я чуть с голода не умер, да благодарен твоей сестре - накормила меня, вот и дошел так, а нет на дороге бы умер. Ты лучше скажи мне, не знаешь ли моей сестры? Ее кто-то взял, вот уже восьмой год". Женка посмотрела на него и говорит: "так и быть, помогу тебе: вот, возьми этот клубок шерсти, брось его на улице, и куда он покатится, туда и ты иди. Ты придешь с ним к моей старшей сестре; вот у ней-то и можешь узнать про свою сестру". Поблагодарил ее лопарь и пошел куда клубок повел. Дошел он до третьей избушки. Опять сказал: "избушка, повернись к лесу окнами, а ко мне дверьми". Она повернулась; он вошел в избу: видит сидит старая, престарая старуха. Он поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не ответила, а сказала: "вот ко мне мясо само пришло". "Бабушка, мое мясо не годно. Едва я в дальней дороге не умер, да накормила меня твоя сестра; вот благодаря ей и другой твоей сестре я и пришел сюда. Будь лучше добра ко мне; скажи, не знаешь ли, где моя сестра живет, у кого: ее взял кто-то, вот уже восьмой год". "Ну ты голодный, говорит старуха, садись же сперва ешь и положила ему полсвиньи. Как все съешь, скажу где твоя сестра и дам тебе опаса". Сел лопарь стал есть. Увидел опять, что всего ему не съесть. Снял с пальца кольцо, опустил его на пол; оно зазвенело, и собака залаяла. Старуха вышла посмотреть, нет ли кого, а он в это время остатки припрятал. Вернулася старуха: видит, что ничего нет и говорит: "Ну что, все съел?" "Все, говорит, благодарю". Ложись теперь и отдохни, а завтра поедешь к сестре. Он лег и заснул. Проснулся уже утром. Старуха ему и говорит: "иди теперь направо от избы: там увидишь лошадей, которую первую увидишь, на той и поезжай к сестре". Он пошел и недалеко от избушки увидел лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Он схватил было ее, посмотрел и подумал: "далеко ли на ней уеду: ее саму нужно тянуть, да старуха велела - поведу." Лошадь запрямылась, и он отпустил ее. В это же время он увидел и другую большую лошадь, она ему понравилась, схватил ее и повел к избе. Привел и вошел в избу. Старуха и спрашивает: "что привел?" "Привел," говорит. Она вышла посмотреть и когда увидела первого большого коня спросила: "Этого-то ты взял, разве он тебе первый попался?" "Нет,

говорит, первый маленький: он мне не понравился. Куда я на нем поеду - самому нужно будет тянуть его, да он еще и заупрямился, я и отпустил его. Этого увидел и взял." "Взял, теперь дела пока не поправить. Поезжай, но не быть тебе живому." Сел он на коня и поехал. Через несколько времени увидел он избу; около избы играют три парня. Ребята и закричали: "мать, дядя едет, дядя!" Она и кричит им из избы: "откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто от нас приезжает." Помотрела однако в окно и увидела брата. Вышла навстречу ему, поздоровалась, позвала в избу. Дала ему поскорей поесть и говорит: "ешь скорей и поезжай, иначе мой муж тебя убьет." Он поел и поехал обратно.

Сталло-стал, муж сестры, вскоре после его отъезда вернулся домой. Дети и говорят ему: "у нас здесь дядя был". "Какой дядя?" "Матери брат." Он сейчас у жены спросил: "давно ли он уехал?" Дети и закричали: "недавно." "А какой конь был и чей?" "Конь был старухин, на котором она возит воду." "Ну этот ничего не стоит." Сказав это, он сейчас же побежал, догнал лопаря и убил его. После этого он пришел домой, а лошадь старухина к ней прибежала. Старуха увидав коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свежих березовых прута, ударила ими по лопарю - он пошевельнулся; ударила другой раз - он сел; ударила третий раз - он встал на ноги и говорит: "как долго я спал." "Да ты еще дольше бы спал и вовсе бы даже не встал, если б не я. Пойдем теперь ко мне: там дело как-нибудь поправим." Пришли к старухе, она опять послала его за лошадью и посоветовала ему взять маленькую. Он опять схватил маленького коня, но тот заупрямился, и он увидел белого большого коня, отпустил маленького и привел белого. Старуха вышла, увидела, что он привел не маленького коня, опять сказала ему: "не будешь ты жив и на этом коне." Но все-таки приказала ему ехать. Он сел на коня и поехал; приехал к дому сестры; ребята опять закричали матери: "дядя едет, дядя." "Какой дядя, ваш отец убил его. Дядя больше не приедет." Посмотрела в окно, увидела брата. Накормила его поскорей и приказала скорее уезжать. Как только он уехал, пришел Сталло-стал. Дети опять сказали ему: "у нас дядя был." "Какой дядя был?" "Да тот же самый, который вчера был." "Давно ли он был и на каком коне приезжал?" "Конь был бабкин, на котором она дрова возит." "Ну, сейчас догоню." Побежал, догнал лопаря, убил его и пришел домой, а лошадь опять прибежала к старухе. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза березовыми прутьями; после третьего удара он встал и говорит: "долго я проспал опять." "Да спал бы и еще, если бы не я." Он поблагодарил ее и они вместе вернулись. Она опять послала его за лошадью и приказала ему взять непременно маленького коня, "а иначе тебе никакой помощи не будет от меня." Лопарь пошел и привел маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрела и сказала: "вот давно бы так сделал, тогда и сестра была бы уже у тебя." Она дала ему еще две собаки и приказала бросить им, когда поедет обратно, два хлеба. А собак он должен был оставить на полдороге. Лопарь сел на лошадь и поехал, собаки за ним побежали, на полдороге он их оставил. Приехал к дому сестры, ребята опять закричали: "дядя едет, дядя." "Какой дядя? Отец ваш убил его. Разве он сам идет." Посмотрела в окно, увидела брата, привела его в избу, накормила и приказала ехать скорее обратно; в противном случае ни ему, ни ей не остаться в живых. Он уехал. Тотчас по уходу его пришел Сталло стал. Дети опять закричали: "у нас дядя был." Он посмотрел на них сердито и спросил: "Давно ли?" "Недавно." "А на каком коне он приезжал?" "Конь у него был бабкин, и очень, очень маленький." "Какой?" "Очень, очень маленький." "Ну, и я, этого коня, должно быть, не знаю." Он побежал в погоню. Лопарь на маленькой лошади скачет словно птица, но Сталло-стал начал его понемногу догонять и закричал ему: "Подожди, вместе поедем!" Тот немного подождал, а как только Сталло-стал приближился, гнал еще скорее.

Так он делал до трех раз. Наконец доехал и до места, где он оставил собак. Одна стоит на другой стороне дороги, другая на другой. Бросил он им хлеба, те схватили и съели. Добежал до них Сталло-стал, собаки схватили его, разорвали на две части и стали его есть. Лопарь повернул и

поехал обратно к сестре. Ребята опять закричали "дядя едет, дядя." Мать на них заворчала: "едет отец, говорит, а вы меня еще дразните." Посмотрела в окно, увидела брата и удивилась. Он вошел в избу и говорит: "довольно тебе мучиться, собирайся и поедем домой." Положила она все свои пожитки в ящик, - те пожитки, которые получше, а что похуже было, то оставила. Детей решили убить. Убили двух, а третий - старший - сказал: "не убивайте меня, возьмите с собой, я пригожусь вам." Его оставили в живых и все втроем поехали. Доехали до старухи, отдали ей коня и пошли пешком домой. Шли они долго, наконец дошли до озера. Нужно было его переехать, потому что обходить было далеко. Стали искать, на чем бы переехать и увидели железный карбас, полный водой. Сын и сказал: "У меня прежде отец поднимал карбас немного кверху и вода убегала." Лопарь взял карбас за корму, а племянник его за нос: немного приподняли карбас и воды не стало. Сели в карбас, переехали озеро и пошли дальше. Через несколько времени пришли к реке, где карбаса не было, они не знали как переправиться. Сын Сталло-стал опять сказал: "У меня отец был, так он вырубил две чурки - бревна, поставит их на край реки и спустит. Они и падут другим концом на другую сторону. По ним он и переходил." Сделали так и перешли. Наконец дошли они до веревки. Лопарь отвязал ее от камня, привязал к веревке сестру, потом себя, потом парня. Стали за веревку дергать и их потянули наверх. Вытянул старший брат сперва сестру и спросил у ней: "кто там еще?" "Ящик." Вытянул и ящик, взяли и его. "Еще кто?" "Брат." Вытянули и его. "А там еще кто?" "Сын сестры". "Нет его не надо, это род Сталло-стала и может нам вред принести." Веревку перерезали и он пошел ко дну. Братья с сетрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась от сына, так как он ее часто бил.

Сын, оставшись под землей, пошел куда глаза глядят. Шел он, шел, увидел оленей. Подошел к ним, стал звать людей, но никого не было; стал смотреть – увидел кережу. Он схватил оленя, запряг его в кережу и поехал, не правя. Олень ехал, ехал, и навстречу сыну Сталло-Стала попался человек; человек этот и спросил: «куда ты поехал?» - «Сам не знаю, куда», говорит, и рассказал ему, как нашел оленей и поехал. Человек удивился этому и стал звать его к себе в работники. Он согласился: «для меня все равно жить: где-нибудь, да надобно». Поехали они вдвоем в керже; ехали долго, наконец увидели, что едет лопарь. Остановились и стали разговаривать. Лопарь оказался младшим братом спасенной сестры; он узнал парня, а тот не узнал его. Лопарь и стал просить того человека, чтобы он уступил ему парня в работники. Тот и говорит: «я взял его не оттого, что мне нужен, а потому, что ему все равно, где жить, лишь бы у места». Вот парень и поехал с ним. Приехали домой, и парень узнал свою мать. С ним с виду обходились хорошо, но в действительности братьям хотелось его убить. Так им убить его хотелось, что решили убить его, когда будут рубить лес: «тогда сделаем так, чтобы дерево на него упало и убило его». Они так и сделали; дерево упало и убило парня: они тут его и похоронили. После этого один из братьев ушел домой, а другой в кегоры. Там ему встретились три человека в белых одеждах и спросили его: «у вас, мы слышали, есть парень, где он?» «Он сегодня убит: на него упало дерево». «Жаль его, - говорят, - а мы хотели взять его к себе в работники. Теперь же его нет – нечего и делать. Нам теперь идти больше не хочется, а не дашь ли ты нам трех быков-оленей, мы и поедем сами. Оленей потом спустим: они прибегут». Он на радостях, что избавился от парня, дал им оленей, они и сказали: «ты не будешь раскаиваться, что дал нам оленей: у вас будет вдвое больше оленей, и все будут здоровы». Они уехали; олени вскоре прибежали назад. Братья после этого зажили хорошо и богато, и были счастливы.

Н. Харузин "Русские лопари"

Как мужик ходил к солнцу

Жил, был мужик. Он бедно жил. Он думал, как бы к солнцу попасть. Он пошел, шел, шел, шел несколько дней, пришел в путас (глубокое место реки, где нельзя перейти вброд); через реку кит высох, будто дорога, будто мост через реку; по китовой спине ходит народ; пребольщинская дорога, словно улица. Он пошел по спине кита. Кит и спрашивает: «куда ты, хороший человек, пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу пошел попадать». Кит говорит: «когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я высох и не могу выйти». Он шел, шел опять – видит, две жонки из проруби воду черпают у озера. Спрашивают: «хороший человек, куда ты пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Они и говорят: «когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи мы черпаем третий год, а из проруби воды не убавляется, не прибавляется». Он пошел; шел, шел несколько дней; попадает в избушку; в той избушке старик со старухой живут, тоже 3-й год. Спрашивают его: «куда ты, хороший человек, пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Они и говорят: «спроси у солнца, за какие грехи мы 3-й год живем, ни есть, ни пить нечего». Шел, шел, пришел на берег; пришел к реке; там старик постоянно на карбасе ездит, перевозит; старик старый, волоса седые, длинные, борода белая. Старик спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Старик карбас (лодку) повернул кормой к берегу; мужик сел. Старик говорит: «тяжело мне порато (очень) перевозить порато тяжело; придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я перевожу». Опять шел, шел, пришел к лесу! в лесу избушка; в той избушке девочка маленькая (7-8 лет) живет, у девочки груди больше, больше ее. Она и спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он говорит: «к солнцу иду попадать». Она баню истопила, напоила, накормила его. Он ее спрашивает: «нет ли подводки какой?» А она дала палочку и говорит: «куда эта палочка идет, туда ты вслед иди». Он шел по палочке: куда палочка, туда и он. Он шел, шел, палочка и пришла к избушке и назад поехала. В той избушке девушка (большая) сидит: на левом боку платя нет – совсем голо. Она спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он говорит: «к солнцу иду попадать». Она накормила его, а он говорит: «не дашь ли ты мне подводку?» Она дала лошадь: «куда лошадь идет, туда и ты иди», и сани дала. Он шел, шел, пришел к избушке. Он остался, а лошадь сама поехала назад. В избушке старушка живет; у старушки груди большие. Она спрашивает: «куда ты?», он говорит: «к солнцу иду попадать; нет ли подводки, не знаю, куда к солнцу идти». А она говорит: «будет первая избушка, там солнцева мать (пейв-иэн) живет». Старуха дала клубок мужику: «куда клуб идет, туда и ты иди». Клуб шел, шел, пришел к избушке. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клуб этот по дороге назад пошел. Он пришел в избу, там женщина не очень старая, ходит, красивая: волосы растрепаны, на правом боку голая, только как жар горит правый бок. Она спрашивает: «куда ты?..» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Она как схватит его за руку и говорит: «пойдем, посмотрим со мной, какво солнце». Она вела его, вела, пришла в темную комнату, нигде света нет; она ушла. Он там сидел, сидел, потом светло сделалось, солнце запекло, жарко так. Потом вдруг темно опять сделалось. Как темно сделалось, идет эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять в свою избу. Привела в избу и спрашивает: «видел ли ты солнце?» Он отвечает: «я видел». Она ему свою грудь показывает: «видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая». Он пощупал – горячая, горячая. Она дала ему золота, серебра много. Потом он стал рассказывать: «кто эти женщины, которые мне давали поводы?» «Кто эта старушка, что мне дала клуб?» - «Это мне старшая дочь». - «Кто эта, которая мне лошадь дала?» - Это мне средняя дочь». - «Кто эта, которая мне палочку дала?» - «Это мне младшая дочь» - «За какие грехи, говорит, старик поставлен перевозить, ведь ему тяжело». Она говорит: «старик посажен за то, зачем он кормой на берег пристает: это грех

непростительный». – «Еще, говорит, старик со старухой живут 3-й год, живут, ни есть, ни пить не могут: за какие грехи мучатся?» Она ему отвечает и говорит: «Не буде им прощения за то, что они у народа много денег украли: они век свой будут жить в этой избушке». Опять мужик спрашивает: «за какие грехи женщины из проруби воду черпают?» Она и отвечает: «за то, что они вином торговали и молоком, и водой наливали вино и молоко, им тоже прощенья не будет вовек» Потом он опять говорит: «за какие грехи кит засох через реку?» Она говорит: «за то, что кит порато (много) народа пожрал и карбасов и шняк – за то; если народ он весь найдет, который проглотил, то выйдет из того места».

Н. Харузин "Русские лопари"

Игрун - смельчак сын

Жиль некогда один богатый человек, и имел он одного сына. Умирая, он заповедал своей жене, чтобы она сыну его, если он попросит денег, дала ему в первый раз не более трехсот рублей. Сын после смерти его вырос и стал ходить на улицу с детьми играть. Он играл с ними в бабки и бабки у них отнял. Ребята ему и закричали; ты богач, а у бедняков отнимаешь бабки. Стыд. Он бабки бросил им и пришел к матери и сказал: дай мне сто рублей.

Мать денег дала ему, и он пошел па улицу. Здесь опять играл с ребятами и побрякивал деньгами. В это время он увидел: идет старик и несет кошку, и спросил его, не продашь ли кошки?

- Купи.

- Много ли просишь?

- У меня кошка смиренная и я менее ста рублей не продам.

Не говоря ни слова, он вынул деньги из кармана, отдал их, взял кошку и пошел домой. Здесь ему она так понравилась, что он не знал более никакого дела, как только с нею и играл. Наконец, однако, наскучило ему, и опять пошел на улицу к ребятам играть. Играя с ними, он опять отнял у них игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бедных копеечные игрушки. Он бросил их и пошел к матери.

Дома опять выпросил у матери сто рублей и с ними пошел на улицу играть. Побрякивая деньгами, он опять увидел того же старика, у которого купил кошку, и он вел теперь собаку.

Он опять стал покупать и купил ее за сто рублей, сколько и просил хозяин. Он сказал ему, что на его собаке можно ездить и возить дрова.

Привел собаку домой и с нею и кошкой играл постоянно. Они от него не отходили никуда. На собаке он ездил, а кошку привязывал сзади. Этим он занимался долгонько и наконец это ему наскучило.

Опять пошел на улицу и играл с ребятами. Отнял у них и игрушки, те опять и закричали и он, рассердившись, бросил им. Пришел домой и опять у матери сталь просить 100 рублей. Мать деньги дала и сказала: это последние, отец более тебе не оставил. Взял он деньги и пошел на улицу. Вскоре он опять увидел того же старика, но у него ничего не было уже. Он поэтому спросил его, куда ты пошел?

- Я хожу и хочу кому-нибудь продать золотой перстень - сурмас.

- Продай мне и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и последние.

Старик согласился продать ему за сто рублей, только прибавил: деньги отдай сейчас, а за перстнем-кольцом пойдем со мною, и у меня дома получишь. Заплатил материн сын деньги и пошел с ним. Пошли они сперва мимо домов по дороге, и все прошли. Пошли далее уже лесом, и пришли к пахте, каменной горе. Здесь старик снял с отверстия камня и сказал: поди туда, а я иду

за тобою. Сынок как зашел туда, то старик сейчас же отверстие закрыл и сам остался на земле. Покупатель очутился в безвыходном положении, как к тюрьме. Сперва он плакал, а потом пошел, куда понесут ноги. Наконец у него под ногами стали доски, и чрез щель вдали увидел свет-огонь. Потом туда и пришел к лестнице-листочке – пордис. По ней он поднялся и увидел пред собою двери. Их он отворил и увидел пред собою комнату, залитую светом, потому что горело много свеч. В ней стоял стол со всякою пищею - пуромаш и вином. Будучи голодным, он сел, наелся и напился. После этого он стал смотреть и опять увидел впереди двери. Пошел туда, отворил их и опять увидел такую же комнату со столом, кушаньями и пивом. Он был сыт и поэтому только на них посмотрел. Впереди были опять двери, он отворил и их. Здесь было везде пусто. Стола с кушаньем не было, а вместо его, в одном углу он увидел лежащего человека. Подошел к нему и увидел, что он мертвый, и на руке у него золотой перстень. Смотря на него, он подумал - мне это-то перстень и продал, должно быть, старик. Поэтому он перстень с руки покойника снял, надел себе на палец и пошел назад. Миновав светлые комнаты, он зашел в непроницаемую тьму, и не знал совершенно куда ступить. С горя он стал перстень с пальца на палец перелагать и когда надел его на первый палец от мизинца на левую руку, тогда перед ним явились два человека и спросили: что тебе нужно?

- Я желаю отсюда выйти, так как старик, показавший мне сюда дорогу, со мною не пошел, а остался наверху. Меня одного сюда запер.

- Теперь немного усни, а после все тебе будет. - Он немного соснул, проснулся и увидел, что отверстие на землю открыто. Перстень переложил на средний палец, вышел из пахты и пошел своей дорогой домой. С радостью вошел в свой дом, но увидел, что мать сидит почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Поел он сухой резки (лопарский пресный хлеб, не толстый) и пошел спать.

На постели он перстень со среднего пальца опять переложил ближе в мизинцу на левую руку и к нему опять явились те же два человека и спросили, что тебе нужно?

- Я долго проходил из своего дома, мать все прожила и нечего стало есть.

Они ответили: теперь спи до утра, а утром все тебе будет. Встал он утром и увидел, что везде у них всего довольно. Зажил он хорошо после этого и стал думать об открытии торговли. Вот опять однажды вечером перстень переложил на палец и опять явились два человека и спросили: «что тебе нужно?»

- Мне хочется быть купцом. - Ну теперь спи, а утром все будет по-твоему. Через ночь все так и сделалось. Встал и увидел, что пред домом его стоят лавки с товарами. Торговля пошла у него удачно, и так он прожил несколько годов. Наконец захотелось ему жениться, и стал у матери просить дозволения... Мать согласилась, но спросила, где у тебя невеста?

- Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

- В уме ли ты, об этом не нужно и думать-то даже.

- Нет, я так хочу непременно, и ты должна идти от меня сватьей. Снесешь царю, царице и невесте богатые подарки и дело устроится как нельзя лучше.

- Мне думается, что ты напрасно это задумал, потому что царю нужно подарки нести не простые, а драгоценные, а где ты их возьмешь?

- Об этом не беспокойся. Завтра все будет.

На постели он перстень переложил на палец подле мизинца, и опять явились два человека и сказали: «что тебе нужно?»

- Я думаю жениться у царя и мне нужны поэтому подарки: два камня (керчь) драгоценных и один самоцветный.

- Спи до утра и тогда все будет, ответили они и ушли.

Встал он на другой день и увидел на столе три камня, которые горели как огонь и блестили как

солнце. Пошел к матери и отдал ей.

Мать, при виде их, пришла в изумление и с ними пошла к царю уже смело. Ввели ее к царю, где она немедленно драгоценные камни подарила царю и царице, а самоцветный - их дочери и сказала: «это осмеливается поднести вам мой сын и в то же время просит покорнейше руки вашей дочери».

Царю и всем подарки понравились, но на сватовство ответил: если завтра сын твой может подарить нам золотые тарелки и несколько гусиных яиц (время было осенью), тогда дочь и мы согласны породниться. Старуха поклонилась им, пошла домой и передала это сыну.

Вечером он надел перстень на упомянутый палец и опять пришли два человека и спросили, что ему нужно?

- Мне требуются золотые тарелки и гусиные яйца для невесты. «Спи, утром они будут у тебя». Так действительно и случилось. Мать днем пошла, отнесла подарки, осмотрели, похвалили и сказали: «если твой сын к утру сделает с нашей стороны реки на его сторону чугунный мост, покрытый красным сукном, тогда можно будет сделать и свадьбу, а в противном случае дочь моя не согласна, потому что она боится ездить через реку». Старуха, услыша это, поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, присовокупив: «вот, наделал себе хлопот». Это ничего, ответил он. К утру все дело поправится. Вечером он прибег к упомянутому ранее средству, и два человека посулили к утру все. Через ночь действительно на реке явился мост и с красным сукном. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыном, пошла к царю. Он принял ее ласково, но сказал: «дочь жила постоянно дома и ей не хочется от матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына дом подле нашего, тогда сыграем свадьбу на славу». Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тот ответил: ну и это ничего. Надеюсь, устрою. Вечером он сделал то же, что и раньше, и явившиеся два человека, посулили к утру. С рассветом действительно дом их стоял подле царского и на этот раз сын с матерью пошел к царю сам.

Царь столь богатого и смышленного будущего зятя встретил с невестой ласково и вскоре были сделана свадьба. Народу на свадьбе было много, и все веселились, сколько могли. Не мало было и пьяных. Пьяными напилась даже и старуха мать жениха, и сам молодой. Царевна однако вышла за него не по любви, а из-за подарков и чудных его дел. Она любила другого жениха.

И вот, когда увидела, что муж пьяный, она, лаская и целуя его, стала спрашивать: «какою ты силою и мост сделал, да и дом перенес?» Он, обласканный ею, с пьяных глаз и сказал, что у него есть перстень, и показал его. Следует его положить на левую руку на палец подле мизинца и тогда явятся два человека, которые и исполнят к другому утру через ночь всё желания. Жена, узнав это, стала сама угощать его и вот, когда он был очень пьян, она взяла у него с руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, несмотря на его крик. Выбросили за ним туда же и мать. Царь после этого также на него осерчал и приказал запереть в тюрьму.

Жена его между тем вечером надела перстень на указанный палец и к ней пришли два человека.

- «Чего тебе нужно царевна?» - «Я хочу, чтобы перенесена была в другое Норвежское царство к моему жениху».

«Теперь спи, а утром все будет исполнено».

Наутро, когда она проснулась, увидела себя у первого жениха и со всем своим имением. С нею были даже кошка и собака, оставленные мужем, купленные им у старика. Звери эти ходили и искали своего хозяина, но его нигде не видели, а перстень его между тем днем всегда блестел на правой руке царевны, а ночью же она полагала его в рот, а также и тогда когда спала. Кошке и собаке хотелось этот перстень отнять у ней и передать хозяину. Раз они увидели мышшь и решили хвостом ее для этого воспользоваться. Кошка схватила мышшь и хотела ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебе нужно, я пособлю.

- Хорошо, я не убью тебя, но ты должна взять изо рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: «ночью я тихонько зайду к хозяйке на грудь и хвост ей вложу в нос, она чихнет, ты перстеньхвати и бежи с ним куда знаешь, а я уже знаю куда мне уйти».

Наступила ночь. Мышь как сказала, так и сделала. Хозяйка от хвоста чихнула, перстень полетел, кошка сейчас же схватила в рот, а собака отворила двери, и побежали они вместе искать своего хозяина. Добежали они до широкой реки, и не знала кошка как ей переплыть. Собака сказала: садись ко мне на спину, и так переплывем реку. На середине реки собака, однако, подумала: кошка хозяину принесет перстень, а я ничего. Меня он, может, и прогонит. Подумав так, собака сказала: дай мне теперь перстень, я понесу его другую половину.

Что ты выдумала, мы уроним его в воду, когда я буду передавать тебе, и тогда он никому не достанется.

Собака настояла на своем и прибавила: у меня рот большой, я открою его, ты и опусти. Нет, я не поплыву далее. Кошка послушалась, и перстень упал мимо рта и пошел на дно. С горя поплыли назад и недалеко подошли по берегу, как увидели избу. В ней жил старик-рыбак со старухой. Хозяева их приласкали, и они стали тут жить.

Раз хозяин осенью привез рыбу с реки, и когда ее чистили, ущупали твердое и в кишке увидели перстень. Старик со старухой находки обрадовались и, налюбовавшись им, положили на полку. Собака и кошка это видели и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вон, кошка вскочила на полку, взяла в рот перстень и сейчас же, как хозяева в избу, они па улицу и по дорожке.

Кошка, прибежав к реке, сказала собаке: возьми перстень теперь, а как запросишь опять на реке, тогда потеряем. Собака ответила: храни лучше ты. Садись на спину и поплывем через реку. Вышли на другой берег и побежали вперед искать хозяина. Нашли его в тюрьме. Стали думать, как зайти и надумались так: собака дверь немного оттянула и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечером он надел перстень на счастливый палец, и пред ним явились два человека, спросив: что тебе нужно?

- Хочу быть свободным, и чтобы жена моя мне была возвращена.

- Теперь спи, ответили люди, а утром все будет.

Проснулся утром и увидел, что он спит со своей женой и в царских покоях, Любовник же или другой муж был посажен в тюрьму, и после его судили. Смельчак же, богача сын стал жить со своею женою и матерью на завидость другим. (Пазрека).

Н. Харузин "Русские лопари"

Вик варач

Василий, с Белой губы на озере Имандра

Два брата жили, оба женатые, матери не было живой. Одна женка поставила варить утром рано и рыболовкой пригнетает рыбу, чтобы не сырая была. Оставила рыболовку в котле. Муж захотел узнать, почему жена оставила рыболовку в котле, глядит на рыболовку, оказывается тень человека в котле, голова видна, а остального ничего не видно. Он смекает, не в котле же это, а откуда-нибудь тень наводит, и замечает в трубу. Повалился на свое место и глаз свел вверх в трубу и глядит: голова показывается в трубе, и смотрит человек.

Он взял лук и натянул, стал следить еще не окажется ли. И вдруг голова оказалась. Бух, стрелил. Слышит, что пал и заревел. Как панов боялись, так жили аккуратно. Швед ревет, ногу подстрелил. «Откуда ты взялся». — «А вот на вараке у нас войско стоит триста человек, и меня послали по всем

вежам следить, сколько в вежах народу живет». Лопин спрашивает: «Есть ли у вас человек сильный?» — «Есть, — говорит, — атаман». — «Как же его убить?» — «Его никак не убить, что он весь в латах». Лопин отрубил голову. Брат говорит: «Надо собрать всех лопарей, пойдём с ними». Собрался народ; весь погост, и пошли. Надо логом идти. Крались, крались, огонь замечают. Ну известно, огонь повсеместно: тут не видно, а с долины все видно. Подкрались близенько. Он (атаман) мясо берет, в сало окунает. «Ты, — говорит, — смотри, как он (атаман) ножик занесет в рот, так ты в ножик и стрели» (а то он весь в латах). Целился, целился, отложил лук. Рука дрожит, не смеет человека убить. «Что ты, — говорит, — медведя не боишься, а шведа боишься. Дай-ка». Старший брат стрелил. В крен ударил и ножик проскочил сквозь. А он с братом их всех перебил и в ту вараку похоронил. И называется: Вик варач (выше Бабинского погоста, почти у Имандры).

Остров Кильдин

Василий, с Белой губы на озере Имандра

Лопка-старуха похвалилась, что запрет кильдинскую губу и что коляне (жители г. Колы) оттого помрут с голоду, а то они лопарей (в Кильдинском погосте) обижают. Пал туман на море, двое суток на море не выезжают, спят все в погосте. На третьи сутки вышла женщина кормить собаку. Видит — идет остров по морю. Она и заговорила: «Что за чудо, идет остров по морю!» И все окаменели, и остров остановился, и все окаменели. А это старуха тянула остров Кильдин на оборе, как женщина сказала, обора оборвалась, и все окаменели.

Город Лынь-Лан-нынч

Василий, с Белой губы на озере Имандра

И Волчьей ламбине у Имандры жила старуха, у нее сын был холостой. Он пошел за оленями на охоту в Чуны-тундру. Жажда одолела, нашел ручей. Напился нападком. Тяжесть напала: на какой камень ступит, камень валится, ляжет отдыхать — камень шевелится. Встал и стал камень сдывать, оказывается, сила непомерная. Прежде ел мало, теперь много. Пришел к матери: «То, мать, я воды напился, длиной сделался». — «Ну и слава Богу». — «Я еще пойду, попью ее». Но не мог найти. Пришел домой, взял невод и карбас; и мать на плечо, понес через тайболу в Волчью ламбину. Пришел и стал крепость городить, город. Пришли шведы, паны. Старуха со страху померла. А он шведов палкой бить, всех и перебил. И теперь в Волчьей ламбине горушка есть, где паны складены. И называется Лынь-Лан-нынч.

Кит-камень на Имандре

Василий, с Белой губы на озере Имандра

Два лопаря жили у Имандры и стали хвастать друг другу. Один говорит: «Можешь ты зверем обернуться или животным?» Другой говорит: «Я зверем не могу обернуться, а обернусь морским китом и нырну, и ты не увидишь, куда я выстану, в лес уйду». Другой говорит: «Увижу». Обернулся и в воду. Сажень пятьдесят от берега осталось, он и выстал. А другой крикнул: «А вот ты выстал!» Он и окаменел. И теперь там камень лежит наподобие кита и называется Волса-Кедет, значит, кит-камень.

Лопарь на небе

Василий, с Белой губы на озере Имандра

Лопин все думал: вот небо-то близко, как бы мне туда попасть на небо. Взял вырубил лесину и стал строгать стружки. Строгал, строгал и настрогал большой костер. Потом зак рыл его мокрой рогожей и эти стружки зажег. Стружки загорелись, а он и выстал на рогожу; жаром его вверх поднимать будет, вот какой расчет имел. Его и стало поднимать дальше и дальше. Ну по небесам ходит, живет, народу никого нету. Неделю прожил, скушно стало, что земли не видать. Ходил, ходил, нашел у Бога ярус и видит, что ярусов много наложено у Бога, а Бога самого нету. Думает: я свяжу и спускать буду, и хватит до земли. Спустил все яруса, рассчитал, это должно хватить до земли. Привязал за дерево большое. Спускался, спускался. Не хватает на полверсты, не больше. Качает ветер над долиной и над горами носит. Понесет над долиной, все города видны и все деревни. Кричит. Прикатилось такое время, земля, гладкое место. «Развяжу узел». Развязал: только уши запели. И угодил он в дряп (болото) по грудь и с руками, вылезть не может. Весной налетели разные птицы. Прилетел и лебедь... видит: на болоте сено. Но у лебедя известно: где бы нашел кусочек, тут и гнездо делать. Плавал, плавал видит клоч. Лапками огладил, пришел с берегу земли, яйцо положил, другое, третье. И начал парить. Вдруг бежит волк, чует гнездо, а попасть не может. Волк прибежал, лебедя не было, яйца съел, гнездо разворотил. А лопин как зубами сцапит за хвост! Волк как прыгнет, его из дряпа выдернет. Так и вышел. Пришел и сказывает: «Нет, ребята, не нужно попадать на небо». И с тех пор охотники-лопари не стали хотеть на небо попадать.

Три охотника

Были три охотника. Они пошли на охоту. Говорят: "Пойдем на медведя. Медведя убьем, так у нас хоть мясо будет." И пошли. Шли, шли, смотрят - медвежья берлога или дом, не знаю, как сказать. Ну, как убить медведя? Ружья нет, нет никакого ружья. Как убить? Один брат говорит: "Я влезу туда, в берлогу. Ногой пошевелю, вы меня обратно тяните. Я медведя за лапу привяжу." И он полез. Лез, лез, туда в берлогу сунулся, а медведь ему голову отрвал. Он ногой шевельнул, они потянули. Вытащили. Нет головы. Сидят, не помнят, была голова или не было. Один говорит: "Нет, у него ведь была голова." Третий говорит: "Верно, верно, была голова. У него еще рыжая борода была."

- "Ну, что теперь делать? Может пойдем глухаря убьем. Будем варить глухариное мясо." Они пошли на глухаря охотиться.

Опять шли, шли, шли. Глухарь на дереве сидит. Один говорит другому: "Сбегай, тут недалеко есть деревня, там можно котелок попросить, чтоб глухариное мясо сварить. А я глухаря убью, пока ты ходишь за котелком."

Он побежал туда. Бежал, бежал, прибежал в деревню, говорит: "Дайте мне котелок, нам глухаря, глухариное мясо сварить надо."

Другой на глухаря охотится. На сосну лез, лез. Глухарь улетел, улетел глухарь. Он говорит: "Ну что? Ты сосновые иглы ешь, а я хлеб. Я тоже летать умею." Прыгнул и на пень угодил. И лежит с оскаленными зубами. Тот, другой, с котелком идет обратно.

Шел, шел. А луна так светит! Его тень все следом идет. "Куда ты за мной идешь? Я тебе глухариного мяса есть не дам." А она, тень, все с ним идет. "Да куда ты идешь за мной? Я сказал, что не ходи за мной." Тень все идет. Он рассердился и швырнул котелок в тень. Котелок

раскололся пополам. Чугунный котелок раскололся. Он дальше пошел. Шел, шел, смотрит он, его брат, лежит. Ближе подошел, говорит: "Что ты смеешься? Глухариное мясо не в чем варить. Я котелок расколол. В чем будем варить?"

Подошел, а он неживой лежит.

Сергина Марья Прокофьевна

Бабинский погост

Содержание:

Чаккли

Чаклинги

Мальчик из Талого Щелья

О чахлине

Смерть чаккли

О чахлыне

Нагой человек

Гром выпустили

Дочь жителей скал

Богатый, да скупой – бедный, да щедрый

Тала-медведь и великий колдун

Сказка о солнце

Братья

Как старик был лекарем

Сказка про женщину и дикого оленя

Сказка про лиса

Серебряная дева

Как старик-саами врагов перехитрил

Невеста солнца

Ванюша и водяные хозяева

Медведь и ребята

Рехп и Локри

Богатырь Ляйне

Чудэ-Чуэриэ

Воронова гора

О реке Улите

Кускас (Северное сияние)

Кускас (Продолжение)

Леск агка – вдова старуха

Сказание о нашествии «немцев» и лопине-богатыре(первый нагон)

Сказание о нашествии немцев (второй нагон)

Сказание о том, как колдунья лопарка спасла лопарей от «немцев»

Сказание о нашествии «шветов» и лопине-богатыре(первый нагон, вариант)

Сказание о нашествии «панов» на Воче-Ламбану(третий нагон, вариант)

Сказание о чудесном переезде с острова Кильдина

Сказание о том, как старик лопарь изгнал нечистую силу

Сказка о том, как лопин дьявола из беды выручил

Сказка о том, как лопин на небо попал

Шиши

Песня про орла

Дух Матери Земли

Счастье дочери мышиноного короля

Как Пудзэ-Вилльй олмэ искал

Медведь-жених

То ли было, то ли не было

Равк

Медведи-оборотни

Прародитель Мяндаш

Как Айк-Бог Грома Зло наказал или почему озеро Ловозеро имеет столько островов

Как Талушка сватался

Как ягоды в тундре получили свои цвета

Лиса и саам

Ляйн

Медовая река

Оборотень-медведь

Охотник

Как дочь старухи сделалась женой солнца

Мяндаш-пырре

О начале человека

Как бедняк зимовал

Сакка про птичку

Дерево дружбы

Миф о лунной деве

О нойдах

Землюшка, прости!

Про Куйву и Сейдозеро

Откуда пришла радость

Похищение Разиайке

Леший-побратим

Как сама Оллмэ Куйву победили

Как нойд Леффьк нойда Моаксана победил или почему озеро Сейдозером называться стало

Тирьмесь-юккс (радуга)

Нойд-роавк

Сказка о том, как земля у саамов рост забрала

Судьба, выпрошенная у Имьлесьт-бога

О зеркале и снежном ожерелье

Морская бабушка

Два брата

Улда

Гигант Стало

Ослепление Стало

Красивая Настя

Северное сияние – длинная рука

Лэн – мальчик с пальчик

Плач сосульки

Гирвас - озеро

Чаклинг

Сергевань-охотник

Урма

Олешек - золотые рожки

Легенда

Сказка о Нойде, проводнике оленей

Коддь ачка (Дикая старуха)

Чадць иллий (Живущий в воде)

Куихть виль (Два брата)

Ергаль Кувдчь (Оборотень медведь)

Медведь и девочка

Пеный майнась (Собачья сказка)

Айновы острова

Что бывает со скупыми на том свете

О лисе

Шапка невидимка

Лисица и лопарь

О медведе и лисице

Сталло-стал и два брата

Как мужик ходил к солнцу

Игрун - смельчак сын

Вик варач

Остров Кильдин

Город Лынь-Лан-нынч

Кит-камень на Имандре

Лопарь на небе

Три охотника

